

Василиса Усова

Мачеха
для Золушки

Annotation

Как выжить в этом мире, если ты одинокая молодая вдова с двумя очаровательными дочками? Нужно быть сильной, всегда держать спину прямо и сохранять лицо в любой ситуации. Однако жизнь в королевстве далеко не сказка, и ради благополучия приходится идти на многое, даже на повторный брак по расчету...

Василиса Усова

Мачеха для Золушки

Глава 1. Вспоминая прошлое

Городской рынок гудел. Молодая женщина, в скромном коричневом платье, неторопливо шла вдоль торговых рядов. Ей не хотелось вступать в разговоры, но чуткий слух улавливал отдельные фразы.

— Какое несчастье!

— Да, да! Такой молодой, богатый, и такая ужасная судьба!

— Говорят, он был пьян?

— И что с того, куда смотрели его слуги?

Женщина вошла в хлебную лавку, оставив шум улицы за спиной. Для местных жителей рынок служил источником не только продуктов, но и новостей со всего королевства. Что же до нее, она ясно чувствовала, что никогда не станет своей, среди этих разговорчивых, но несколько беспардонных людей.

— Леди Катрин! Как я вам рада! Вы успели к самым свежим и сдобным булочкам! Только — только из печи!

Дородная хозяйка пекарни выплыла из-за прилавка, приветствуя гостью. Разумеется, как владелица лавки, она не занималась выпечкой самостоятельно, у печей трудились бабы из серобниц. Однако, ее положение хозяйки, позволяло ей самой отпускать товар покупателям.

— Доброе утро, Дара, — вежливо улыбнулась Катрин, мысленно напоминая себе, что они ровня, и не следует заирать нос.

— Вам как обычно, медовые плюшки? — поинтересовалась хозяйка, — Может, и себе выберете, не только же дочек баловать.

Этот разговор повторялся почти каждую неделю, когда Катрин Лерианс посещала пекарню, чтобы купить булочки к завтраку для дочерей. Для нее подобный ритуал был одним из способов хоть немного побаловать своих девочек.

— Благодарю, в следующий раз обязательно.

Обе знали, что и в следующий раз Катрин отговорится теми же словами, но для Дары было необходимым действием предложить больше, чем собирается купить посетитель.

Женщина уже укладывала теплые, ароматные плюшки в корзинку, как, хозяйка пекарни, вдруг, понизив голос, спросила.

— А вы были знакомы с этим молодым господином? Вы же с ним из одного круга.

Катрин вздрогнула. Она не понимала странной манеры местных жителей, задавать в лицо любые вопросы, мало заботясь об уместности и банальной вежливости.

— О каком господине идет речь? — женщина попыталась изобразить любопытство. Не признаваться же, что ей абсолютно не интересны местные новости и слухи. И без этого в ее жизни полно хлопот.

— Как?! — удивилась Дара, — Вы не слышали последних новостей? Вчера трагически оборвалась жизнь его светлости, герцога Алиона Марка Мелтона! Весь город только об этом и говорит!

Катрин ощутила, как в животе, словно затянули тугой узел.

— И что же с ним произошло?

— Несчастный случай на охоте. Упал с лошади, и скатился в каменистый обрыв. Может погиб и не сразу, но пока его сумели вытащить, было уже поздно. А мог бы еще жить и жить.

— Действительно ужасная новость, — прокомментировала женщина, без тени сочувствия.

— Ты же наверняка была с ним знакома, должно быть встречались на балах или приемах? — Даре хотелось подробностей, чтобы обсудить потом с другими покупателями.

— Видела пару раз. Да, хорош собой, да богат, пожалуй, это все, что могу рассказать о нем. Мы близко не общались. А сейчас извините, дочки ждут меня к завтраку, надо поспешить, пока плюшки не остыли.

Хозяйке пекарни явно хотелось продолжить разговор, она недовольно поджала губы. Тут, на счастье Катрин, появился следующий покупатель, и Дара переключила свое внимание на него.

Алион Мелтон... Туда тебе и дорога. Красивый, азартный, заносчивый, и высокомерный гад! Женщина сжала кулаки. Уж кто кто, а она не будет лить слезы по этому юноше. Это по его воле она сейчас вынуждена считать копейки, и покинув столицу, жить в провинциальном городе.

— Мне противно думать, что дочь посудомойки влезла в нашу семью, — всплыл в голове его высокий, немного визгливый голос. — Где были глаза дядюшки, когда он женился на тебе.

— Напомню, что мой отец герцог Ириан Эйрик Лерианс, и я как его дочь...

— Он бы никогда не женился на твоей матери, и тебе еще повезло, ее светлость Аделария взяла тебя на воспитание, а не выкинула к свиньям, где тебе самое место!

Звук пощечины. Катрин больше не желала сдерживаться. В ответ — полный ненависти взгляд.

— Ты еще пожалеешь об этом.

Погруженная в воспоминания, женщина чуть было не прошла мимо дома. Маленькое, двухэтажное строение

уютно утопало в зелени листья. Окинув дом хозяйским взглядом, Катрин подметила, что нужно уже подкрасить окна и побелить дверь. А это все траты...

Ничего, можно на чем-нибудь сэкономить, но жить в грязи и в разлуке она не будет. Истинное благородство не в титуле, а в образе жизни, — как любила повторять ее учительница хороших манер.

— Мама! Мама пришла! — запрыгала вокруг Эйрика, стоило только появиться на пороге.

— Леди Эйрика, что за манеры! — мягко пожурела Катрин дочь, — И где Агата?

— Агата, чего ты там копаешься? Мама уже пришла! Пока ты свою куклу нарядишь, все плюшки остынут! — завопила Эйрика, взлетая по лестнице, за младшей сестрой.

Женщина только покачала головой. Старшая дочка, восьмилетняя Эйрика была настоящей сорвиголовой. Ее копну кучерявых волос не могли сдержать даже самые прочные ленты, а звонкий голос можно было расслышать даже на соседней улице. Катрин с грустью подумала, что сложно будет воспитать из старшей дочери благородную даму. А вот тихая и скромная Агата, совсем другое дело.

Девочки появились на лестнице, младшая дочь несла куклу в не зашнурованном платье. Эйрика, по привычке, спускалась первой, чтобы успеть подхватить сестренку, если та вдруг оступится. Давно уже излишняя предосторожность, но в отношении дочерей Катрин предпочитала не вмешиваться. Старшая дочь, несмотря на шумность и ненужную активность, была хорошей сестрой.

Пока дочки завтракали, женщина взялась зашнуровать платье на кукле, параллельно она следила, чтобы девочки сидели ровно, а кушали аккуратно.

— Все, больше не могу, эти плюшки всегда такие огромные, — Эйрика вылезла из-за стола, и заглянула матери в лицо, — А мы сегодня пойдем гулять в парк?

— Леди Эйрика, — укорила ее Катрин, — О какой прогулке может идти речь, если вы не съели и половину завтрака!

— Я честно-честно наелась, у Дары всегда такие огромные плюшки, что одной можно накормить целых двух человек. — и девочка придвинула вторую половину матери. — А я собираться! — и она побежала по лестнице.

Катрин вздохнула, она прекрасно видела бесхитростные уловки старшей дочери, но если отказаться от оставленной половины, то в следующий раз Эйрика даже не притронется к лакомству.

С булочек на завтрак, и длительной прогулки в парке, обычно начиналась неделя в их маленькой семье. И этот уклад не нарушался все те три года, что они жили здесь.

Под конец прогулки, старшая дочка, начала, как всегда, просить погулять еще немного. Агату уговорить было легче, стоило только сказать ей, что Яся замерзла, и девочка, тревожась за свою куклу, сама просилась домой.

— Эйрика, мне еще нужно купить рыбу для ужина, в следующий раз погуляем по дольше.

— Мы можем пойти с тобой, за рыбой, — загорелись глаза у девочки.

— Рыбные ряды не лучшее место, для благовоспитанных маленьких девочек. К тому же, Агата устала, ты же не оставишь младшую сестренку одну дома?

Эйрика насупилась.

— Хорошо, но когда она вырастет, то я буду ходить на рынок с тобой.

— Договорились, — серьезно кивнула ей мать.

Катрин проследила, чтобы девочки благополучно зашли в дом, и заперли дверь, а сама направилась вниз по улице.

Небо многообещающе хмурилось, кажется, ночью будет буря. Лучше купить не только рыбу, но и сразу пополнить запасы других продуктов, кто знает, как долго будет бушевать непогода.

Поход за покупками затянулся. Когда женщина подходила к дому, почти совсем стемнело. Порывы ветра бросали в лицо песок, а небо готовилось пролиться дождем. Катрин ускорила шаг. Внезапно, она заметила на траве темное пятно, кровь? Она отмахнулась от этой мысли, скорее всего, просто показалось. Но на глаза попало еще несколько пятен. Сердце сжалось, когда она поняла, что кровавые следы обрываются у дверей ее дома...

Глава 2. Ночные гости

Необходимо позвать стражу. Но как уйти от дома, где ее дочери один на один с опасностью. Катрин выдохнула, и толкнула дверь, руки ее тряслись, однако разум стал предельно прозрачным. Если кто-то ранен, она окажет помощь, если же грабители, то пусть забирают все, деньги, любые вещи. Главное, чтобы Эйрике и Агате ничего не угрожало, если понадобится, она готова предложить даже себя...

В камине горел огонь, на первом этаже были двое. Один из неизвестных, выхватил меч, и шагнул навстречу.

— Рикард! Не смей! — глухо приказал тот, кто сидел на лавке.

Юноша опустил меч, но не отступил. Катрин теперь явно видела, что перед ней парень, лет семнадцати. Волосы собраны в пучок. Северянин? Тогда все ясно, только дикари, подобные им могли забраться в чужой дом.

— Что вы делаете в моем доме? — женщине пришлось приложить усилия, чтобы голос не дрожал.

— Нам нужна помощь! — звонко ответил юноша. — Мой друг ранен, его необходимо перевязать.

— И поэтому вы, как последние разбойники забрались в мое жилище?

Юноша потупился.

— У нас на родине всегда можно найти помощь, если в ней нуждаешься.

— Вы не у себя на родине! — прозвучало более резко, чем хотелось, Катрин решительно шагнула мимо молодого человека, и приблизилась к сидящему на лавке. Так уж и быть, она перевяжет этого дикаря, а потом выставит обоих из дома, пока они не напугали ее дочерей.

Второй мужчина резко отличался от юноши. Сперва ей показалось, что это отец Рикарда (*так вроде зовут юношу?*), но теперь женщина ясно видела, что он на несколько лет старше, скорее всего ее ровесник. Волосы убраны в такой же пучок, лицо более мужественно. Правой рукой зажимает плечо, рубашка в пугающих бурых пятнах.

Они встретились взглядами.

— Сожалею, что мы доставили вам неудобства, мое имя Ингвар Орн, житель Эрланга.

— Я уже догадалась, что вы прибыли с севера. Я перевяжу вас, а затем вы покинете мой дом, и навсегда забудете в него дорогу.

Кухня там. — махнула она рукой Рикарду. — Принеси нож с серебряной ручкой, ветошь из корзины под столом, и воду.

Парень бросил на нее мрачный взгляд, но повиновался, а женщина переключила свое внимание на раненого. Не хватало еще, чтобы он отправился к праотцам прямо из ее дома. Если это произойдет, то его спутник явно не сможет утащить такое здоровое тело в одиночку. Катрин поморщилась, можно сколько угодно быть добропорядочной леди, но даже это не уберезет от дикарей, которые могут сделать ее предметом сплетен всего города.

Ингвар смотрел на нее так внимательно, что под взглядом его синих глаз она ощутила неловкость.

— Вот! — Рикард тяжело опустил на пол ведро с водой, — Мы справимся сами, чтобы не доставлять вам больших неудобств.

— Уже доставили, — буркнула женщина, опуская тряпки в воду. — Можешь снять с него рубашку? Хотя лучше разрежь, так будет проще.

У дикаря было потрясающе красивое тело, широкие плечи, рельефные мышцы. Катрин закусил губу, и постаралась отогнать лишние мысли, она почтенная вдова, и не ей заглядываться на мужчин. Руки механически обтирали кровь, пока она невольно сравнивала северянина с почившим мужем. Но как можно сравнить молодого здорового мужчину, с тем, кто был старше на сорок лет.

Ингвар с трудом удерживал сознание, однако это не помешало ему заметить, что у женщины потрясающе нежные руки. Катрин обожгла его взглядом.

— Не так уж вам и плохо, если вы успеваете думать о женщинах.

— Мы всегда думаем о женщинах, — обаятельно улыбнулся Рикард, рассматривая искусно вышитые салфетки на столе.

Со стороны лестницы послышался шум. Юноша снова схватился за меч.

— Вы живете не одна? — резко обратился он к хозяйке дома.

Та не успела ответить, потому что в этот самый момент послышался звонкий детский голос:

— Не смейте угрожать моей маме!

В длинном ночном платье, с непослушными волосами, рассыпанными по плечам, на ступеньках появилась Эйрика. Перед собой она держала большой кухонный нож, сжимая его обеими руками.

— Всего лишь ребенок, — выдохнул юноша, убирая меч.

— Эйрика, вернись в спальню!

— Я не оставлю тебя одну, с этими дикарями! — заявила девочка, глаза ее горели решительностью.

Рикард, видимо, хотел, что-то сказать, но не успел. Сделав пару шагов, Эйрика запнулась о ночнушку, полетела с лестницы, Катрин охнула, и вскочила, неловко зацепив раненого. Быстрее всех отреагировал молодой человек, в два прыжка он взлетел по ступенькам, и одной рукой поймал девочку, перехватив другой рукой нож.

Оказавшись внизу лестницы, юноша поставил ребенка на нижнюю ступеньку, положил на пол нож, и сделал шаг назад, примирительно подняв руки. Эйрика тут же вцепилась в нож, и с опасением взглянула на своего спасителя.

— Мы не сделаем твоей маме ничего дурного, она всего лишь перевязывает рану моему другу. Смотри. — Рикард вытащил меч, положил его на пол, и отступил еще немного. — Вот мой меч, ты можешь взять его, он будет надежнее ножа.

— Эйрика, быстро иди спать! — с тревогой в голосе приказала Катрин.

Девочка пропустила слова матери мимо ушей. Присев на корточки, она с любопытством потрогала наверху в виде волчьей головы.

— Надо же, такая изящная работа, и совсем без драгоценностей.

— Мы не украшаем оружие камнями, как делают это южные... дикари, — Рикард бросил выразительный взгляд на Катрин, та в ответ дернула плечом, и снова занялась раненым. Пусть болтают, пока дочь занята беседой, она не слишком будет приглядываться ко второму северянину, хотя вряд ли Эйрику можно испугать видом крови.

Тем временем девочка явно нашла общий язык с незванным гостем.

— Жаль, что я не родилась мужчиной, я бы всегда ходила на войну, и в рейды на горных разбойников!

— Но рейды дело не безопасное, если разбойники окажутся сильнее, то можно и погибнуть. Ты еще маленькая, и не понимаешь, это когда мир продолжает жить, но уже без тебя, — Рикард на миг задумался, как лучше объяснить. Девочка посмотрела на него ясным спокойным взглядом.

— Я знаю, что такое смерть. Мой папа умер, когда я была чуть младше Агаты.

— Вот как, — смешался юноша, — Сожалею...

— Я тоже... Он брал меня кататься верхом, и всегда говорил, — «Жаль, что ты не родилась мальчиком, тогда бы все эти земли принадлежали тебе». — глаза Эйрики увлажнились, но она продолжила, — Папа показывал мне созвездия, и рассказывал о том, как можно ориентироваться по звездам. Читал сказки, разрешал брать книги в своей библиотеке, и рассматривать картинки. Он очень меня любил, — девочка села на нижнюю ступеньку, в ее глазах стояли слезы. Молодой человек сел рядом.

— От чего же он умер? — с сочувствием спросил Рикард.

— Наверное от старости, ему было очень — очень много лет. Доктора говорили, что во всем виновато какое — то сердце. Но они врал! — в глазах Эйрики зажглись недобрые огоньки, и она понизила голос до шепота, — От сердца не умирают, от него живут. Во всем виноват Алион.

— Кто это? — юноша тоже невольно понизил голос до шепота.

— Сын его родственницы. Противный тип. Он нас не любил, и часто ругался с мамой, говорил, что при первой возможности выкинет нас на улицу. Так он и сделал, — теперь в ее голосе звучала недетская горечь.

— Твой отец был так беден, что не оставил вам наследства?

— Нет, мой отец был графом, у него было очень много денег, и самый огромный дом.

— Тогда я не очень понимаю...

— По законам нашего королевства, — голос Катрин прозвучал так громко и резко, что собеседники невольно вздрогнули, — Любое имущество наследуется ближайшими родственниками, исключительно мужского пола. По крайней мере, если речь идет об аристократии. И, леди Эйрика, если я позволила вам беседовать с нашим гостем, придерживайтесь более нейтральных тем.

Катрин, тем временем закончила перевязывать мужчину, и прислушалась к звукам бушующей непогоды. Самое время, выставить дикарей за дверь, но куда они пойдут в такую бурю? С другой стороны, что будет, если кто — то заметит, как утром из ее дома выйдут двое мужчин?

Ингвар правильно истолковал сомнения хозяйки дома.

— Я крайне благодарен вам, мы сейчас же покинем этот кров.

Женщина покачала головой.

— Вам лучше, какое — то время посидеть здесь, хочу убедиться, что повязки наложены крепко. Но, затем, вам действительно лучше уйти, до того, как наступит утро.

Катрин бросила взгляд в сторону лестницы. Эйрика продолжала разговаривать с Рикардом, но теперь их голоса звучали так тихо, что нельзя было разобрать ни слова.

— Не беспокойтесь, что бы ни рассказала ваша дочь, это не уйдет дальше моего друга.

— Очень на это надеюсь.

Наверное, стоило напоить северян чаем, раз уж их принесло под ее крышу. Но после волнений этого вечера и ночи, у женщины не было сил даже подняться. Она сидела на полу, рядом с тазом, где в бурой воде плавали тряпки.

— Вам нехорошо? — в голосе синеглазого дикаря звучало беспокойство. — Давайте, я помогу подняться.

Может лучше сядете на лавку?

— Благодарю, я сама. — Катрин с трудом встала.

— Нам пора. — Ингвар снял с пальца кольцо, и протянул женщине, — У меня нет с собой золота, поэтому возьмите это.

— Я бы не взяла даже золото, считайте мою помощь — актом милосердия.

— И все — таки, возьмите его. — мужчина вложил перстень в ее ладонь, и заставил сверху сжать пальцами. — Если вам понадобится помощь, покажите это кольцо любому человеку с севера, и я прибуду к вам даже из другой точки света.

Катрин хотела отдать кольцо обратно, но Ингвар крепко держал ее руки в своих. Обстановку разрядила Эйрика.

— А если мне понадобится помощь?

Рикард насмешливо фыркнул, и опустился перед девочкой на колени. Он снял со своей шеи черный шнур с изогнутой подвеской, и надел на девочку.

— Если помощь понадобится тебе, скажи любому моему единоземцу, что ты друг Рикарда Ульфа, и я приду.

— Это зуб?

— Клык древнего снежного волка. Амулет, который всегда защищал меня, а теперь будет защищать тебя от всех бед. Расти смелым маленьким воином, и не важно, что ты девочка, — он подмигнул ей.

Катрин смотрела, как две мужские фигуры постепенно таяли в ночной тьме. Ветер бросал ей в лицо холодные брызги дождя, к ноге сиротливо прижималась Эйрика.

— Мы больше никогда их не увидим?

— Думаю, что нет. — женщина закрыла дверь, и выдохнула. Ей нужно успокоиться, и постараться оставить сегодняшний день в прошлом.

Глава 3. Новости, новости

Буря не наделала больших бед. Однако пришлось хорошенько потрудиться, чтобы убрать сломанные ветки на дорожке к дому. Катрин двигалась с трудом, и чувствовала себя отвратительно. После ночных гостей она до рассвета замывала пятна крови, и стирала свое платье. Спина ныла от напряжения, и женщине казалось, что только корсет удерживает ее тело в прямом положении. А ведь еще придется снова идти в город. Ей просто необходимо посетить лавку целительницы, и закупиться лекарственными травами, даже если на это уйдет половина серебряного.

— Мама, мы закончили! — Эйрика лихо съехала с кучи веток, и приземлилась во влажную траву.

— И Яся тоже закончила, — Агата аккуратно взяла на руки куклу, которая сидела в листьях.

Катрин посмотрела на них с нежностью, пусть разные, но такие родные.

— Хорошо, думаю нам пора вернуться в дом, и переодеться.

Младшая тут же пошла к двери, Эйрика же немного задержалась.

— Мам, а когда я вырасту, у меня будет меч?

— Когда ты вырастешь, у тебя будет жених. Богатый, знатный, а оружейная в его замке будет насчитывать десятки мечей.

— Тогда я заберу один меч, и убегу, а жених мне не нужен. — серьезно заявила девочка. Катрин сдержала улыбку, однако продолжать разговор не стала. Когда придет время выдавать ее замуж, она уже будет достаточно благородной леди, и позабудет свои планы стать воином.

На рынке было шумно, откровенно говоря, Катрин не припомнила бы ни дня, когда здесь бы наступало затишье. Любая новость вызывала бурную реакцию и обсуждение жителей, хорошо, что хоть эти новости менялись день ото дня. Однако в этот раз, болтовня зацепила ее внимание.

— Всем известно, северяне дикари! И Гельд несправедливо обошелся со своими малыми!

— Так зачем они на рожон то полезли?

— Не терпеть же нашим ребятам насмешку от пришлых.

— Да! Да! Жители Эрланга дома в шкурах ходят, а здесь строят из себя господ!

Женщина остановилась, на ее счастье, рядом оказалась местная модистка — Алия Швель. Они были хорошо знакомы, поэтому Катрин обратилась к ней за разъяснениями.

— Как так? Ты ничего не слышала? — удивилась Алия, и тут же затараторила, желая посвятить знакомую во все подробности сплетни.

— У нас вчера по рынку два молодчика гуляли, ребята с севера. Они купца одного сопровождали из Торда, да подзадержались на рынке, видимо присматривали подарки своим. А может и просто диковинки искали. У них же такого изобилия не бывает. Ну и зацепились они с двумя юнцами из нового набора городской стражи. Слов[1] о за слово, произошла драка.

— Кто — то пострадал? — Катрин закрыла губы ладонью, изображая испуг.

— Торма немного зацепили, и вроде сильно ранили одного из северян. Ребята, как поняли, что наделали, поспешили за помощью, а когда вернулись, дикарей и след простыл. Там уже и буря разыгралась, где их по такой непогоде отыскать. Глава стражи — Гельд, как услышал о драке с северянами, разозлился. Ребят на хлеб и воду посадил под замок. Сегодня все утро патрулировали, вдруг тело бы обнаружилось.

— Столько беспокойства из-за каких — то северных дикарей, — покачала головой Катрин.

— Полностью с тобой согласна! — активно закивала головой Алия. — Да только у нас с Эрлангом договор о дружбе, если бы в нашем городе убили северянина, то страшно подумать, сколько бед это бы принесло.

— Хорошо, что все обошлось, — задумчиво протянула Катрин, — Не то, наш уважаемый мэр уже сегодня отправился бы в крепость, вместе с главой стражи, а юнцы и вовсе на виселицу.

— Ты говоришь страшные вещи, но закон есть закон... — собеседницы помолчали, — Кстати! — загорелись глаза у Алии, — Я уже знаю, какие фасоны будут популярны в столице в этом сезоне!

Катрин пришлось потратить еще целых полчаса, обсуждая фасоны платьев, моды, и последние сплетни об аристократках. Подобная болтовня не доставляла ей удовольствия, но женщина вежливо поддерживала разговор. Если слишком сторониться горожан, то легко можно прослыть странной, а в итоге это плохо отразится на репутации ее дочерей. Поэтому Катрин улыбалась и кивала, обдумывая про себя, что приготовит сегодня на ужин, и хватит ли двух десятков медяков на краску для окон.

— Была очень рада с тобой поболтать, заглядывай в салон, — на прощание пощечетала Алия, чмокнула воздух около щеки Катрин, и поспешила к высокому дому, с острой крышей.

Что ж. Значит ее ночные гости благополучно покинули город. Оно и к лучшему. Катрин покрутила в пальцах кольцо. Кусочек янтаря, вставленный вместо драгоценного камня, вбирал в себя солнечный свет, и казалось,

становился теплее. Женщина не рискнула надеть подарок на палец, да если и пожелала бы, все равно кольцо было ей велико. Она поместила его на цепочке, и решила носить на груди, где оно было надежно укрыто лифом платья от посторонних глаз.

Прошло несколько дней, за новыми новостями, быстро забылась история о потасовке между молодыми стражниками и северянами. Иногда, задумавшись, Катрин крутила в пальцах теплое кольцо, и ее мысли снова и снова возвращались к синеглазому дикарю. Даже от его имени — Ингвар, веяло дикими заснеженными пустынями. Впервые, ее голова была занята мыслями о мужчине. Даже находясь в браке, о муже она думала куда меньше, чем теперь об этом северянине. А ведь она совсем молода, ей скоро сравняется только двадцать четыре года. Не в этом ли причина непонятной тоски, которая иногда тонкими иглами впивается в сердце?

— А еще вот на эту взгляните, свежий улов, только сегодня доставили!... Да вам похоже нездоровится, милочка!

Катрин с трудом отвлеклась от своих мыслей. Пожилая женщина, за прилавком, смотрела на нее с участием.

— Все в порядке, просто задумалась, что приготовить на ужин.

— Аааа... — понимающе протянула торговка рыбой, — Тогда берите эту, из нее можно сделать рыбные котлеты, а остов прекрасно подойдет для наваристой ухи. Всего десять медяков!

Катрин механически отсчитала нужную сумму, и положила завернутую рыбу в корзину. В мешочке оставалась половина золотого. Если не брать ничего, кроме еды, то должно хватить на десять дней. Хорошо бы суметь и в этом месяце отложить если не пять, то хотя бы три серебряных.

— Уже уходите? — на пороге показалась владелица рыбной лавки.

Торговка за прилавком, при виде хозяйки, тут же развила активную деятельность.

— Я закончила с покупками, так зачем же мне тратить время ваших работников.

— Вы всегда такая занятая, ваша хозяйственность делает вам честь. — царственно кивнула леди Дашес. — Однако нужно выкраивать время и для отдыха. Может все — таки удостоите вниманием наши вечера в городском клубе? Начинается сезон дождей, и многие именитые горожане возвращаются в город.

— Я, право, не уверена, что смогу посетить городской клуб... — перед этой леди Катрин всегда немного робела.

Дашес Вейр родилась в семье графа, но ее отец проиграл состояние в карты. Эта женщина была вынуждена покинуть столицу, и выйти замуж за простого судовладельца. С помощью денег мужа и своего властного характера, она открыла в городе несколько рыбных лавок, и уже более тридцати лет ее дело процветало. Леди Дашес была настолько уважаемой дамой, что даже мэр города всегда кланялся ей первым.

— Это, все вздор, голубушка! Вы не юная девица, а вдова уважаемого человека. Вряд ли кто-то посмеет плохо о вас подумать, если вы наконец перестанете сторониться общественной жизни!

— Сейчас занятия с дочерьми отнимают много времени, но я обязательно обдумаю ваши слова, — пообещала Катрин, наконец, взяв себя в руки.

— Обдумайте! Это пойдет на пользу не только вам, но и вашим девочкам. В конце, концов, вы молоды, и можете еще раз выйти замуж!

— А ты! — резко переключилась она на работницу лавки, — Хватит уже натирать подносы, и взвесь мне того карпа. Хочу убедиться, что смена места ловли не сказалась на качестве рыбы.

Катрин шла по улице в сторону дома. Сегодня она не могла ни на чем сосредоточиться, мысли витали где-то далеко. Рано или поздно, ей придется вступить в городской клуб. Ее не зазывали туда только в первый год жизни в этом городе. Откровенно говоря, она не понимала, зачем зажиточные люди собираются там, если успевают обсудить новости на рынке, во время покупок.

Но членский взнос, это целый серебряный в месяц! Не слишком ли много, для того чтобы три-четыре раза собраться вечером, с теми же людьми, которых она и так видит каждый день. Конечно, эти вечера не более, чем подражание светским приемам аристократии, и доступны они лишь среднему классу. Если измерять в деньгах, то это мероприятие явно не для нее, но как женщина, вышедшая из высшего сословия, она по умолчанию переходит в средний класс. Даже если ей пришлось бы побираться вдоль дорог, никто бы не зачислил бывшую графиню в серобницы.

И замуж она тоже еще может выйти. Весь вопрос в том, нужно ли ей это? Первый раз, она бежала замуж от безысходности, иначе тетка бы выдала ее за жестокого человека, с очень дурной репутацией. Но сейчас? Разве только для того, чтобы поправить финансовое положение. В любовь Катрин не верила, считая, что место подобных чувств — в романтических балладах, которыми бродячие музыканты зарабатывают на жизнь. В памяти снова всплыли пронзительные синие глаза.

Да сколько можно?! Нужно занять свои мысли чем-нибудь другим. Может и правда посетить городской вечер?

Глава 4. Домашнее обучение

В этом году сезон дождей явно решил начаться раньше. Уже третий день подряд лил дождь, и обитательницы маленького дома почти не покидали своего жилища. Катрин мысленно похвалила себя, что догадалась запастись продуктами, ведь погода не располагала к прогулкам на рынок.

Лампа освещала сидящих за столом девочек, женщине же вполне хватало света камина, чтобы заниматься своим делом. У ног стояла плетеная корзина, чулки и некоторые элементы белья требовали починки. Кто бы мог подумать, что ей, придется самой чинить свое белье. Однако, покупать новое вместо прохудившегося, слишком дорого, поэтому Катрин вдела нить в иглу, и взялась за работу. Время от времени, она посматривала на дочерей, чтобы убедиться, что и они заняты делом.

Агата, высунув от усердия кончик языка, выводила пером неровные буквы на листе пергамента. Эйрика глубокомысленно смотрела на свой лист, но уже продолжительное время, ее пера не коснулась и капля чернил.

К сожалению, настоящие книги стоили очень дорого, но зато серые листы и чернила были доступны при любом доходе. Катрин находила выход в том, что сама писала задания для девочек. Агате пока требовалось только переписывать короткие истории, чтобы научиться ровному и красивому письму. А вот для Эйрики мать составляла математические задачи, постепенно повышая их сложность. У старшей дочери были несомненные способности к математике, только когда она не витала в облаках, как сейчас.

— Эйрика, тебе не понятны условия задачи?

— Понятны, — без особого удовольствия протянула девочка.

— Почему же ты не решаешь?

— Я думаю.

— Давай думать вместе, прочти, пожалуйста, задачу вслух.

Эйрика сморщила нос и начала неохотно читать.

— Доход владельца торгового дома составляет сто золотых в месяц. Из этой суммы он уплачивает трем работникам по одному золотому и три серебряных. Шестнадцать золотых ему приходится тратить на поддержание дела. Кроме того, сто сорок медяков он перечисляет на благотворительные взносы. Какая сумма останется у владельца торгового дома, после уплаты в казну десятой части дохода, и прочих трат? — девочка подняла печальные глаза на мать. — Боюсь, после стольких трат, ему не останется на жизнь, и несчастный подается в бродяги.

Агата издала смешок, и тут же, смутившись, ниже наклонилась над пергаментом. Катрин подавила улыбку.

— И как же ты думаешь решить эту задачу?

— Ему нужно перестать платить налоги, и уволить работников? — Эйрика соорудила серьезное лицо, но в ее глазах блестели смешинки.

Катрин вздохнула. Сегодня у дочки явно нет настроения на учебу, однако приходилось поддерживать дисциплину.

— Как, думаешь, где владелец торгового дома хранит свои деньги?

— В сундуке!

— Хорошо. Но сундук слишком большой, для ста золотых, значит он использует более мелкие монеты.

— Сплавы! — радостно выдала Эйрика, гордясь своей осведомленностью.

Мать передернуло.

— Фу, леди Эйрика, где вы вообще слышали про эту гхм... монету?

— Кажется, от какой — то бродяжки, которая жаловалась, что крестьяне подают ей сплавы, вместо нормальных медяшек.

— В приличном обществе не принято упоминать про сплавы, эта мелкая монета в сто раз дешевле медяшки, и используется только среди низших слоев населения. Ими они рассчитываются только друг с другом! Давай вернемся к задаче.

— Ну тогда владелец торгового дома хранит деньги в медяшках? — неуверенно предположила Эйрика, опасаясь новой вспышки.

— Допустим. Значит сперва нужно посчитать все суммы из задачи в медяшках.

Девочка снова замерла над пергаментом, тихо бормоча под нос.

— Один золотой равен семнадцати серебряным, один серебряный равен семидесяти семи медяшкам. Оох, какая большая получается цифра!

Но дело у девочки явно начало ладиться, взгляд стал более осмысленным, и она бодро выписывала столбики цифр. Считать она любила, сложнее всего были эти самые хитроумные выверты в задачах, из которых требовалось понять, что именно нужно подсчитывать.

— Пожалуй, я поспешила записывать его в бедняки! — спустя продолжительное время воскликнула девочка, — У него останется больше девяноста тысяч медяшек, значит сундук почти не опустеет!

— После этого, устав каждый раз пересчитывать такую гору денег, он решил хранить их в золотых и серебряных. Как тогда будет выглядеть сумма денег в его сундуке.

— Не дает он покоя, ни мне, ни деньгам, — проворчала девочка, углубляясь в новые подсчеты. Теперь она молчала куда дольше. К тому моменту, когда чулки были залатаны, Эйрика справилась и с этой задачей. Катрин отложила иглу.

— Агата, расскажи, о чем была ты история, которую ты переписывала?

Девочка начала было читать вслух, но женщина остановила ее.

— Нет нет, расскажи своими словами, не подглядывай.

— Это история про морского дракончика, который искал жу...жимужу... — Агата заволновалась, и бросила взгляд на свои буквы.

— Жемчужину! — громким шепотом подсказала ей Эйрика.

— Леди Эйрика! Может и вы перескажите нам эту историю? Нет, — остановила она начавшую говорить девочку, — На языке Эрланга!

Эйрика начала выговаривать длинные, неудобные для языка буквы, но запуталась, и замолчала.

— Плохо, — печально заявила Катрин, — Нам нужно больше заниматься языками, и меньше математикой.

— Но зачем мне учить этот язык?! Мы же видели северян, они прекрасно понимают и наш язык!

— То есть дикари умнее, чем ты? Они смогли выучить язык нашего королевства, а тебе их язык не дается?

Женщина поглядела на огорченную старшую дочку, и поняла, что взяла неверный тон. Она отложила шитье, подошла к Эйрике, и приобняла ее.

— Знание, это твое преимущество перед другими. Ты хочешь стать воином, но среди воинов очень много северян, они будут говорить между собой, и ты не поймешь ни слова.

— Можно спросить у них!

— И будешь уверена, что они скажут правду, что не исказят свои же слова, переводя на наш язык? — Катрин смотрела внимательно, и Эйрика шмыгнула носом.

— Я поняла мама, я буду старательнее заниматься.

— И я буду стараться, — Агата слезла со стула, и прижалась к матери, — Мы обеи будем стараться!

Виски нестерпимо ноют от туго затянутых волос, если бы хоть чуть — чуть ослабить прическу, ноющая боль мешает сосредоточиться на приборах. Плечи плотно притянуты платком к спинке стула.

— На приеме в доме герцога вам предложат на выбор пирог или мороженое, вы попросите...? — теть Галанта прохаживалась вдоль стола, не глядя на свою ученицу, но девочка знала, что стоит допустить оплошность, как руки тут же обожжжет от удара указкой.

— Мороженое...

— Неплохо. Если десерт с фруктами, есть его следует...

— Маленькой плоской ложечкой, с голубыми завитками.

На другом конце зала, в глубоком кресле сидит высокая худая женщина. Она, кажется, занята шитьем, но девочка чувствует, как острый неприязненный взгляд следит за каждым ее движением. Словно тонколапая паучиха, тетка ждет оплошности, любой заминки. Девочка держится изо всех сил, урок идет неплохо, пока она случайно не путает ложки...

Руки тут же вздрагивают от хлесткого удара, девочка закусывает губу, чтобы не вскрикнуть, ведь за лишний звук достанется вдвойне, но поздно.

— Бестолочь... — желчно цедит тетка, — Ты безнадежна. Я плачу учителям огромные деньги, но это так же бессмысленно, как и выбрасывать их в воду. Иногда у меня теплится надежда, что благородная кровь моего брата окажется сильнее, но нет! Каждый твой жест выдает, что ты всего лишь дочь посудомойки!

Девочка опускает горящее лицо, на глазах закипают слезы, но их тоже нельзя показывать.

— Держи спину ровно! — в голосе тетки звучат визгливые ноты, а руки снова обжигает от удара.

Катрин дергается, и просыпается. Первое время она лежит в постели, прислушиваясь к частому сердцебиению, затем встает, чтобы окончательно развеять остатки сна. Неужели ее всю жизнь будут преследовать кошмары, о жизни в доме тетки? Женщина подошла к окну, и впустила в комнату прохладный сырой воздух.

Еще только середина ночи. Нужно вернуться в постель, и попытаться снова уснуть. Катрин поплотнее завернулась в одеяло, и сжала в кулаке кольцо, от которого веяло уже привычным теплом. Ей стало спокойнее. По крайней мере в мире, где-то есть человек, который может прийти к ней на помощь. Конечно, она никогда не воспользуется этой возможностью, но приятно думать о том, что если желание вновь увидеть синеглазого дикаря станет нестерпимым, то он прибудет к ней из любой точки света.

Глава 5. Городской вечер

Катрин еще раз одернула платье, и с удовольствием осмотрела себя. Пусть небогато, но чисто, и вполне пристойно, как раз так, в ее понимании и должна выглядеть молодая вдова.

— Мам! Почему мы не можем с тобой? — взвилась Эйрика, когда леди Лерианс предупредила дочерей, что этим вечером ее не будет дома.

— Потому, что городской клуб не самое подходящее место для маленьких девочек.

— Ты туда раньше не ходила, — насупилась старшая дочь.

— А сегодня хочу пойти. Не могу же я всю жизнь провести сидя у камина, и штопая ваши чулки.

Агата, как всегда, молчала, и делала прическу своей кукле. Катрин взглянула на младшую с некоторым беспокойством.

— Я не буду задерживаться, и вернусь так быстро, насколько это возможно. Эйрика, я же могу на тебя положиться?

Старшая девочка недовольно фыркнула, но соизволила отпустить мать.

Городской клуб располагался в здании бывшей мэрии. Это был самый старый дом в городе. Выложенный из серого грубого камня, издали он напоминал большой корабль. Катрин отдала извозчику медную монету, и направилась к входу. Вполне можно было дойти сюда и пешком, но не принято. Даже местные жители, чьи дома примыкали к городскому клубу почти вплотную, вызывали извозчика, чтобы проехать двадцать-тридцать шагов.

В окнах уже были заметны силуэты прибывших. Женщина внезапно оробела. Что она здесь делает? Зачем ей эта светская жизнь, которая не более, чем пародия на настоящие приемы аристократии? Лучше бы она провела этот вечер с дочками, а не в окружении местных жителей, с которыми и так постоянно сталкивается на городских улицах.

— Леди Лерианс! Я рада, что вы наконец — то решили почтить нас своим присутствием, — из подъехавшей кареты грациозно вышла леди Дашес. Одета она была неброско, но со вкусом, жемчужные бусины, вплетенные в кружевной воротник, придавали образу утонченность. Катрин пожалела, что не имеет украшений. Единственным украшением было кольцо, подаренное дикарем, да и то надежно скрывалось за высоким вырезом платья.

На входе Катрин получила билет, с позолоченными уголками, за который пришлось отдать целый серебряный.

— Каждый месяц билеты разные, хотя какая в этом необходимость, если этот служащий и так знает в лицо всех членов клуба, — прокомментировала леди Дашес, на миг задерживаясь в дверях.

И вот, Катрин оказалась в большом зале. Людей здесь было куда меньше, чем можно было ожидать в таком большом помещении. В углу располагался импровизированный прилавок, за которым пара служанок наливали чай гостям. Центр зала занимали небольшие круглые столики, за некоторыми из которых уже шла увлеченная игра в карты.

Женщина помедлила, не зная местных порядков, и решила для начала взять чай, чтобы хоть чем — то занять руки. Она знала почти всех женщин в этом зале, но не будет ли навязчивым, присоединиться к какой-нибудь группе? Ее сомнения разрешились сами собой.

— Леди Катрин! — весело окликнула ее полноватая дама из самой большой группы. — Присоединяйтесь к нам!

— Леди Евсия, — Катрин улыбнулась и кивнула головой, — Как успехи у вашей дочери?

— Просто превосходно! Она пишет, что учителя постоянно отмечают ее манеры и знания. Я вам крайне признательна, ведь это целиком ваша заслуга.

— Ну что вы, не стоит умалять заслуг самой Таис, она на редкость старательная, и умная девочка.

— Тем не менее, — неожиданно раздался голос леди Дашес, которая успела закончить беседу с невысоким, полноватым мужчиной, и теперь они вместе приблизились к группе женщин, — Ваши заслуги нельзя преуменьшать. Вы дали девочке отличную базу, что позволит учителям вылепить из леди Таис истинную аристократку. Что неплохо, учитывая, что она будущая графиня. Кстати, позвольте вам представить — Теодорий Август Браст, — мужчина коротко поклонился.

— Купец, большую часть года проводит в Торде, но тем не менее, изредка балует наш городок визитами.

Женщины в ответ поклонились, и леди Дашес оставила своего знакомого в новой компании, а сама устремилась к вновь прибывшим. Похоже, эта пожилая леди целиком взяла на себя обязанности распорядителя. Нельзя было не заметить, что в этом зале ей знакомы все без исключения.

Теодорий, тем временем с интересом разглядывал Катрин, женщина чувствовала на себе его взгляд, но старалась не подавать виду.

— Так вы преподаватель? Довольно неожиданно встретить в нашем городе...

— Что, вы, леди Лерианс вовсе не учительница! — перебила его Алия, которая тоже была в этой компании, —

Она просто оказала огромную услугу леди Евсии, дав ее дочери несколько уроков манер.

Вмешательство модистки избавило Катрин от ответа, поэтому она отпила чай, и незаметно переместилась, чтобы оказаться от купца чуть дальше. Новое положение позволило ей рассмотреть мужчину чуть более внимательно.

Средних лет, примерно на голову ниже, чем она. Под темными волосами уже наметились залысины, а вот глаза молодые, смотрят с интересом. Они столкнулись взглядами, и женщина, смутившись отвернулась. Какие глупости! Не собирается она ни с кем тут флиртовать.

Леди Евсия продолжала рассказывать об успехах дочери, время от времени ее перебивали вопросами, и Катрин воспользовалась ситуацией, чтобы незаметно улизнуть. В конце концов, ритуал вежливости она выполнила, здесь побывала, а что до остального... У нее и свои дочери есть, не хотелось бы, чтобы наступление темноты ее девочки встретили одни.

Домой Катрин отправилась пешком. Может это и не очень пристойно, но сейчас все так заняты вечером, что вряд ли кто — то заметит, как именно она покинула центральную площадь. Солнце повисло над самым горизонтом, холодный влажный воздух сгушался, и она пожалела, что не захватила теплую накидку.

Теперь до самой весны на улицах будет противная слякоть и грязь, а ночи будут сырые и холодные. Захотелось оказаться дома, развести камин, и слушать уютный стук дождя по стеклу.

— Здесь не требуются новые работницы, так что убирайся! — пронзительный возглас заставил резко вернуться на землю. Дверь одного из домов распахнулась, и на улицу выставили бедно одетую девушку.

— Я готова трудиться не за оплату, а только за еду и крышу над головой, — тоненький голосок прерывался, но напрасно. Закрытая тяжелая дверь была равнодушна к чужим страданиям.

Девушка, вжав голову в плечи, медленно побрела через улицу. Катрин заметила, что на той нет даже башмаков, ноги перевязаны какими — то тряпицами. В душе шевельнулась брезгливость. Нищих она не любила, и если к низшему слою, к простым работягам она еще относилась с терпением, но подобные бродяжки не вызывали ничего, кроме отвращения.

В доме напротив девушке даже не открыли. Она упорно постучала еще в пару запертых дверей, но также без успеха.

— Госпожа... — нищенка приблизилась, но все еще держалась на расстоянии. Катрин заметила, насколько бродяжка худа, но останавливаться не стала. У нее не так много денег, чтобы подавать всяким...

— Госпожа... — девушка еще раз решила повторить попытку. — Вам нужна служанка?

— Нет. — женщина ускорила шаг.

— Мне не нужна оплата, только крыша над головой и кусок хлеба...

Катрин, сжав губы прошла мимо, в конце концов, со своим упорством эта девушка, где-нибудь да устроится. Если же взять ее служанкой, то придется платить налог, а три серебряных за какую-то бродяжку, слишком высокая плата.

— Госпожа, прошу вас... — в этот раз голос просившей был переполнен болью и отчаяньем. — Если я не найду службу, то останется дорога только в публичный дом... Лучше в реку.

Женщина остановилась, и обернулась. Девушка стояла на дороге, по ее волосам стекали капли начавшегося дождя. Одежда была настолько перелатанной, что совсем не защищала от холода.

А ведь ей не больше пятнадцати лет, — с каким — то удивлением подумала Катрин. Но брать к себе неизвестную девчонку с улицы? Она уже знала, как поступит, и злясь на себя, за принятое решение негромко произнесла.

— Иди за мной, но держись на расстоянии. Не хватало еще, чтобы меня встретили в компании нищенки.

— Конечно, благодарю вас... — девушка тихо шла следом. Настроение после городского вечера было испорчено.

— Проходи, — Катрин запустила нищенку в дом, и тщательно заперла дверь. Наверху послышался шум, и спустя минуту дочки повисли на матери.

— Мама, а это кто? — Эйрика совсем невежливо ткнула пальцем в неожиданную гостью.

— Леди Эйрика, пальцем тыкать не вежливо! Вы поужинали?

— Да, только холодно становится.

— Сейчас разожгу камин, а вы живо наверх, мне нужно побеседовать с этой леди, а потом я поднимусь к вам.

Без удовольствия, но и без особых возражений девочки отправились в свои комнаты. Катрин склонилась над камином.

— Позвольте мне, разжечь, — девушка просила неуверенно, словно боясь напомнить о себе, но в то же время

желая оказаться полезной.

Но в камине уже весело занялся огонь, и предложение помощи осталось без ответа. Больше всего Катрин хотела сейчас переодеться в сухое платье, и посидеть с дочками, но теперь требовалось разобраться еще с одной проблемой, которую она сама же навязала себе менее часа назад.

— Садись к камину, — коротко приказала она, кивая на низкий табурет. — Как тебя зовут, почему ты оказалась на улице, и где твоя семья?

Девушка на миг замерла перед огнем, наслаждаясь долгожданным теплом, затем, смутившись возникшей паузой, начала торопливо рассказывать.

— Мое имя Нитта, госпожа. Мы жили с матерью в столице, она работала прачкой в богатом доме, а я помогала ей. Но этой осенью ее скосила лихорадка, и я осталась одна. Так как мама болела, она лишилась места, и мне пришлось продать все, вплоть до обуви, чтобы покупать еду и лекарства, но это не помогло...

— А твой отец?

— Я родилась вне брака... — девушка вжала голову в плечи, а лицо ее залилось краской. — Мама говорила, что мой отец был сыном очень знатного и богатого господина, но когда мама забеременела, ей пришлось бежать с прежнего места работы... Иначе семья моего отца заставила бы ее избавиться от меня, а на этот шаг она пойти не хотела...

— И из какой же семьи был этот человек?

— Не знаю, мама никогда не упоминала об этом, и запрещала подобные расспросы. После ее смерти я пыталась устроиться на службу, но в столице желающих работать слишком много, поэтому я решила попытать счастья в небольшом городе.

— Зачем же стучала в дома к серобникам? Даже те из них, кто имеют деньги, довольно редко нанимают слуг, им статус не позволяет. Лучше тогда уж искала бы место у более богатых господ.

— Богатые господа не пускают даже на порог, а те, что победнее иногда нанимают на пару дней, для какой-нибудь тяжелой или грязной работы...

Катрин кивнула, так и есть, мало кто из ее знакомых взял бы служанку с улицы, не имеющую ни рекомендаций, ни даже приличного платья. Но раз уж она впустила бродяжку в свой дом, то жестоко будет выгнать ее в разгар зимы на улицу.

— Моя семья живет крайне экономно, я не смогу положить тебе жалованье...

— Госпожа, я готова трудиться за кусок хлеба в день! Не выгоняйте! Я буду предана вам, буду делать любую работу по дому, буду выполнять любые приказы! — во взгляде девушки было столько надежды и мольбы, что хозяйка дома невольно смутилась.

— И мне придется платить за тебя налог, каждый месяц по три серебряных.

Взгляд девушки потух. Она вся как-то съежилась, будто желая раствориться.

— В таком случае, госпожа, я не имею права причинять вам неудобства. Позвольте только погреться у камина, и я сразу же уйду...

— Ну и куда ты пойдешь? — хмуро возразила ей Катрин, — В дождь, без приличной одежды и обуви. — Теперь женщина злилась на себя за возникшее чувство жалости, которое было не более, чем слабостью. — Если ты согласна трудиться без жалования, то оставайся... пока. Потом решим, как тебе дальше быть.

Девушка снова залилась слезами, но теперь это были скорее слезы радости. Требовалось разместить новую обительницу дома. Верхние комнаты были обжиты самой Катрин и ее дочерьми, поэтому женщина отвела Нитта маленькую каморку, примыкающую к кухне. Как и во всем доме, здесь было чисто, но крайне скромно. Эта каморка иногда использовалась как дополнительная кладовая, теперь же пришлось разместить все запасы только на кухне.

Сама девушка была готова спать и на коврике у камина, или на соломе у кухонной печи, но этого уже не могла допустить хозяйка дома. Всему положено свое место, будь то вещь или человек.

С одеждой оказалось непросто. Старые платья девочек были малы, а платье Катрин было слишком длинным. Нитта заверила, что сумеет подшить платье, если госпоже будет так угодно. После недолгих раздумий женщина отобрала кучку старых вещей, которые планировала пустить на ветошь.

— Шить умеешь?

Девушка закивала.

— В таком случае у тебя должно получиться собрать себе из этого домашнее платье. Нитки и иглы найдешь в моей корзинке для шитья, но не забудь потом вернуть корзинку на место.

— Благодарю вас, госпожа!

— С обувью сложнее... — Катрин наморщила лоб. В доме не водилось старой обуви, да и размер ноги бродяжки не совпадал ни с кем из домочадцев.

— Я буду хоть без обуви.

— Фи... Это отвратительно. Пока носи старые чулки Эйрики, они будут тебе в пору, и к тому же теплые.

Потом разберемся.

Указания и обустройство девушки заняли пол ночи, Катрин поднималась по лестнице, с нарастающей головной болью. Зачем она взвалила на себя еще один рот? Теперь точно не получится отложить не медяка... К счастью, это только до весны, а там быть может бродяжка найдет себе новую службу, и другой дом.

Мысли заработали в ином направлении. А ведь у нее с этой девчонкой немало общего. Отец знатный господин, мать из низшего слоя. Так вот, как могла бы сложиться и ее судьба, если бы сестра отца не забрала бы ее на воспитание. Тетку Аделарию Катрин ненавидела всем сердцем, но сейчас в душе шевельнулось что — то вроде благодарности. Да, «паучиха» была злобной и жестокой, но несмотря на это она дала ей фамилию отца, образование, и искала возможность выдать ее замуж за аристократа... Хотя справедливости ради, именно найденный теткой жених вынудил девочку сбежать из дома, и выйти замуж за человека преклонного возраста.

Катрин встряхнула головой. Она теперь уже не та безмолвная девочка, она сама устраивает свою судьбу, и теперь никто уже не сможет влиять на ее решения.

Глава 6. Жизнь налаживается

Плотные низкие тучи покрывали небо до самого горизонта. Солнце не могло пробиться сквозь серую завесу, поэтому невозможно было точно определить, раннее ли сейчас утро или уже время обеда. Катрин открыла глаза, и поплотнее завернулась в одеяло. Еще пара минут, а затем нужно нырнуть в холод комнаты, чтобы быстро натянуть платье, и идти разжигать камин.

Она рывком сбросила с себя одеяло, и встала. Сегодняшнее утро было гораздо теплее предыдущих. И, хотя внешних причин для радости не было, настроение было приподнятым. Даже обычно холодное платье, казалось сегодня теплым. Неужели погода решила порадовать теплыми деньками?

Женщина открыла окно, и в комнату тут же ворвался пронизывающий ледяной ветер. Она поспешила захлопнуть раму, чтобы не выстудить спальню. Странно, лоб холодный, жар исключен. Как бы то ни было, нужно все — так разжечь камин.

На первом этаже ее поджидал еще один сюрприз, в камине уютно потрескивали дрова, и в нижнем зале было так же тепло, как и наверху. На кухне кто-то суетился.

— Что вы... — начала Катрин, и остановилась, вспомнив вчерашний вечер.

— Доброе утро госпожа, — Нитта отложила свои дела, и низко поклонилась, — Завтрак готов, сейчас накрою на стол.

Катрин огляделась вокруг. Ее маленькая кухня уже носила отпечаток характера другой хозяйки. Она так привыкла заходить с утра в темную холодную кухню, что сейчас немного растерялась.

— А, да, конечно. Пойду разбужу девочек.

— Леди Эйрика уже изволила встать, она побывала здесь пару часов назад, рассказала, что и как у вас принято готовить.

— Удивлена, что она дождалась утра, чтобы отправиться на разведку... — Катрин внимательнее посмотрела на новую служанку. Девушка была одета в ее старое платье, уже укороченное и подшитое. Видно было, что Нитта тщательно старалась прибрать волосы, и вообще привести себя в порядок. Это пришлось женщине по душе, грязь и неопрятность она не любила.

Завтрак был приготовлен просто отлично, Нитта правильно рассчитала продукты, не перевела ничего лишнего, и даже девочки, которые обычно по утрам ели неохотно, в этот раз завтракали с большим аппетитом. Сама девушка завтракала на кухне, как и положено служанкам, хотя Эйрика и считала это несправедливым, но тут Катрин была непреклонна.

Неожиданно освободилось время, которое обычно уходило на мытье посуды, и уборку. Двигаясь почти бесшумно, Нитта с жаром взялась за домашние дела, не умея по-другому выразить свою признательность.

Прошла почти половина месяца, с момента появления Нитты. Первое время Катрин внимательно приглядывалась к девушке, но та вела себя безукоризненно. Выполняла работу по дому, шила, готовила, словом, жаловаться не на что. Однако пришлось столкнуться с неодобрением от старых знакомых.

— Катрин, дорогая, ты взяла себе служанку с улицы? Очень смелый шаг, может тебе помочь найти настоящую работницу, какой толк от вчерашней бродяжки!

Женщина вежливо отказывалась, удивляясь про себя, откуда весь город в курсе ее служанки, учитывая, что Нитта почти не покидала пределов дома. Ей приходилось вновь и вновь отбиваться от «доброжелателей».

— Я бы такую и на порог дома не пустила. Кто ее родители? Неизвестно? Будет мужиков перебирать, а это и на вас пятно, и на все ваше семейство. Выгоните ее, и возьмите на службу хорошую достойную женщину. Могу даже кому-нибудь из своих работниц дать рекомендации.

— Благодарю, Дара, однако я вполне довольна девочкой, пусть трудится. Если же выгнать ее на улицу, то ей не миновать дна, а так хоть к делу пристроена. — Катрин не понимала, почему в разных вариациях должна повторять свой ответ каждой второй знакомой.

Хозяйка пекарни качала головой.

— Ой ни к чему лишняя сердобольность, нельзя так верить людям. Да вы еще молоды, со временем поймете, кто был прав.

Катрин, наконец, отвоевала свою корзинку с хлебом, и покинула лавку.

Но не только поучения и советы знакомых, были проблемой. Предстояло еще одно неприятное дело. Нужно было посетить магистрат, и уплатить налог за служанку. Не объяснять же чиновнику, что она наняла девчонку из жалости.

— Леди Лерианс! Добро пожаловать! Очень рад вас видеть! — пожилой мужчина в канцелярском сюртуке

засуетился, отодвигая стул, и предлагая посетительнице чай.

Катрин тепло улыбнулась и кивнула. Этот служащий всегда обращался с ней, как с дорогой гостьей, и подобное отношение подкупало. Мужчина, тем временем открыл большую толстую книгу, и долго листал ее, в поисках нужной страницы.

— Ходят слухи, леди Лерианс, что вы обзаводитесь прислугой? — теперь тон стал более официальным, однако мужчина пока не поднимал глаз от книги.

— Слухи вас не обманывают, лейд Трим. Я наняла девушку в услужение.

— Из чьего дома, какая квалификация?

— Без рекомендаций, обычная девушка с улицы. Ей очень требовалась работа, не могла же я пройти мимо.

— Вот как. Признаться, удивлен. Думал, что это не более, чем слухи. В таком случае вы должны уплатить в казну три серебряных.

— Разумеется. — Катрин положила на стол три монеты. Пришлось взять их из «неприкосновенного» запаса, не платить же налог мешочком медяков.

— Ну что ж. С половиной формальностей покончено. У меня для вас есть приятное известие. — мужчина снова оживился, но через мгновение краска залила его лицо. — Конечно, ему предшествовали печальные события, но жизнь продолжается, так что не будем поддаваться скорби. До вас, наверное, уже дошли слухи, о трагической гибели Алиона Мелтона?

«Еще в день его гибели, и поверьте, я ни дня не сожалела о его беспутной душе» — мрачно подумала Катрин, но вслух произнесла совсем другие слова.

— Большое несчастье для его родных. Он был так молод.

— Молодость не может служить оправданием пороков. Однако, речь не о нем. Так как его светлость Алион не имел детей, то все его имущество перешло к дальнему родственнику вашего покойного супруга. Имя этого родственника не может быть раскрыто, однако он посчитал издевкой, выплаты в два золотых в месяц. Поэтому, с этого дня на вас и ваших дочерей суммарно будет выплачиваться двенадцать золотых. Большую сумму он положить не может, так как нужно содержать еще престарелую мать погибшего молодого господина, а состояние этот юноша проматывал знатно. Не могу сказать, что наследник остается в значительном плюсе...

Катрин потрясенно молчала. Двенадцать золотых?! Вместо двух? Это же целое состояние! Можно будет шить новые платья, обувь. И даже положить небольшое жалование Нитте.

Лейд Трим опустил на стол мешочек с золотом.

— Еще ни за кого, из своих подопечных, я не был так рад, как за вас, — сердечно признался он. — И ваша добропорядочность в итоге осталась вознаграждена.

Женщина поблагодарила его, еще не вполне веря свалившемуся на нее богатству. Надо же, еще несколько лет назад, она могла потратить куда большую сумму на одно платье. Теперь же, на эти деньги она с семьей будет жить месяц, и чувствовать себя невероятно богатой!

— Ты нашла еще одного слугу? — удивленно воскликнула Эйрика, когда вслед за матерью, на пороге показался юноша с плотной кожаной сумкой.

— Леди Эйрика, Томми — ученик сапожника, он пришел, чтобы снять мерки. Вам с Агатой давно нужны новые ботинки.

— Ясе тоже нужны ботинки, — подала голос Агата.

— Кукле я свяжу самые теплые тапочки, — пообещала Катрин.

Юноша, уже ловко снимал мерки с ноги Эйрики.

Скоро девочка начнет расти с такой скоростью, что придется обновлять ее гардероб каждые полгода. И впервые мысли об этом не пугали. Женщина наблюдала за тем, как Томми записывает размеры, и делает пометки о материале.

— А у Нитты совсем нет ботинок, никаких, — негромко поделилась Эйрика с учеником сапожника, пока тот снимал мерки с ноги младшей сестры.

— Нитта это ваша кукла, госпожа? — поинтересовался Томми, заканчивая с замерами.

Катрин закусила губу, как же она могла забыть! Девчонке тоже требовалась хотя бы одна пара обуви, а лучше две. Домашние туфли, и уличные ботинки.

— Нитта, подойди к нам, — позвала она служанку, и та тут же появилась на пороге кухни.

— Снимите мерки еще с этой девушки. Ей нужны будут обычные ботинки и мягкие туфли для дома.

— Госпожа, что вы, я не нуждаюсь, — запротестовала было Нитта, но умолкла под строгим взглядом хозяйки дома. Девушка покраснела, когда Томми взял ее ножку в ладонь, и начал замерять, и она испытала облегчение, что на обе пары обуви снимается только одна мерка.

— За четыре пары будет три золотых, и семь серебряных, — подвел итог юноша, складывая записи в сумку. —

Я принесу готовую обувь через две недели, если не удастся закончить работу раньше. — Он бросил быстрый взгляд в сторону Нитты, но девушка уже скрылась на кухне.

Катрин проводила ученика сапожника, и вернулась в дом. Ей хотелось петь и смеяться, и чтобы все вокруг были так же счастливы, как и она.

— Госпожа, мне никогда с вами не рассчитаться за целых две пары обуви, — Нитта накрывала на стол, но выглядела немного подавленной. — Это огромные деньги.

— Считай, это наградой за работу. К тому же, если мне понадобится, чтобы ты вышла в город, будет весьма кстати, если тебе будет, что обуть.

— Мама, ты нашла клад? — громким шепотом спросила Эйрика.

Катрин улыбнулась.

— Все может быть. А сейчас, юные леди, уделите внимание обеду, если хотите пойти на прогулку в парк.

Глава 7. Знаки внимания

Сегодня Катрин собиралась на городской вечер, с куда большим удовольствием. Она еще не обзавелась ни новым платьем, ни ботинками, но это было совершенно не важно. Пока ей было достаточно знать, что она может себе позволить крупные покупки, и это внутреннее ощущение приятно согревало изнутри. В дверь постучали.

— Простите госпожа, что беспокою, там пришел ученик сапожника.

Уже? Еще даже не прошло недели, как он снял мерки. Если скорость работы не сказалась на качестве, то и она позже закажет у него обновку.

Томми ожидал у дверей. Завидев хозяйку дома, юноша неловко поклонился, и открыв сумку, извлек из нее первую пару обуви. Эйрика примерила новые ботинки, и лицо ее расцвело от счастья.

— Это самая удобная обувь из всей, что у меня была! — воскликнула девочка, подпрыгивая, и проверяя ботинки на прочность.

— Я передам ваши слова мастеру, он будет польщен, — серьезно ответил Томми.

Агата стеснялась говорить при постороннем, но тоже улыбнулась юноше, ей тоже обновка пришлась по душе.

— Нитта! — нетерпеливо позвала Катрин, — Не стоит задерживать юношу, у него и без нас достаточно дел!

Покраснев, девушка приблизилась, и Томми сразу как-то расправил плечи, и провел рукой по коротким торчащим волосам. От женщины не укрылось, с каким волнением и ожиданием паренек смотрит на ее служанку. В голове сами собой всплыли предостережения горожанок.

— Все в порядке? — строго поинтересовалась она, и ученик сапожника смутился.

— Простите госпожа, последние две пары мастер доверил шить мне, и... Надеюсь они будут достаточно удобными.

— Они замечательные, спасибо! — Нитта с признательностью посмотрела на леди Лерианс. — Госпожа, спасибо вам огромное!

— Все благодарности мастеру, — кивнула Катрин, не показывая, что и она довольна.

Нитта несмело взглянула на Томми, и одарила его улыбкой. Юноша так воодушевился, что, уходя, чуть не оставил свою сумку, о которой ему, смеясь, напомнила Эйрика.

Надо будет серьезно поговорить с Ниттой, — решила Катрин. В этом возрасте девушки очень легко теряют голову, так что лучше заранее предостеречь ее от возможных последствий.

Сегодняшний городской вечер ничем не отличался от предыдущего. За столиками так же играли в карты, местные жители пили чай, беседовали, леди Евсия делилась с кем — то очередными успехами дочери. Катрин прошла по залу, решая, к кому присоединиться. Если в прошлый раз она робела в непривычной обстановке, то сегодня ею управляла уверенность в себе. Карточные столы женщина отмела сразу, подходить к компании знакомых, и выслушивать благодарности от леди Евсии тоже не было желания. Компромисс нашелся сам собой. Взяв чай, Катрин решила прогуляться вдоль стены, украшенной картинами.

Наверное, постоянные гости вечеров уже не замечали привычных произведений живописи, но ее неудержимо тянуло рассмотреть полотна поближе. Вряд ли здесь висели оригиналы, но копии тоже были выполнены восхитительно. Катрин остановилась перед огромной картиной. Бушующее море, корабль, и моряки, которые приготовились сразиться с морским чудовищем. Но не сюжет привлек ее внимание. По характерной прическе и одеждам, в команде корабля угадывались северяне. Крайняя фигурка, решительно поднявшая меч, против змея, казалась удивительно знакомой.

Чем дальше женщина вглядывалась в полотно, тем явнее ей чудились яркие синие глаза...

— Вы тоже являетесь поклонницей морских сюжетов?

От неожиданности Катрин вздрогнула, и пролила чай на платье.

— Прошу прощения, не хотел вас пугать. — мужчина выглядел искренне огорченным. — Просто вы так долго стояли здесь одна...

Катрин наконец узнала его.

— Лейд Теодорий? Не беспокойтесь, я всего лишь увлеклась картиной.

— Просто Теодорий, среди моих предков не было выходцев из знатных родов. — улыбнулся мужчина, — Любите искусство?

— Не то, чтобы люблю, скорее, немного в нем разбираюсь. — Катрин еще раз посмотрела на изображение морского сражения, но очарование уже было разрушено. — Встретить знакомое полотно, почти то же самое, что повстречать старого друга.

— Вы так говорите о картине, что мне тоже захотелось поближе познакомиться с искусством. — купец задержал взгляд на полотне. — Но все, что я могу сказать, этот художник был знаком с жителями севера только с чужих слов.

— Действительно? И что же подтолкнуло вас к подобному выводу?

— Северяне изображены довольно стереотипно, и больше похожи на дикарей, чем на моряков. И в море они ходят на прекрасных кораблях, а не на древних углых судах.

— Автор этой картины, Аргевальд Скёрд. Половину жизни он провел путешествуя, по северным землям, знакомясь с обычаями и нравами жителей Эрланга и Витстанга. Именно ему мы должны быть благодарны за первые подробные карты севера, и за описание границ вековых гор. Он написал это полотно, более трех сотен лет назад...

— Надо же! — Теодорий оторвал взгляд от картины, и теперь с не меньшим интересом смотрел на Катрин, — Мне бы даже не пришло в голову, что это настоящая историческая ценность.

— Подлинник хранится у жителей Эрланга, здесь всего лишь копия. Она, несомненно, сделана качественно, но не представляет исторической ценности, ей явно не более десяти лет.

Купец смотрел на нее с таким восхищением, что женщина невольно смутилась. Она опустила глаза, и только сейчас осознала, что ее платье, увы, испорчено. Следы чая отстирать несложно, но не будет же она танцевать с пятном на груди.

Нужно поспешить покинуть зал, пока леди Дашес занята кем — то из гостей. Не хватало еще сегодня опять оправдываться, почему она и в этот раз пропустит танцы. У выхода ее нагнал купец.

— Леди Лерианс, я крайне сожалею, что испортил ваше платье. Возьмите мою куртку, и позвольте проводить вас.

— Благодарю, Теодорий, но это лишнее. — Катрин на миг замешкалась, — Меня все равно уже ждут дома, поэтому я воспользуюсь услугами извозчика.

Купец выглядел огорченным, но настаивать не стал. Он проводил Катрин до кареты, и долго стоял на площади, пока карета не скрылась в одном из переулков. Вернувшись в зал, он какое — то время постоял перед картиной, изображающей морское сражение, но теперь она уже не вызвала прежнего интереса.

— Леди Катрин опять покинула нас, — покачала головой леди Дашес. — Но то, что она уже дважды удостоила вечер своим присутствием, тоже достижение.

— Боюсь, это моя вина, — признался купец, — Я случайно облил ее чаем, поэтому она так скоро покинула нас.

— Жаль, очень жаль. Ей было бы полезно развеяться, и отвлечься от домашних забот.

— Яркая женщина, — бросил вскользь Теодорий, — Не встречал ее раньше.

Слова, словно оброненные случайно, возымели нужный эффект. Теперь, когда леди Лерианс отсутствовала, ничто не мешало присутствующим говорить о ней.

— Она живет в городе только три года, и полностью посвящает себя дочкам.

— Так она замужем? — поинтересовался купец, словно без особого внимания.

— Вдова. Оно и не удивительно, муж был старше нее на сорок лет.

— Говорят, она прибавила себе возраст, чтобы выйти замуж, вроде был целый скандал, когда открылась правда.

— Ее нельзя осуждать за такой поступок, — решительно вмешалась леди Дашес, и все примолкли, доверяя ее авторитетному мнению. — Девочка была сиротой, и воспитывалась у сестры отца. Тетка, имеющая репутацию желчной старой девы, вознамерилась выдать племянницу за некоего графа, известного своей жестокостью. За десять лет, у него было четыре жены, и все они погибли при странном стечении обстоятельств. Пятую жену при такой репутации найти очень непросто.

Тетке был важен лишь титул жениха, и леди Катрин пришлось спасти свою судьбу самой. Она сбежала из дома, и прибавив себе три года, вышла замуж за пожилого вдовца. Когда правда раскрылась, большого скандала не вышло, ведь к этому времени, она была беременна старшей дочерью, и ее муж, своим именем замял дело. Хотя и выплатил огромный штраф в королевскую казну.

На какое-то время за столиком воцарилась тишина. Все осмысливали услышанное.

— На мой взгляд, у леди Катрин больше благородства, чем у так называемой аристократии! — теперь всеобщее внимание привлек один из молодых мужчин. — После смерти ее мужа, все состояние перешло к племяннику. Желая ее унижить, он назначил самое маленькое содержание, из возможных. Канцелярист пытался убедить леди, чтобы та подала прошение королю, но она с негодованием заявила, что не будет драться из-за денег, когда над могилой ее мужа еще свежа земля.

Я тогда только начинал службу учеником канцеляриста, и, как сказал мой наставник, когда дело доходит до денег, многие проявляют свою истинную натуру. Так вот, даже в этом вопросе, леди Лерианс повела себя безупречно.

— А ее познания о манерах и этикете! Преподаватели моей дочери до сих пор удивляются, как хорошо ее обучали манерам... — внесла свою лепту и леди Евсия. Для нее это была очень животрепещущая тема, которую она могла развивать до бесконечности. Разговор утих сам собой.

Теодорий хотел бы узнать больше, но продолжать расспросы, не вызывая подозрений, не было возможности. Но слух выцепил еще пару полезных фраз.

— Она гуляет в этом парке с дочками, каждую неделю. Ее старшая дочь — настоящий сорванец, а вот младшая — совершенный ангел, и как у этой леди получились настолько разные дети?

Дальнейший разговор ушел в обсуждение других детей и их матерей, но купцу этого было достаточно. Значит, городской парк, начало каждой недели. Через пару дней у него обязательно найдутся дела, в той части города.

— Леди Эйрика! Нет! Тебе не нужно знать глубину лужи! Палкой тоже нельзя! Камнем тем более!

Девочка надулась, и оставив свои попытки, чинно пошла рядом с матерью. Но ее добронравия хватило ненадолго.

— Агата, давай побегим наперегонки, до того дерева? — задорно предложила она сестре.

— Яся не любит бегать. — младшая девочка крепко держала мать за руку, вне дома, она чувствовала себя в безопасности только рядом с ней.

— Так она не побежит, а поедет! Как на лошадке!

— Эйрика, — пришлось вмешаться Катрин, — Как думаешь, мы встретим больше птиц по дороге к центру парка, или на обратном пути? — как ни странно, эта старая уловка все еще работала.

— Столько же! Птицы тут всегда одни и те же!

— Ты так уверена?

Эйрика на пару минут задумалась, а затем притихла. Только губы ее едва шевелились, когда на глаза попала очередная птица. Любопытство девочки порой доходило до крайности. В этом парке уже были пересчитаны деревья, камни, и даже виды цветов.

Конечно, в центре девочка будет много бегать, сбрасывая энергию, но главное, чтобы хотя бы сейчас она шла спокойно, и не дергала младшую сестру. Агата не любила разговаривать на ходу, а Эйрика пока была надежно занята, поэтому никто не мешал Катрин, погрузиться в свои мысли...

— Леди Лерианс! Какая приятная неожиданность! — от укрытых на зиму цветников, неожиданно появился старый знакомый.

— Теодорий! Добрый день, не ожидала встретить вас здесь.

— У меня были дела в этой части города, решил сократить путь через парк. Признаться, последний раз я прогуливался здесь в достаточно юном возрасте! — купец замедлил шаг, и пошел рядом с женщиной.

— А эти очаровательные леди, как я понимаю, ваши дочери?

— Да, леди Эйрика, и леди Агата.

Агата, несмело сделала полупоклон, и плотнее прижалась к матери. Эйрика не обратила на нового спутника никакого внимания, она все еще была занята подсчетами.

— Они очень похожи на вас. — наступила заминка, мужчина пытался найти тему, для продолжения разговора, и Катрин решила прийти ему на помощь.

— Эта зима радует нас частыми теплыми деньками.

— Совершенно с вами согласен, в этом году все дожди, похоже, завершились еще в конце осени. Даже дороги успели высохнуть, и, несмотря на зиму, в прекрасном состоянии.

— Вам часто приходится находиться в пути?

Катрин, поняла, что попала в нужную тему. Теодорий принялся рассказывать о поездках по стране, о торговых делах, и забавных курьезах. Время от времени он задавал вопросы своей спутнице, но женщина умело переводила разговор, и купец не заметил, что его цель — узнать о этой леди побольше, — так и осталась не достигнутой.

Глава 8. Хмурый день

Потеплее закутавшись в шаль, Катрин подошла к окну. Девочки сидели за столом, привычно выполняя задания. С тех пор, как в их доме появилась Нитта, у Катрин стало гораздо больше свободного времени, и она полностью посвятила его образованию дочерей. Но были ли готовы дочки к увеличению количества уроков? Агата постепенно делала успехи, а вот Эйрика начала отбиваться от рук. Нет, открыто матери она не дерзила, но стала слишком много рассуждать о задачах, и о их практичности.

Пришлось уменьшить количество так любимой математики, но увеличить изучение языков. И теперь Эйрика сидела с крайне недовольным видом, бурча под нос трудновыговариваемые слова северного языка.

Небо все еще было свинцово — мрачным, под стать настроению. На их улочку свернула какая — то парочка. Катрин не обращала на них внимания, пока парень с девушкой не остановились у тропинки к ее дому. Присмотревшись, женщина различила знакомое платье и накидку. Нитта?! Кто же ее кавалер? Долговязый молодой человек, коротко стриженный. Не тот ли это юноша, что делал замеры для обуви, и бросал пыльные взгляды на ее служанку?

Катрин так и не решилась тогда побеседовать с девушкой, и теперь сожалела об этом. Нитта, тем временем, забрала у спутника свою корзинку, и, не оглядываясь, поспешила к дому. Томми проводил ее взглядом, и только когда за девушкой закрылась входная дверь, отправился по своим делам.

Женщина нахмурилась, не так давно она рьяно отстаивала репутацию своей служанки, а теперь эта девица разгуливает в компании молодого человека. Случись что, и ей каждая в этом городе укажет на то, что ее неоднократно предупреждали. Нельзя брать неизвестную молодую девицу с улицы в услужение, особенно если она может плохо повлиять на собственных дочерей.

Выждав некоторое время, Катрин прошла на кухню. Нитта разбирала покупки, что-то напевая себе под нос. Девушка была в приподнятом настроении, и Катрин ощутила укол совести. Можно подумать, она завидует чужому счастью. При чем тут зависть? — тут же мысленно одернула сама себя. Вряд ли лично в ее жизни найдется человек, после встречи с которым она будет радостно напевать и витать в облаках. В области груди кольнуло кольцо, и Катрин поправила цепочку, придавая ему привычное положение.

— Нитта, ты сегодня задержалась, — заметила женщина, не зная, как лучше начать разговор.

— Простите госпожа. Я ждала пока привезут рыбу.

Катрин окинула взглядом стол. Среди покупок рыбы не наблюдалось. Девушка поспешила объяснить.

— Судна задержались, и не успели доставить свежий улов. Я думала, что рыбу привезут, пока буду делать остальные покупки, но женщина из рыбной лавки сказала приходить после обеда.

— Ты решила скоротать обратную дорогу в компании старого знакомого?

Нитта смутилась.

— Простите госпожа. Мы столкнулись с ним случайно, на рынке. Томми сказал, что его ждет заказчик, на соседней с нами улице, и предложил донести корзинку, раз уж нам по пути... — щеки девушки покрылись красными пятнами, она не решалась поднять глаза.

— У этого молодого человека серьезные намерения?

— Он только донес корзинку...

— Нитта, ты должна понимать, что молодая девушка, разгуливая в компании постороннего юноши, навлекает на себя ненужные подозрения. Я не хочу, чтобы о моей служанке судачил город. — произнося последние слова, Катрин ощутила себя древней склочной старухой, но нужно было закончить, — Я верю в твою добродетельность, но остальные будут верить лишь своим глазам. Если твоя репутация станет предметом сплетен, тебе придется поискать другое место службы!

На щеках девушки показались дорожки слез.

— Простите госпожа, я больше и словом не обмолвлюсь с учеником сапожника... И с любым молодым человеком... Мне очень дорого ваше доброе мнение обо мне... — ее голос прервался, и девушка поспешила отвернуться, чтобы смахнуть слезы.

Катрин почувствовала себя еще хуже, и решила немного смягчить резкие слова.

— Нитта... Молодые люди в этом возрасте очень легкомысленны, и не всегда порядочны. Я всего лишь хотела тебя предупредить, чтобы ты была осмотрительна.

Низко склонив голову, Нитта кивнула.

— И еще, я после обеда сама схожу на рынок. Так что вторая половина дня у тебя свободна.

Катрин вернулась в каминную. Как-то криво прошел разговор. Она не хотела упрекать или запугивать девчонку, но вышло все не так. Не так, как она хотела.

Старшая дочь подняла глаза от бумаги, и хмуро посмотрела на мать.

— Ты уже закончила с заданием?

— Нет. «Зачем ты с ней так?» — с вызовом спросила девочка.

— С кем, и как? Леди Эйрика, если хотите что-то сказать, то выражайте свои мысли яснее.

— С Ниттой! Она добрая, хорошая, и помогает нам. Зачем ты с ней так?

— Подслушивать чужие разговоры нехорошо.

— Я не подслушивала, а слышала! И вы мне не чужие!

— Эйрика, — Катрин опустила на свободный стул, и посмотрела дочке в глаза, — Я не обижала Нитту, а всего лишь предупредила. Молодая девушка должна быть очень осмотрительной, чтобы не стать жертвой злых языков...

— Тут у всех злые языки, все друг про друга говорят! Почему Нитта не может дружить с сапожником? Какое ей дело до остальных!

— Этот вопрос мы обсудили с Ниттой, тебя он не касается, — жестко отрезала мать, не желая выслушивать нравоучения от дочери.

Эйрика сузила глаза.

— Значит Нитте нельзя ходить с сапожником, это неприлично. А тебе можно!

— Мне можно что?

— Тебе можно ходить с этим толстопузым купцом, который привязался, к тебе, как репей.

— Ты говоришь глупости, Эйрика! — теперь Катрин тоже повысила голос.

— Я говорю правду! Мы гуляем в парке, и он гуляет! Мы идем за покупками, и он тут же. И все с нами вежливо здоровается, все расспрашивает. Тебе значит это прилично?! — девочка сорвалась на крик, но тут же осеклась, увидев, как всхлипнула младшая сестренка.

Катрин взяла Агату на колени, и начала мягко укачивать, успокаивая.

— Леди Эйрика. Поднимитесь в свою комнату, приведите себя в порядок. Оставайтесь там до ужина. Вам нужно учиться держать себя в руках, — тихо и раздельно произнесла Катрин, не отводя взгляда от дочки.

Та еще помедлила, желая что-то сказать, но сдержалась. Бросив отчужденный взгляд, она стремглав взбежала по лестнице, и скрылась в своей комнате, громко хлопнув дверью.

Обед прошел в молчании. Катрин кусок в горло не лез, Агата тихо ковыряла свою порцию, ничего не отправляя в рот. Наказанная Эйрика демонстративно не стала спускаться, а Нитта, накрывая на стол, выглядела поникшей.

Что за глупости несла Эйрика, — хмуро размышляла Катрин, — да, время от времени она пересекается с Теодорием. Но разве ей не приходится сталкиваться на ярмарке и с другими жителями города? Пусть они иногда беседуют, но это не более, чем ритуал вежливости. Беседует же она с Алией, когда им доводится столкнуться на улице.

Хотя стоило себе признаться, что с Алией она сталкивается куда реже, чем с купцом. Скоро весна, Теодорий вернется в Торд, и они перестанут встречаться на прогулках. И есть большая разница в статусе вдовы и молодой незамужней девушки. Только вот, как донести это, до дочери?

После обеда Катрин сама отправилась на рынок. Она надеялась, что прогулка поможет ей окончательно собраться с мыслями. Навстречу ей показался долговязый юноша, с большой плотной сумкой, который тут же отступил с дороги, и поклонился.

Обычно Катрин слегка кивала ему, не прекращая движения. Но сейчас она остановилась. Вот в чем заключалась ее главная ошибка. В первую очередь стоило поговорить с молодым человеком.

— Добрый день, Томми. Последнее время часто вижу тебя на нашей улице. Неужели все наши соседи решили пошить себе обувь?

— Леди Лерианс, — юноша еще раз поклонился, — У моего учителя много заказов, поэтому я должен много ходить по городу. Не будут же знатные господа сами посещать лавку сапожника.

Катрин решила не ходить вокруг да около, какой смысл тратить время на расшаркивания с человеком из низшего класса.

— Я заметила, что вы уделяете много внимания моей служанке?

— Да, госпожа, если мне по пути, я с удовольствием сопровождаю Нитту. — Томми смотрел честно и открыто, — В нашем знакомстве нет ничего дурного.

— И много у вас по городу таких девиц, с которыми вы дружите?

Теперь юноша смутился.

— Скажу прямо. Меня интересуют ваши намерения, если вы желаете легко провести время, то ищите себе подругу не в моем доме. Нитта порядочная девушка, и ей ни к чему поверхностные знакомства!

— Леди Лерианс, поверьте, у меня и в мыслях не было ничего дурного. Да, мне нравится Нитта, я бы желал взять ее в жены, но это пока невозможно...

— Вот именно. — подчеркнула Катрин, — Если же о девушке пойдут сплетни, она лишится места в моем доме.

Сколько вам осталось?

— Еще три года. Затем я смогу выкупить дом, который получил в наследство от родителей.

— Вы оплатили обучение у сапожника под залог дома?

— Да, и под процент, который я буду выплачивать ему, когда мастер станет настолько стар, что не сможет сам брать заказы.

— Зато вы будете обеспечены местом и материалом в начале самостоятельной работы, — задумчиво произнесла Катрин.

— Все так, госпожа. Я готов посвятаться к Нитте, как только закончу обучение, и выкуплю дом родителей.

— Это займет больше времени, чем три года.

— Я уже выполняю часть заказов, чтобы накопить на выкуп к завершению обучения.

— Вот когда станете полноценным человеком, тогда и поговорим, а до тех пор, постарайтесь, чтобы Нитта не стала объектом сплетен. Уж поверьте, пока она работает в моем доме, к ней и так приковано внимание некоторых горожанок...

Томми все-таки выговорил себе право, раз в две-три недели видаться с Ниттой. Но Катрин настояла, чтобы эти встречи были исключительно в ее присутствии, например, во время прогулок в парке. Или, когда Нитта сопровождает ее за покупками. Гулять же юной девице одной, с молодым человеком не стоит, и Томми пришлось с этим смириться.

Катрин почувствовала умиротворение. Расставаться с Ниттой она пока не хотела, выгонять ее — тем более. Девушка была на редкость смышенной и услужливой, пусть этот ученик сапожника сам встанет на ноги, а там видно будет. Если же его намерения были не серьезны, то он оставит ее служанку, и присмотрит себе девушку более свободную в нравах.

— Леди Лерианс! Какая приятная неожиданность!

Катрин остановилась, только один человек встречал ее этими словами. Каждый день...

— Теодорий, добрый день, тоже решили сделать покупки?

— У купцов и так всего в изобилии, — улыбнулся он, — Я же решил прогуляться, надеюсь, что встречу кого-нибудь из старых знакомых.

Женщина вспомнила слова Эйрики. Надо же, ее дочь оказалась более прозорливой.

— Я верю, что вам сегодня улыбнется удача, и вы встретите кого-нибудь из знакомых, — ответила Катрин, решив сразу свернуть разговор.

— Мне уже улыбнулась удача, я встретил вас! — Теодорий бросил на нее взгляд, от которого женщине стало жарко.

Как же так? Только сегодня она отчитывала Нитту, что та ведет себя неосмотрительно, а сама не заметила за собой, что оказалась почти в такой же ситуации. Конечно, ее-то сплетни не коснутся, она уже побывала замужем однажды, и к ней общество настроено более доброжелательно. Однако если ее будут слишком часто видеть в компании Теодория, то у окружающих сложатся определенные ожидания, и в конечном итоге не загонит ли она сама себя в ловушку?

— Вы совсем меня не слушаете, вас сегодня одолевают некие заботы?

— Что вы, вовсе нет, — Катрин смутилась.

— Тогда я повторю свое предложение. На углу соседней улицы замечательное кафе, мы можем отогреться там от этого пронизывающего ветра?

— Благодарю, Теодорий, конечно... То есть нет, я совсем забыла, у меня сегодня важное дело.

— Так позвольте вас проводить? — с готовностью предложил мужчина.

— Ээм... Я обещала зайти к Алии, к модистке. На примерку нового платья...

Теперь смутился Теодорий.

— Да, да, конечно. Не хотел ставить вас в неловкое положение.

Катрин ничего не оставалось, как свернуть в противоположную сторону от рыбной лавки, и направиться к салону модистки. Раз уж сказала, будет странно пройти мимо. Женщина злилась на себя, но ничего не могла поделать. А она еще верила, что сама управляет своей жизнью. Увы... Ее жизнь полностью была в цепких руках благопристойности и общественного мнения.

Глава 9. Неизвестные факты

— Милая моя! Какой приятный сюрприз! — засуетилась вокруг Алия, стоило только Катрин переступить порог модного салона. — Тебе давно пора пошить новое платье, мне только вчера доставили изумительные ткани, которые выгодно подчеркнут твои достоинства!

Катрин мысленно прикинула, в какую сумму может обойтись новое «изумительное» платье, и поспешила остановить модистку.

— Может в следующий раз. Сейчас я хочу простое строгое платье, классического фасона.

— Но Катрин! Оно добавит вам несколько лет. Вы молодая, привлекательная женщина, почему бы вам не создать подобающий образ?

Леди Лерианс была непреклонна, усилием воли она заставила себя не смотреть в сторону новой, разложенной ткани. За действительно хорошее платье придется отдать не менее тридцати золотых, когда классическое обойдется не более, чем в пять. И больше никаких крупных трат в этом месяце.

Алия сдалась. Она махнула рукой двум служанкам, которые тут же принялись за замеры. Хозяйка салона разложила простую ткань, и принялась выбирать наиболее подходящие пуговицы. Однако дело не мешало ей болтать.

— Сейчас есть время на эксперименты, а то обычно такой поток заказов, что иногда даже мне приходится брать в руки иглу, и шить сутки напролет. Жаль, что в этом году в нашем городе не было ни одной свадьбы. У меня просто чешутся руки, взяться за свадебное платье.

Катрин ответила что-то сочувственное, говорить с поднятыми руками было не очень удобно.

— Кстати, когда будешь выходить замуж, ты просто обязана заказать платье у меня. Я на днях придумала такой фасон, который просто идеально сядет по твоей фигуре.

Женщина поперхнулась.

— Кто будет выходить замуж?

— Как кто? — Алия взглянула на нее, как на дурочку, — Ты, конечно! Все только об этом и говорят!

Меньше всего, Катрин хотела бы стать объектом сплетен, и уж тем более попасть в такую ситуацию, когда окружающим известно о ней куда больше, чем ей самой.

— Боюсь, ты что-то перепутала, — аккуратно подбирая слова, сообщила леди Лерианс, — Лично до меня еще не доходили слухи, о моем вероятном замужестве.

Алия рассмеялась.

— Милая Катрин, уж не думала ли ты, что сможешь долго скрывать это от всех? Последнее время, вы с Теодорием везде появляетесь вместе, даже ко мне ты отправилась в его компании, хотя мало кого из мужчин можно убедить приблизиться к дамскому салону. — Алия весело фыркнула.

— Мы с Теодорием случайно столкнулись на улице, — попыталась отбиться Катрин.

— Конечно! А до этого случайно столкнулись в парке, нечаянно пересеклись в булочной, и совсем внезапно встретились на набережной.

Леди Лерианс закусила губу. Она, конечно, знала, что в этом городе глаза есть даже у фонарных столбов, но, чтобы настолько.

— Тебя никто не осуждает, напротив, ты поступаешь очень благородно. Купец Теодорий, конечно, богат и умен, но в его положении непросто найти подходящую жену.

— От чего же? — невольно заинтересовалась Катрин, понимая, что перевести тему все равно не удастся. — Он не так молод, но, когда это было препятствием для брака?

— Разве ты не знаешь? — теперь Алия выглядела озадаченной, более того, создавалось впечатление, что она не уверена, стоит ли говорить дальше. Это настораживало, учитывая, ее обычную болтливость.

— Опять что-то, о чем знают все, кроме меня?

Модистка покрутила пуговицу в руках, помолчала, и нехотя продолжила говорить.

— Тебе же известно, что купец Теодорий уже был женат?

— Мы не обсуждали с ним настолько личные вопросы.

— Об этом и так все знают, ты могла услышать и не от меня. Он прожил в браке около десяти лет. Жена родила ему очаровательную девочку, но беременность сильно подкосила ее здоровье. Несмотря на это, она мечтала иметь много детей, хотела родить сына...

Катрин начала догадываться, что произошло дальше.

— Теодорий вдовец?

— Его жена умерла в родах, не спасли и ребенка... Селине тогда было лет шесть.

— Селина, это его дочь?

Алия кивнула, теперь она выглядела расстроенной.

— Редко, кто из мужчин в этом возрасте не имеет детей. Разве девочка может быть препятствием для повторного брака?

— Теодорий мог бы жениться, и новая жена с радостью приняла бы девочку. Если бы только... — Алия замялась, но выразительный взгляд Катрин заставил ее говорить дальше. — Девочка тяжело пережила уход матери. Это событие наложило особый отпечаток...

— Все знают, что дочь купца Теодория — дурочка, — шепнула служанка, заканчивая снимать мерки.

— Лит, замолчи! — прикрикнула Алия, но тут же сама подтвердила, — К сожалению, так и есть. Когда Теодорий в отъезде, за девочкой присматривает кухарка, ты могла встречать их на рынке. Грубая баба серобница, и с ней угрюмая девочка, в обносках.

Таких Катрин встречала с десятков, но они никогда не привлекали ее внимания. И вообще, почему она приняла эту историю так близко к сердцу? Теодорий к ней не сватался, даже словом не намекал о своих намерениях. Да если и посватается, ей вовсе не обязательно идти замуж, дети у нее есть, статус тоже, даже деньги перестали быть серьезной проблемой. Так какие еще причины могут толкнуть ее в брак, если она и так уже имеет все то, ради чего подобные союзы и заключаются? Мыслей о любви, или романтической привязанности даже не возникало. Женщина была для этого слишком практична.

Катрин терзали сомнения, но в этот раз она решила пропустить вечер в городском клубе. В конце концов, кто сказал, что посещать их обязательно? Да, она потеряет один серебряный, но сейчас для нее это не такие большие деньги.

Так же она подумала и через неделю, и через две. За покупками ходила только Нитта, и женщина, не зная, чем себя занять, с удвоенными силами взялась за обучение дочерей. Ей не хотелось признаваться, что она просто прячется в стенах своего уютного домика. Она была уверена, что стоит только выйти на улицу, как снова столкнется с купцом, и эта встреча будет еще больше подпитывать нежелательные слухи.

Принесли записку из модного дома. Ее платье было почти готово, но нужна еще одна примерка. Вопреки своим привычкам, Катрин взяла извозчика, чтобы доехать до салона.

— Катрин, милая, куда вы пропали? О вас уже начали беспокоиться!

— Была не здорова, — коротко отозвалась леди Лерианс, желая скорее закончить с примеркой, и вернуться домой.

Однако, Алия усадила ее пить кофе, уговаривая дождаться, пока платье будет закончено. Катрин поддалась, все-таки это избавит ее от повторной поездки. Модистка, как обычно, щебетала, рассказывая о городских сплетнях и слухах. Пришлось поддерживать разговор.

Над дверью звякнул колокольчик, и на пороге показалась величавая дама.

— Леди Дашес! — тут же вскочила Алия, — Не ожидала, что вы посетите мой скромный салон!

Катрин показалось, что появление леди Вейр, вовсе не было сюрпризом для хозяйки модного дома.

— Как можно проехать мимо, когда у вас собралась такая приятная компания. Может и для меня найдется здесь чашка кофе? — неторопливо, словно нараспев произнесла леди Дашес.

На круглом столике появилась еще одна кружка. Алия внезапно вспомнила, что отложила для леди Дашес образцы ткани для нового платья, и, прихватив с собой служанок, скрылась в дальних комнатах модного дома.

Катрин сделала глоток обжигающе горячего кофе. Кажется, предстоял непростой разговор.

— Вы так внезапно перестали появляться в обществе, что о вас начали беспокоиться, — светским тоном проговорила пожилая леди.

— Мне не здоровилось, — отозвалась Катрин, прибегая к той же отговорке.

— Понимаю, зимний сезон коварен, даже в теплые дни так легко подхватить болезнь. Но как вижу, вы уже поправились, а значит, мы можем ожидать вас на следующем вечере?

— Даже не знаю, — Катрин покрутила кружку в руках, — Столько домашних дел, к тому же я должна уделять больше времени образованию дочерей...

— Вы готовите их в служители науки? — чуть более резко произнесла леди Дашес, — В конечном итоге их все равно ждет брак, и рождение детей.

Катрин упрямо сжала губы, спорить было бессмысленно, но и поддаваться она не собиралась. Однако, пожилая леди внезапно сменила тон на более участливый.

— Ваша преданность детям, выше всяких похвал, но не пора бы подумать и о себе?

— У меня все благополучно.

— Раз у вас все благополучно, значит вы снова начнете бывать на светских вечерах? Поверьте, некоторые наши общие знакомые, очень огорчены вашим отсутствием, — леди Дашес бросила на Катрин пронизывающий взгляд.

— Вы о Теодории Брасте? — напрямую спросила леди Лерианс. С самого начала она чувствовала, что разговор придет именно к этому.

— Теодорий замечательный человек, и вы, Катрин, ему очень симпатичны.

— Но у меня нет нужды снова выходить замуж. Я и так имею все то, что приносит брак, и довольна своей жизнью.

— Девочка... — впервые в голосе леди Дашес прозвучала непривычная мягкость, — Твое первое замужество было непростым, но нельзя же всегда цепляться за неудачный опыт. Может быть, вступив в брак осознанно, ты найдешь в семейной жизни то, чего тебе так не хватает? Защиту, надежность?

Катрин хотелось возразить, но она продолжала слушать.

— Сейчас ты полностью зависишь от наследников своего мужа. Размер содержания — вещь ненадежная. Сегодня это десять золотых, а завтра один. К тому же тебе известны законы, если твой попечитель решит сам устроить судьбу твоих дочерей, у тебя не будет права голоса. За кого бы он ни пожелал их выдать. Подумай и о том, что, когда в доме живут одни женщины, нельзя считать их в полной безопасности. Даже в наш тихий городок иногда забредают личности с неблагородными помыслами.

Женщина невольно вспомнила дикарей с севера. Они не сделали ничего дурного, но повезет ли ей в другой раз? Пожилая леди, словно знала ее страхи, и потаенные мысли. И возможный брак дочерей... Она всегда думала о том, что за десять лет многое изменится, но, если нет? Что, если ее девочки станут разменной монетой в чьей-то погоне за состоянием или новыми связями. Простит ли она себе их искалеченную судьбу?

— Решение в любом случае только за вами. Я лишь пытаюсь подсказать вам верный путь. — леди Дашес давно допила кофе, и собралась уходить. — И да, передай мои извинения Алии, пожалуй, я посмотрю ткани в другой раз.

Как только за ней закрылась дверь, тут же появилась модистка.

— Где же леди Дашес? Уехала? Какая жалость, мне следовало быть расторопнее. Ну ничего, я не буду далеко откладывать нужные ткани. Кстати, твое платье уже полностью готово. Примеришь?

Глава 10. Случайная встреча

— Леди Лерианс! — в глазах Теодория было столько искренней радости, когда она появилась, что женщине невольно стало совестно.

Катрин знала, что на городском вечере она непременно столкнется с купцом, поэтому, потребовалось собрать всю свою силу духа, чтобы снова сюда приехать. Она так и не решила для себя, отвечать ли на ухаживания мужчины. Безусловно, он был хорошим и порядочным человеком, но есть разница, быть женой купца или вдовой графа. Как будет лучше для ее девочек?

Теодорий, тем временем взял для нее чашку чая, и пригласил женщину к окну. Остальные гости держались на почтительном расстоянии, и это внушало тревогу. Обычно местные жители деликатностью не отличались.

— Вы так внезапно пропали, я даже не знал, что и думать.

Женщина обратила внимание, что купец сегодня выглядит как — то иначе. Более тщательно одет, и весь какой — то... приглаженный.

— Мне не здоровилось, — отозвалась Катрин, верно следуя придуманной отговорке.

— Как вы сейчас себя чувствуете? Может вам лучше присесть?

— Благодарю, со мной уже все в порядке, — сглаживая сухость беседы, Катрин улыбнулась.

Теодорий изо всех сил старался поддерживать светскую беседу, и Катрин великодушно делала вид, что увлечена разговором. Они с этим мужчиной были совсем разные, и сегодня она особенно остро ощущала эти различия. Но приходилось привычно задвигать свои чувства на дальний план, как и положено благовоспитанной даме.

Тема разговора сместилась в сторону семьи. Купец с интересом расспрашивал о том, как Катрин проводит уроки, и воспитывает своих дочерей. Женщина поделилась, и в свою очередь спросила Теодория о его дочери, тот смутился.

— Моя дочь в детстве перенесла тяжелое потрясение... Она несколько отличается от остальных детей.

— Да, я знаю, — Катрин постаралась, чтобы в голосе не слишком явно читалось сочувствие.

— В этом городе жизнь как на ладони. Все все о всех знают, — невесело улыбнулся купец.

Катрин снова улыбнулась, хоть в этом их мнения сходились.

— Леди Лерианс, не будет ли большой дерзостью, если сегодня я все — таки провожу вас после вечера? — задавая вопрос, мужчина заметно волновался.

— Теодорий, мы с вами столько знакомы, что вы давно можете называть меня по имени.

— Катрин... — купец словно пробовал имя на вкус, и даже не заметил, что его вопрос так и остался без ответа. Однако, вечер они все — таки покинули вместе.

— Мама, ну зачем тебе замуж, нам же хорошо в этом доме. Мы же и так семья! — Эйрика сидела на кровати матери, и без удовольствия наблюдала за тем, как Катрин собирает волосы.

— Малышка, так надо. Женщинам нужен защитник, и поэтому они выходят замуж.

— Но ведь я твой защитник... Я умею драться, и кидать камни, и могу защищать и тебя, и Агату, и Нитту. — девочка обиженно выпятила нижнюю губу, но, зная характер матери, волю слезам не давала.

Катрин тяжело вздохнула, и села рядом. Как там должны чувствовать себя невесты? Волнение, трепет, стыдливость? Перед первым браком она ничего подобного не испытывала, сейчас и подавно. Словно предстояла обычная поездка, связанная с документами, разница лишь в том, что после она навсегда окажется привязана к мужчине, который будет ждать ее сегодня, у городского магистрата.

— Эйрика, вам с Агатой нужна полная семья. Придет время, и вы тоже выйдете замуж. Я хочу, чтобы перед вами был пример, какой должна быть полная, настоящая семья.

— Мне не нужен замуж, мне нужно, чтобы мы жили по — прежнему!

— Малышка моя, — Катрин обняла дочку, — Ты знаешь, что у Теодория тоже есть дочка? Девочка, чуть старше тебя. У нее совсем нет мамы, а отец всегда в разъездах. Ей приходится жить совсем одной, под присмотром кухарки...

Эйрика шмыгнула носом.

— Давай заберем ее себе, пусть живет с нами. Может спать в моей комнате. Но тебе же не обязательно выходить замуж за купца.

Женщина ничего не ответила, только погладила дочь по голове. Эйрика сама поймет, со временем.

В тот памятный вечер они очень медленно шли с Теодорием, по узким улочкам, и разговаривали. Купец не пытался хитрить или изворачиваться, и это подкупило Катрин. Да, он знал, что в городе у его дочери была репутация «дурочки», ему было горько это принять, но он и сам видел, что Селина стала резко отличаться от других детей.

Теодорий пытался забрать ее в Торд, но девочка не смогла привыкнуть к очень жаркому и влажному климату, к тому же, этот город не лучшее место для впечатлительного ребенка. Им пришлось вернуться обратно. Мужчина не мог надолго отложить торговые дела, поэтому оставил дочь на попечение женщины, которая смотрела за домом в их отсутствие.

Катрин не понимала, почему нельзя было нанять более подходящую женщину, или перенести торговые дела ближе к столице, но с советами не лезла. Теодорий признался, что до сих пор тоскует по жене, но девочке нужна настоящая мать. Он понимает, у его дочери нет шансов вступить в будущем в брак. Но ведь это не означает, что у нее не будет настоящей семьи. Если Катрин согласится выйти за него, то у девочки будут оба родителя, и сестры. И если с ним что — то случится, Селина не останется одна.

Женщина взяла время подумать, но она уже знала, какое решение примет. Теодорий богат, к нему в этом городе относятся с уважением, не глуп. Конечно не молод, но и до старости ему далеко. Как и ко всему в своей жизни, к возможному браку Катрин подошла со всей присущей ей практичностью. Взвесив все плюсы и минусы, она приняла решение.

Важным условием стало лишь отсутствие шумихи. Теодорий пытался настоять хотя бы на роскошном свадебном платье, или кортеже с шестью лошадьми, но Катрин стояла на своем, и жениху пришлось смириться. Покладистый и стоворчивый характер, женщина тоже отметила к плюсам избранника. Ее больше волновала падчерица, с которой предстояло познакомиться после свадьбы, но купец уверял, что его дочь хоть и не умна, но послушна и дружелюбна. Приходилось верить ему на слово.

Эта свадьба была очень похожа на первую. Отсутствие гостей, равнодушный чиновник, и мужчина, к которому она ничего не испытывает... Катрин спокойно подписала бумаги, ответила на положенные вопросы, даже жених, наверное, испытывал больше волнения. Женщине казалось, что ее сердце «застекленело», все, что она чувствовала — безысходную необходимость делать то, что должно. Себе не было смысла врать. Она выходила замуж из — за денег, и ради будущего дочерей. Чтобы им не пришлось жертвовать собой, и чтобы они испытывали чуть больше радости, создавая свои семьи.

Не решаясь поцеловать жену, купец ограничился тем, что коснулся губами ее руки. Он все еще немного робел, перед новоявленной супругой. Предстояло забрать девочек, и отправляться в новый дом.

Карета неожиданно остановилась. Они уже доехали? Так быстро? Но нет, женщина заметила, что дорогу преградила пара всадников.

— Останься, я узнаю, что им нужно, — коротко сказал Теодорий, покидая карету.

Катрин послушалась, вряд ли в городе среди белого дня будут расхаживать разбойники. Просто пара путников решили уточнить, как доехать до столицы. Сквозь стекло было видно плохо, что происходит снаружи. Женщина различила, что всадники спешили, и о чем — то переговариваются с купцом. Напоследок они пожали ему руки, и похлопали по спине.

Из — за плащей невозможно было разглядеть, с кем так тепло общается ее муж. Да даже если бы она увидела их лица, вряд ли ей знакомы друзья Теодория. Минута терпения, и он сам расскажет, кто это был.

Всадники вскочили на коней, и один из них бросил быстрый взгляд на карету. Катрин резко отшатнулась от окна, не желая, чтобы ее заметили. Она могла поклясться, что этот человек ей знаком. Единственный мужчина, который так часто занимал ее мысли и сны, все тот же синеглазый дикарь...

Глава 11. На новом месте

Дом купца находился в пригороде, поэтому, по меркам Катрин, ехали довольно долго. Но любой дороге рано или поздно приходит конец, женщина вышла из кареты, и ее взору открылся новый дом. Первое впечатление полностью совпало с восклицанием Эйрики.

— Мы будем жить в этом заброшенном доме?

— Эйрика, — тут же урезонила ее мать. Не обязательно же было произносить это вслух, когда уже ее старшая дочь научиться не говорить то, что думает.

Купец растерялся.

— Марта наняла пару слуг, чтобы они привели дом в порядок, к вашему прибытию.

Катрин осмотрела нечищенные дорожки, заросшие кусты, обшарканные стены и наконец, грязные окна. Если это и есть порядок, то страшно представить, как выглядело жилище до того, как за него взялись слуги.

— Все в порядке, Теодорий, просто дому не хватает женской руки. Все — таки вряд ли кухарка может по — настоящему контролировать нанятых слуг.

— Да, конечно. Видишь ли, я не так часто бываю здесь..., наверное, мне нужно было больше времени уделять благоустройству, но боюсь, я в этом ничего не смыслю.

Завидев подъезжающую карету, из дома показались его обитательницы. Низкая полная женщина не удостоилась внимания Катрин, а вот падчерицу женщина разглядывала с особым вниманием. Впечатление та производила неважное. Серое застиранное платье с неровными заплатками, грязные волосы собраны в унылый хвостик, но хуже всего было выражение лица. Испуганно — настороженное, словно у зверька, который слишком поздно заметил охотничью стрелу, и уже не может спастись.

Ладно дом, но неужели ее муж не замечает, что за девочкой совсем не ухаживают? Или ему все равно? Или он трясется над каждой копейкой, и не видит смысла тратить на неполноценного ребенка? Не слишком ли опрометчиво она поступила, давая согласие на брак?

— Селина, девочка моя, познакомься, это моя жена — леди Катрин, а ее дочери будут твоими сестрами.

Девочка затравленно взглянула на мачеху, и ничего не ответила. Ну никто и не обещал, что будет легко найти общий язык с падчерицей. Теодория молчание дочери не смутило, значит такое поведение девочки в порядке вещей. Тем не менее знакомство состоялось, теперь предстояло поближе изучить дом.

В нижнем зале пахло пылью и полежавшими тряпками. С мебели были сняты чехлы, но это не спасало ситуацию. Некоторые половицы поскрипывали под ногами. Чем больше Катрин смотрела вокруг, тем более удручающее впечатление производила окружающая обстановка. Как можно было так запустить свой дом, дом, где живет твой ребенок!

К счастью, Эйрика держала язык за зубами, хотя женщина ясно видела, ее дочке здесь не нравится. Агата обнимала куклу, и тоже хмурилась, девочки привыкли к чистоте, и не готовы были к смене уютного домика, на заброшенную затхлую усадьбу.

Кажется, Теодорий догадался, что что — то не так.

— Вам здесь не нравится?

Следуя приличиям, нужно было похвалить жилище, но у Катрин просто не поворачивался язык. Однако задевать самолюбие мужа тоже не стоило.

— Здесь неплохо, но... — женщина замялась, подбирая слова.

— Если ты привыкла к другой обстановке, то можешь переделывать дом под свой вкус. — торопливо произнес купец, — На моих счетах достаточно денег, нанимай слуг, заказывай мебель, разворачивай любую деятельность. Раньше домом занималась моя жена... Но после... — Теодорий прерывисто вздохнул, — После ее ухода, я не могу здесь долго находиться, и не представляю, как обустраивается быт. В Торде я снимаю меблированные комнаты, и там все бытовые вопросы на домоправительнице. — он несмело улыбнулся, — Здесь же ты теперь главная.

Катрин еще раз осмотрелась. Может быть все не так уж и плохо. С завтрашнего дня ей придется озадачиться домашними вопросами. На днях перевезут остальные вещи, а самое главное, приедет Нитта. Вдвоем они и не с таким справятся, уж в чем, в чем, а в трудолюбии своей служанки женщина не сомневалась.

Кухарка накрыла им в столовой, почему — то на столе были приборы только для четверых. Быть может служанка не умеет считать? Катрин выждала, пока Марта сама заметит и исправит оплошность, но этого не произошло, та преспокойно принесла и начала расставлять горячее.

— Здесь приборы на четверых персон, — негромко заметила Катрин.

— Да, госпожа, — кухарка поклонилась, бросив на нее полупрезрительный взгляд. Видимо за последние годы, она почувствовала себя в этом доме хозяйкой.

— В кухарках не может служить человек, не умеющий считать.

— Не понимаю вас. Прибор для господина Теодория, для вас, и двух ваших дочек. Все верно.

— Приборов должно быть пять, — холодно отчеканила Катрин. Эта баба ей не нравилась, и она подумала о том, что первым делом наймет другую кухарку.

— Госпожа... — попыталась возразить Марта, но Катрин резко перебила ее.

— Принесите недостающий прибор. — и повернулась спиной, показывая, что разговор окончен.

Кухарка что — то негромко пробурчала себе под нос, но приказание выполнила.

Когда все собрались за столом, возникла очередная заминка. Женщина, сцепив руки в замок ждала, девочки поглядывали на мать, и тоже не притрагивались к еде. Теодорий не понимал, что происходит, и на всякий случай не начинал трапезу, следуя примеру супруги.

— Катрин, что — то не так? — наконец не выдержал он.

Та взглянула на него с удивлением.

— Мы ждем, пока все соберутся за стол. — Купец недоуменно обвел взглядом присутствующих, затем взгляд его остановился на лишнем приборе.

— Селина всегда ужинает с кухаркой, она не выходила, даже ко мне.

— За столом должны собираться все домочадцы. Твоя дочь не серобница, чтобы есть на кухне.

Теодорий позвал Марту, та выслушала распоряжение с непроницаемым лицом.

— Господин, девочка привыкла ужинать со мной.

Купец снова взглянул на Катрин, словно спрашивая, как быть. Та разозлилась. Как можно давать слугам волю, высказывать свое мнение? И уж тем более позволять не выполнять приказы?

— Приведите леди Селину, — приказала она.

В этот раз кухарка молча повиновалась.

— Катрин, может дать девочке время привыкнуть? — робко заметил купец, опасаясь конфликтов под крышей своего дома.

— Пусть привыкает, — разрешила Катрин, — Пусть привыкает есть за столом, вместе со всеми.

В полном молчании прошло несколько минут, пока, наконец Марта привела Селину. Девочка села за стол, и вжала голову в плечи, ей явно было очень неуютно здесь находиться.

Все принялись за еду. Катрин незаметно поглядывала на падчерицу, та вела себя так, словно боялась обратить на себя внимание. Ее дочки были куда смелее, даже маленькая Агата улыбнулась купцу, когда тот помог положить ей овощи из большого блюда.

— Селина, тебе добавить мяса? — предложила Катрин девочке. Та широко распахнула глаза, и робко кивнула.

— Ты больше любишь ножку или крылышко?

Падчерица вся сжалась, и ничего не ответила.

— Конечно, ножку! Все любят ножки, — весело заметила Эйрика, — И Агате тоже ножку, может хоть бегать научиться.

Купец рассмеялся, Селина вздрогнула, но ножку все — таки взяла. Катрин заметила, что девочка почти не притронулась к содержимому тарелки. Но ничего, всему свое время.

Остаток дня прошел в какой — то бессмысленной суматохе. Катрин очень хотелось взяться за дело, но сегодня было уже слишком поздно, чтобы искать слуг. Она обошла дом, и не вытерпев, вооружилась огромной метлой, и принялась собирать паутину. За этим занятием застал ее купец, вышедший из своего кабинета.

— Катрин, зачем сама, завтра этим займутся слуги. Или хочешь, я могу прямо сейчас послать в город, пусть нам кого —нибудь подыщут.

Женщина спустилась с табуретки, и оперлась на метлу.

— Ты прав, только моих усилий тут будет мало. Но я не выношу грязь, — ее передернуло. — Как можно уснуть, зная, что в пыли пауки протаптывают свои тропы.

— Я возвращался сюда только поужинать и переночевать, и почти не покидал стен своего кабинета. Если бы не дочь, то и вовсе снял бы комнату в городе.

— Мне показалось, что вы не так много общаетесь с дочерью.

— Селина очень радуется, когда я приезжаю, но иногда немного стесняется. Сейчас ей нужно привыкнуть к новым людям. Она всегда мало говорит, но зато очень искренне улыбается, совсем, как ее мать...

— Я собираюсь обучать ее вместе с девочками, — предупредила Катрин, — В любом случае она не серобница, и должна понять это.

— Катрин, — купец осторожно сжал ее руку, — В этом доме теперь ты хозяйка, и я одобряю любое твое решение, но будь помягче с Селиной, не забывай, что она не такая, как твои дочки. Хотя, что я говорю, ты как женщина, куда лучше сумеешь разобраться в тонкостях детской души. Я полностью тебе доверяю.

Катрин задумчиво посмотрела на остатки свисающей паутины, да уж. Ближайшие годы ей точно будет, чем

заняться.

Девочек пока разместили в комнате для гостей, завтра следует подобрать и привести в порядок спальни для них. Себе Катрин выбрала просторную комнату, как и положено напротив комнаты мужа. Заметно было, что здесь пытались сделать уборку, но не слишком успешно. Хотя бы постель чистая, и на том спасибо, а уж завтра она лично проконтролирует, чтобы уборка прошла, как следует.

Женщина медленно переодевалась ко сну, от окна дуло, видимо никто не позаботился о том, чтобы своевременно заменить рамы. Еще одна галочка в мысленный список. Платье зацепилось за цепочку на шее. Катрин привычно сжала в руке кольцо, как делала это каждый раз перед сном. Затем, разозлившись на себя, резко сорвала его с шеи. Она снова замужняя дама, не стоит носить побрякушки, которые дарил посторонний мужчина. Но выбросить его, не поднималась рука, и женщина аккуратно положила цепочку в шкатулку. Оставит, как память.

В дверь постучали, и Катрин быстро накинула халат.

— Войдите!

На пороге показался Теодорий, который заметив супругу тут же отвернулся.

— Прости, не знал, что ты не одета.

Женщина поплотнее запахла халат.

— Все в порядке, в конце концов, мы теперь женаты.

Купец неловко улыбнулся.

— Да, просто мне до сих пор не верится, что такая яркая женщина, как ты, стала моей женой.

Катрин подняла брови, она не испытывала особого трепета перед брачными обязанностями, мысленно смиряясь с ними, как с досадной необходимостью. Но смущение Теодория вызывало улыбку.

— Я никогда не думал, что у меня будет другая женщина, кроме моей жены... И признаться...

— Нам нужно некоторое время, чтобы привыкнуть друг к другу, — мягко закончила Катрин. Ей подобное положение вещей было даже на руку.

— Вот именно, — обрадовался купец пониманию. — У нас впереди целая жизнь, к чему спешить. К тому же утром я должен ехать.

— Ты не предупреждал, о скором отъезде. — Катрин немного огорчилась, она рассчитывала, что супруг возьмет на себя найм слуг и заказ мебели.

— Видишь ли, утром я встретил старых знакомых, которые тоже держат путь в столицу. Мне выгоднее отправится сейчас с ними, чем искать сторонних людей. Но ты можешь распорядиться домом как пожелаешь. Я вернусь примерно через четыре недели, но ненадолго, скоро пора отправляться в Торд.

— А твои знакомые, они из нашего города? — невинно спросила женщина, словно без интереса.

— Нет, они даже не из нашего королевства. Но люди слова и чести, хотя, по моему опыту, так можно охарактеризовать почти всех жителей Эрланга, местным дельцам бы поучиться у них добропорядочности.

— Почему же общее мнение о них, как о дикарях?

— У северян полно странных обычаев, и некоторые, сложно назвать цивилизованными.

Катрин заинтересовалась, ей не доводилось узнавать подробности о жизни на севере. Все, что она знала, так это то, что жители Эрланга и Витстанга — дикари, которые дома ходят в шкурах, и до сих пор жарят мясо на костре.

— Расскажешь?

Купец на миг задумался.

— Обязательно, но в следующий раз. Сейчас поздно, а у тебя был тяжелый день.

Он мягко поцеловал ее в лоб, и вышел из комнаты. Катрин испытала смесь обиды и разочарования, но ничего, она еще сумеет разговорить мужа, и утолить свое любопытство. Пожалуй, сейчас действительно слишком поздно, а впереди так много предстоит сделать...

Глава 12. Большая уборка

Теодорий отбыл на рассвете. Катрин проводила его до дверей, и пожелала удачи в делах. Глаза слипались, сейчас бы еще хоть полчаса сна, но пора приниматься за дела. В доме все еще спали, но скоро должна была проснуться кухарка, чтобы развести камин, и начать готовить завтрак.

Катрин решила воспользоваться одиночеством, и еще раз обойти комнаты. Первый этаж делился на хозяйскую и служебную зону. Сама хозяйская часть состояла из каминного зала, столовой, и комнаты, которая была чем — то вроде запасной гостиной. На половине слуг располагалась кухня, прачечная, кладовые, и прочие подсобные помещения. Женщина отметила для себя, что там тоже должен быть абсолютный порядок, но чуть позже.

Она поднялась по лестнице. Во вторую гостевую спальню заходить не стала, пусть девочки пока спят. В комнате мужа ей тоже пока делать нечего. Какая — то из дверей должна вести в спальню Селины, вчера Катрин не выяснила какая, поэтому решила оставить комнаты на потом, чтобы случайно не потревожить и падчерицу.

Ее внимание привлек открытый зал, вдоль стен которого стояли шкафы с книгами. Для женщины это стало приятным сюрпризом. Тратить деньги мужа на покупку книг, она бы еще долгое время не решилась, а тут такое богатство, можно сказать бесплатно! Она изучила корешки некоторых томиков, и осталась довольна. Здесь были сборники по географии, истории, экономике и даже по астрономии. И даже несколько сборников сказок разных земель, что просто удивительно!

К библиотеке примыкал короткий коридор, который заканчивался лестницей на чердак. Катрин решила, что осмотрит его позже. В первую очередь дом нужно мыть и ремонтировать, а изучить до конца можно и между дел.

Не дожидаясь завтрака, женщина решила посетить ближайшего распорядителя, благо его контора была через две улицы. У мужчины только — только начался рабочий день, поэтому он несколько обескураженно выслушал посетительницу, и пообещал, что к полудню несколько приходящих слуг, и три мастера с инструментом будут у нее.

Ей раньше не доводилось обращаться к подобным деятелям, но муж посоветовал не носиться по городу самой, в поисках необходимых людей, а обратиться к специальному человеку, который все организует за нее. Распорядитель мог быстро нанять нужных слуг, организовать мастеров, и своей репутацией ручался за их порядочность.

Домой женщина вернулась голодная, но довольная удачным началом дня. Стол был уже накрыт. На три персоны. Хватило одного сурового взгляда, чтобы Марта принесла еще один прибор, хоть и бурча под нос что — то нелicenseприятное. Ничего, переживет. Селина вышла к завтраку такой же замарашкой, но хотя бы вовремя. Катрин ненадолго озадачилась, что лучше отмыть в первую очередь, падчерицу или дом, и пришла к выводу, что после грандиозной уборки отмываться придется всем, так что пока лучше оставить девочку в покое.

Когда завтрак подошел к концу, она снова позвала кухарку.

— Марта, через два часа придут слуги, для того, чтобы навести порядок. Поставь греться как можно больше воды, и озаботься приготовить обед примерно на десять — двенадцать человек.

— Чего выдумали. Зачем здесь какие — то слуги. Если вашу милость не устраивает порядок, который навели на днях, я могу еще раз кликнуть баб из ближайшей деревни, и они так же отмоют дом.

Катрин сузила глаза.

— Вот именно, так же отмоют. А мне нужно, чтобы отмыли чисто. Так что берись за дело.

Кухарка уперла руки в бока.

— Еще чего. Не успела появиться, а уже командует. Сама — то небось замуж выскочила, чтобы в состояние господина ручки запустить.

Катрин поднялась, и смерила кухарку ледяным взглядом.

— Ты остаешься в этом доме, ровно до тех пор, пока я не найду другую прислугу на кухню. Ту, что умеет держать язык за зубами.

— Это решать не вам, а хозяину.

— С сегодняшнего дня, это решать исключительно мне.

Кухарка недовольно пожевала губами, намереваясь что — то сказать, но сдержалась, видимо решив дожидаться купца.

— Пойдем, Селина. — не будем мозолить глаза этим ледям.

— Селина останется! — тоном, не терпящим возражений, приказала Катрин.

Начавшая вставать падчерица замерла, и испуганно вжала голову в плечи.

— Воспитание девочки было поручено мне.

— Ровно до вчерашнего дня. Теперь же это моя забота. — с каким удовольствием Катрин вышвырнула бы эту бабу — серобницу вон. Но не следовало рубить сгоряча. Как никак новой кухарки пока нет, а сваливать эту обязанность на Нитту она не хотела.

Кухарка покинула столовую, громко хлопнув дверью, все три девочки, за столом, вздрогнули. Катрин

выдохнула, нужно держать себя в руках, и помнить о благовоспитанности. Хотя, как сохранять вежливость, вот с такими кадрами. Так, до прихода слуг у нее есть еще несколько дел.

— Селина, — обратилась она к девочке, — Мне нужно знать, какая из комнат твоя.

Падчерица бросила испуганный взгляд, и не ответила. Может быть девочка немая? Какая досада! Почему она не догадалась уточнить этот момент у мужа. Стоило предпринять еще одну попытку.

— Леди Селина, вы умеете разговаривать? — девочка широко распахнула глаза, и едва заметно кивнула.

Уже неплохо, по крайней мере она понимает речь, значит договориться с ней можно.

— Тогда скажи, где твоя комната? — Катрин смягчила тон, — Эйрике и Агате нужно выбрать себе по комнате, будет неуместно, если кто — то из них положит глаз на твою.

Селина невольно оглянулась, но она была в столовой одна, верная кухарка чем — то недовольно гремела на кухне, и не могла прийти на помощь.

— Моя комната с Мартой, — едва слышно произнесла она.

— Ты хочешь сказать, что делишь комнату для прислуги с кухаркой? — Катрин нахмурилась.

Падчерица слабо кивнула.

— Как твой отец это допустил?

— Он не знал...

— Что ж, в таком случае, пока не прибыли слуги, мы с вами поднимаемся наверх, и каждая выбирает себе по комнате.

— Я останусь с Мартой. — девочка говорила тихо, но первые слова были произнесены, и говорить ей было уже легче.

— Леди Селина, вы не служанка в этом доме, и поэтому не можете жить на кухне. Ваш отец был бы недоволен, если бы узнал об этом.

Видимо аргумент про отца, оказался действенным. Без удовольствия, но и без возражений, девочка поплелась за мачехой и новообретенными сестрами.

Эйрика распахнула дверь, и оказалась в просторной комнате с огромным окном.

— Слишком много места, — задумчиво решила она, и отправилась на дальнейшие поиски, которые привели ее к лестнице на чердак. Потребовалось немало усилий, чтобы отодвинуть люк, но это того стоило.

— Мама, я выбрала комнату!

Когда перемазанная, в пыли и паутине, Эйрика появилась перед Катрин, ту чуть не хватил удар.

— Леди Эйрика, как это понимать? Судя по вашему виду вы выбрали угольный сарай.

— Гораздо лучше, я буду жить на чердаке! — восторженно заявила девочка. Мать ее восторгов не разделяла.

— Жить ты будешь в комнате, как и полагается приличной юной леди. Между прочим, Селина и Агата уже сделали свой выбор.

Младшая дочь выбрала комнату, в которой легко угадывалась детская. Было видно, что комната хоть и давно заброшена, но обустроивалась с любовью, для маленькой девочки. Селина наотрез отказалась возвращаться сюда, и Катрин с легким сердцем разрешила Агате занять комнату. Падчерица выбрала спальню напротив, и по обстановке женщина догадалась, что та принадлежала ее матери.

Эйрика нехотя вернулась в просторное помещение с большим окном, в душе надеясь, что мать не позволит ей занять так много места. Но надежды не оправдались, Катрин хмыкнула, и сказала, что ничего не имеет против.

Прибыли слуги, и мастера. Женщина принялась раздавать указания, считая в душе, что сама сделала бы лучше, но сейчас оставалось только контролировать служанок. Внутри и снаружи дома закипела работа. Понаблюдав некоторое время, за покраской стен, Катрин вернулась в дом, здесь тоже нужен был глаз да глаз.

Селина, воспользовавшись суматохой, сбежала на кухню, Эйрику Катрин сумела обнаружить на облюбованном чердаке, и только Агата смиренно сидела в детской, наблюдая, как веселая молодая женщина моет окна.

Давно в этом доме не было так многолюдно. Работа кипела, везде звенели голоса, Катрин сбивалась с ног, появляясь то на первом, то на втором этаже, отвечая на вопросы и раздавая новые указания. В какой — то миг ей захотелось вернуться в свой маленький уютный дом, запереться там, и пусть дела делаются как — то сами. В конце концов, зачем она вообще согласилась выходить замуж? Если бы ей показали этот дом до брака, быть может она и передумала бы. Но подобные мысли не успевали надолго задержаться в голове, так как приходилось приказывать и проверять, и снова приказывать.

— Леди Браст, для замены окон нужно выделить отдельный день, сегодня уже не успеть.

Катрин не сразу сообразила, что обращались к ней, поэтому мастеру пришлось повторить дважды, пока женщина соизволила обратить на него свое внимание.

— Хорошо, кстати, а что с крышей?

— С крышей полный порядок. Мы покрасили стены, подлатали лестницы, завтра заменим окна, ну а дальше,

как ваша милость прикажете.

Женщина закусила губу. Может стоило сначала разобраться с ремонтом, а затем уже затевать уборку? Завтра опять грязь нанесут, и снова мыть. Но менять что — либо было уже поздно. Пусть будет как будет. В конце концов, супруг разрешил тратить ей любые суммы на переделку дома? Разрешил. Заодно и проверим, какая сумма трат способна повергнуть его в шок. Пока ушло всего пятьдесят золотых, но так еще не заказана мебель, а потом нужно обновить гардеробы всем обитательницам дома, разумеется за исключением кухарки. Той скоро придется подыскивать новое место службы.

Кстати, легка на помине. Марта накрывала на стол, снова что — то бурча себе под нос. По — хорошему слуг следовало кормить на кухне, но быстрее было накрыть им в столовой, где все разом могли поместиться за стол. Да и пусть не расслабляются, а быстрее едят, и продолжают работу. Сделано было уже много, но Катрин хотела, чтобы к ночи самая грязная часть дел была закончена.

Следующий день прошел менее напряженно. Пара женщин остались, чтобы помыть полы, после замены окон, а остальные, получив оплату, были распущены. Наконец — то привезли вещи, но Катрин больше всего обрадовалась даже не им, а Нитте. Как быстро эта девушка стала незаменимой помощницей в делах. Как же ее не хватало вчера, в разгар грязных работ. Пока женщина отвлеклась на мастеров, Нитта успела разобрать нехитрый гардероб, и даже помочь вымыть готовые окна.

Катрин выделила ей небольшую комнату на втором этаже. Селить Нитту в части для слуг она не хотела, пусть девушка будет поближе, не бегать же самой каждый раз на первый этаж, если что — то понадобится.

Но и этот суматошный день подошел к концу. С завтрашнего дня можно заняться мебелью, вещами, наведением уюта. Наконец — то можно касаться перил, без необходимости мыть после этого руки.

Катрин первой закончила водные процедуры, и оставив Нитту отмывать девчонок, поднялась в спальню. В чистой комнате находится было гораздо приятнее. Конечно, такого порядка, в каком содержалось ее прежнее жилище, пока достичь не удалось, но и это придет со временем. От окон больше не дуло.

Женщина достала из шкатулки цепочку, и какое — то время рассматривала кольцо, которое уже было знакомо ей до каждой царапины. Затем, сердясь на нелепую привычку, вернула его на место.

Глава 13. Семейная жизнь

Половина месяца пролетела как одно мгновение. Катрин спустилась по лестнице, и огляделась. Да, у нее есть повод собой гордиться. В день приезда дом выглядел так, словно дышит на ладан, и вот — вот развалится, а сейчас здесь можно не просто жить, а жить со всеми удобствами. Правда пришлось нанять трех девчонок, которые должны были поддерживать чистоту и помогать на кухне. Этот дом раза в четыре больше ее прежнего жилья, не самой же его с утра до вечера чистить.

По поводу кухарки женщина решила сперва поговорить с мужем. Зловредная баба ворчала и огрызалась на любые приказы, но Селина была к ней очень привязана, и только этот факт заставлял Катрин не торопиться с увольнением Марты.

Успела побывать она и в городе. Нужно было примириться с Алией, которая была обижена, что Катрин обошлась без свадебного наряда. Однако, когда женщина сделала большой заказ на несколько платьев, модистка тут же сменила гнев на милость, и пообещала завтра же прислать девчонок, для снятия мерок.

Случайно столкнулась с леди Дашес, и та выразила полное понимание, что Катрин не сможет бывать на городских вечерах в отсутствие мужа. Все — таки воспитание уже трех дочерей нелегкая ноша даже для такой сильной женщины, как она.

Катрин еще не знала, что ее скорую свадьбу с Теодорием горожане уже успели обсудить вдоль и поперек, и теперь с интересом ждали, когда у новоявленной леди Браст станет заметен живот. Иначе почему свадьба была такой быстрой и тихой, а после нее молодая супруга переехала в пригород, и перестала посещать даже городской рынок.

Самой же леди Браст было не до городских сплетен. Уже несколько дней ей никак не удавалось возобновить уроки для дочек. То служанки шли с вопросами, то новую мебель привезли, то прибыли девочки от Алии, чтобы снять мерки для платьев. Жизнь кипела, а дети были предоставлены сами себе.

— После завтрака все должны подняться в библиотеку. Леди Селина, вас это тоже касается. — девочки посмотрели на нее с любопытством, падчерица с испугом.

— Пора снова начинать уроки, а то боюсь, вы уже буквы забыли. — голос ее звучал строго, но глаза смеялись. — А вечером соберемся у камина, и я буду читать вам сказки.

— Из настоящей книжки? — глаза Агаты заблестели в предвкушении.

— Я же тебе говорила, что сказки там тоже есть, — Эйрика покровительственно взглянула на младшую сестру. — Там есть книги и поинтереснее.

— Какие же? — заинтересовалась Катрин, которой не доводилось замечать, чтобы старшая дочка проявляла интерес к чтению. Эйрика регулярно мелькала в зале с книжными полками, но мать была уверена, что путь девочки каждый раз лежал на чердак.

— Я покажу, — пообещала девочка, — Такие сказки ты нам точно не рассказывала.

Катрин встревожилась, она не была уверена, что книга, заинтересовавшая Эйрику, предназначалась для детей. Но если бы девочку что — то впечатлило, она бы уже давно поделилась с матерью. Хотелось на это надеяться.

С чего — то надо было начинать. После забот последних дней, Катрин не знала, за что братья. Особенно сложно было с падчерицей. Конечно, девочкой не занимались, но насколько все запущено? Предстояло выяснить. Селина хоть и замыкалась в себе, но на вопросы все — таки отвечала.

— Прочитай эту страницу, — обратилась женщина к падчерице, раскрывая перед ней один из томиков по землеописанию. — Я просто хочу послушать, как ты читаешь.

Селина часто заморгала, на глазах появились слезы. Катрин была сбита с толку. Вроде книга, как книга. Красочная, с картинками, по возрасту больше бы подошла Эйрике.

— Она не умеет, — бросила Эйрика, ломавшая в этот момент голову над переводом строчек.

Брови Катрин поползли вверх. Селина сидела, низко склонив голову, не поднимая глаз. Хотя, стоило и самой догадаться. Кто бы учил девочку читать? Уж явно не кухарка, которая сама одну букву от другой не отличит. Но почему отец девочки ни разу не задался целью показать дочери буквы? Объяснить что — либо. Пусть он появляется пару раз в год, но даже этого было бы достаточно.

Женщина медленно выдохнула, девочка не виновата, что ей не занимались. Тут следует винить взрослых, которые спокойно навесили клеймо “дурочки”, и перестали считать ее за человека. И совершенно ясно, что спрашивать про математику или языки так же бессмысленно. Катрин подозревала, что даже маленькая Агата знает куда больше, обретенной сводной сестры. Придется начинать с самых основ, так, как обучают детей лет с трех.

И все — таки это ужасно, дочь богатого уважаемого купца не умнее какой — нибудь крестьянки, из дальних селений. Ей будет, о чем поговорить с мужем, когда он вернется. Хотя... Вспомнился добродушный, чуть растерянный взгляд купца, разговоры разговорами, но упущенного не вернешь.

— Ничего страшного, леди Селина. Значит начнем с азов.

— Вот, та самая книжка! — Эйрика шлепнула увесистый том на стол, и села на кровать. — Еле дотащила.

— Надо же, и ты хочешь сказать, что успела всю ее прочитать? — Катрин только на следующий день вспомнила, что надо было посмотреть, какая такая книга увлекла старшую дочь.

— Не всю, конечно, но много, я не каждую страницу читала, — глаза девочки задорно заблестели, — А ты знаешь, что дикари, которые живут на севере, до сих пор носят шкуры, совсем как древние люди?

— Это ты почерпнула отсюда? — мать постучала пальцем по твердому переплету.

— Да, там столько всего про жизнь на севере. Когда вырасту, я сама отправлюсь в Эрланг, чтобы увидеть своими глазами кипящие озера и дома полные огня!

Катрин поперхнулась, наверное, следует радоваться, что Эйрика оставила мысли стать разбойницей, но теперь новая цель — стать путешественником. Нужно набраться терпения, а через десять лет выдать дочь замуж, и пусть дальше уже болит голова у ее мужа.

Взгляд зацепился за название, — “От вековых гор до Мерзлого залива. Жизнь северных долин”. Сердце забилось чаще. В книгах по географии редко уделялось много внимания северным землям и великой пустыне. А здесь целый отдельный том. Интересно, где Теодорий купил его? Издание довольно старое, должно быть стоило кучу золотых.

— Оставь ее здесь, — попросила Катрин, — Мне тоже интересно ее почитать.

— Хорошо, — легко согласилась девочка, — Там очень много кусков на северном языке, мне все равно их не одолеть. А то, что на нашем, я уже прочла.

Эйрика не собиралась признаваться, что нашла эту книгу в пыли на чердаке. Там были еще и другие, про владение мечом, про древних воинов. Вряд ли мама одобрит такое чтение, а так, ее внимание удалось отвлечь. Книгу немного жалко, но когда она вырастет, то найдет Рикарда, и заставит рассказать его, как устроена жизнь в Эрланге. А может удастся пробраться на корабль, и самой отправиться в путь! Глаза девочки мечтательно заблестели.

Катрин, наблюдая за сменой эмоций на лице дочери, догадалась, что мысленно та уже пробирается через льды холодного моря. Что ж. Остается только надеяться, что однажды девочка перерастет свои мечты, и станет благовоспитанной леди. Нужно только больше внимания уделять манерам.

— ...И когда прекрасная принцесса София откусила отравленное яблоко, то тут же упала замертво...

Девочки шумно выдохнули, Агата украдкой вытерла глаза, а Катрин продолжала читать.

— ...Но принц еще не знал о коварстве колдуньи, быстрее ветра он мчался к лесной избушке, но было уже слишком поздно. Белее мела лежала принцесса София на ложе, усыпанном цветами...

Селина отложила шитье, и круглыми глазами смотрела на мачеху, Агата тихо качала куклу, Эйрика что — то рисовала на клочке бумаги, нахмутив брови.

Катрин украдкой оглядела девочек. Да, можно сколько угодно пересказывать известные сказки, но разве можно своими словами передать замысел автора? Сборник сказок Данбора можно было считать настоящим сокровищем. Уже несколько дней они собирались вечерами у камина, и женщина читала вслух. Даже падчерица, кажется, начала привыкать к ней. Катрин видела, что девочка отчаянно хочет сама перечитать эти волшебные истории, но пока она едва разбирала буквы.

Хлопнула входная дверь, и на пороге появился купец. Прибыв домой, Теодорий застал идеалистическую картину. В кресле у камина его молодая жена с книгой, а вокруг сидят девочки, занимаясь своими делами. Его взгляд остановился на дочери. Волосы аккуратно заплетены, нарядное домашнее платье. Селина первая подбежала к отцу, и повисла у него на шее.

— Папа!

Купец крепко обнял дочь, затем отстранился, и внимательно осмотрел ее вблизи.

— Как ты, моя радость, подружилась с новыми сестрами, поладила с леди Катрин?

Девочка украдкой бросила взгляд на мачеху, но та пока держалась на расстоянии, давая родной дочке первой поприветствовать отца.

— Да, — произнесла она полушепотом, — леди Катрин читает нам сказки, а еще она учит меня, чтобы я сама могла прочесть их. Я уже знаю почти все буквы.

— Надо же! — удивился Теодорий, — Тогда в следующий раз я тебе привезу огромную книгу сказок, с золотыми буквами на обложке.

Глава девочки заблестели от восторга.

Наконец и Катрин со своими дочками приблизилась, чтобы поприветствовать супруга. Прошло еще немного времени, и все переместились ближе к камину.

— А я, между прочим, припас подарки, для прекрасных обитательниц этого дома. — весело заявил купец.

Девочки переглянулись, их разбиравало любопытство.

Теодорий достал из сумки большую куклу, в богатом платье, и Агата восторженно ахнула. Когда купец вручил девочке подарок, та крепко прижала куклу к груди, видно было, что эта игрушка будет окружена не меньшей заботой, чем любимая Яся.

Затем, свой подарок получила Эйрика. Она сказала короткое «спасибо», и недоуменно покрутила в руках такую же куклу, но в другом платье. Лучше бы Теодорий привез меч, или лук со стрелами — с тоской подумала она. Но под строгим взглядом матери продолжала держать в руках куклу.

Кукла Селины была в нежно голубом платье, но с таким же лицом, что и предыдущие две. По лицу девочки было не понятно, нравится ли ей подарок, но она обняла отца, и прижала к себе куклу.

Когда купец повернулся к Катрин, та, с каким — то весельем подумала, что ее ожидает четвертая кукла, но нет. Ей достались массивные серьги, из тех, что носят обычно носят пожилые дамы, однако она тоже очень тепло поблагодарила мужа. В конце концов, часто ли ему доводилось выбирать подарки для кого либо, кроме родной дочери?

Вечер прошел сумбурно, забытая книжка так и осталась лежать у камина. И хотя Селина все время поглядывала на нее, к чтению так и не вернулись. А ведь так хотелось узнать, сможет ли принц спасти возлюбленную!

— Говорю, вам, господин, она измывается над девочкой. — бубнила кухарка, — И шагу не дает той спокойно ступить. Все воспитывает, указывает. Позвольте мне забрать Селину, и переселиться в небольшой домик, чтобы жить по — прежнему.

— Марта, — резко отозвался купец, отрываясь от бумаг, — Катрин замечательно относится к девочке. Ты лучше скажи мне, почему за все эти годы ты не разу не догадалась заказать Селине новое платье, или не сказала, что ей нужны учителя?

— Да к чему ей, бедняжке, эти наряды? Меньше чужих взглядов — спокойнее проживет. И грамота женщине не к чему, вот я ее стряпать научила, шить, стирать, — это любой пригодится, в отличие от всяких книжек с глупостями!

— Я не желаю больше об этом говорить, — сухо отрезал Теодорий, — Катрин — моя жена, и теперь она хозяйка в доме. Не перечь ей, пусть она занимается воспитанием девочки. И больше не будем об этом.

Марта покинула кабинет хозяина, и в мрачном расположении духа вернулась на кухню. Приворожила его эта ведьма что ли? Да она как заявила, так с первой минуты свои порядки наводит. Слуг наняла, деньги тратит без меры. К чему девчонкам по несколько платьев? Двух достаточно, и стирают их пусть своими ручками. А эта блажь с книгами? Нравится ей своих барышень морить учебой, так пусть изгаляется, но чего к падчерице то лезет? Мачеха, она и есть мачеха, и настоящей матерью не станет. А она, Марта, видит эту ледь насквозь.

Кухарка со всей силой наминала тесто, вымещая на нем бессильную злость. Кабы не Селина, то в тот же день расчет бы взяла, и отправилась бы жить поживать в деревеньку. Но купец дочь так не отпустит, а оставлять свою воспитанницу с этими фуриями она не намерена. Вот так — не намерена!

И женщина припечатала кулаком упругое тесто. Еще посмотрим, кто кого.

Глава 14. Будет бал?

Лучи солнца медленно ползли по стене, подбираясь все ближе к окну. Впервые за много дней небо обещало быть чистым, а день теплым. Весна постепенно вступала в свои права. Наступала уже четвертая весна, которую Катрин встречала в качестве леди Браст.

За это время Эйрика и Селина успели сравняться ростом, и Агата все так же выглядела на их фоне малышкой. Для самой Катрин время летело незаметно. В заботах по хозяйству и в домашних уроках, дни пролетали так быстро, что им просто терялся счет. У них с Теодорием не было общих детей, чему женщина в глубине души была рада. Муж, появившийся только на пару месяцев в зимний сезон, не принимал никакого участия ни в воспитании девочек, ни в решении хозяйственных вопросов. Он горячо одобрял любые решения своей жены, и вскоре она перестала пытаться вовлечь его в какие — либо дела.

Купцу льстило, что его жена настоящая благородная дама, его родная дочь в глазах общества больше не считалась дурочкой, напротив, Катрин всерьез считала, что Селине, через несколько лет, нужно подыскивать жениха, и пора бы задуматься о размере приданного. Теодорий мог заниматься делом всей жизни — торговлей, а денег на все хватит, тем более супруга вела хозяйство твердой рукой, и тратила гораздо меньше, чем он зарабатывал.

Жизнь была размеренной, скучной, и правильной. Такой она и должна была быть, по меркам местного общества.

— Эйрика, ну пожалуйста, ну последний раз, — упрашивала восьмилетняя Агата, волоча за собой куклу в голубом платье.

— Ты уже не маленькая, сколько можно играть в куклы! — раздраженно ответила девочка, жалея, что не успела улизнуть на чердак.

— Но я сама не успею, до завтрака, — младшая обиженно надула губки.

— Давай я тебе помогу, — Селина вышла из своей спальни, на ходу заканчивая заплетать косу. — Заплести кукол?

— Да! И одеть их, а то я не успеваю, а мама будет сердиться, если я снова опоздаю к завтраку. — Агата улыбнулась девушке, — Селина, ты самая лучшая! Не то, что некоторые.

Эйрика, заложив руки за спину, направилась в сторону библиотеки, все эти игры в дочки — матери раздражали до боли в зубах. Так же, как и приличия, манеры, правильный тон, — от подобных нравоучений хотелось кричать. Она живой человек! Не кукла!

Селина и Агата могут сколько угодно играть в благородных дам, но они совсем не леди, особенно сводная сестра. Платье в оборках, а ведет себя порой, как служанка, все пытается помочь, даже когда ее помощь совсем не нужна. Даже милая Нитта, как — то резко повзрослела, и стала чужой. Кажется, она ни о чем теперь не думает, кроме маминых поручений, и Томми своего, наверное, забыла.

Эйрика забралась по лестнице, и плотно притворила за собой дверь. Здесь, на чердаке хранились ее самые главные сокровища: книги о воинах, маленький нож, длиной в ладонь, и компас, который удалось выпросить у отчима.

Но самое главное сокровище всегда было при ней. зуб древнего волка, на крепком шнурке. Где — то далеко у нее есть друг Рикард, и когда она вырастет, то найдет его, и он научит ее сражаться на мечах, стрелять из лука, и ездить верхом. Он же сам тогда сказал, что даже маленькая девочка может вырасти воином.

Девочка обняла колени, и положила голову на угол сундука. Когда это еще будет... А, сейчас ей очень и очень одиноко.

— Леди Браст...

— Нитта?

Катрин повернулась к девушке, и мысленно вздохнула. Нитта была толковой помощницей, сообразительной, умной, но так хотелось побыть сейчас в полном одиночестве. Чем дольше супруг самоустранялся от хозяйственных дел, тем больше забот сваливалось на Катрин. Иногда она с грустью вспоминала те времена, когда они жили с девочками в маленьком доме, берегли каждую копейку, но зато были ближе друг к другу.

— Я перебрала вещи с прошлой весны, Эйрике снова нужны новые платья на выход, и домашние тоже. Те что есть, уже едва прикрывают щиколотки. Леди Селина случайно прислонилась юбкой к камину... Она хочет заштопать, и продолжить ходить так, но ведь неприлично же, поэтому ей тоже следует пошить запасное домашнее платье.

У Агаты все в порядке с гардеробом, но туфельки скоро будут малы, и еще, в ее спальне за зиму посохла оконная рама.

Марта говорит, что нужно заказать крупы, а то они уже на исходе.

Катрин кивнула.

— Спасибо, Нитта, я без тебя, как без рук.

Девушка поклонилась, сдерживая улыбку. Для нее леди Катрин была сродни божеству, добрая, внимательная, всегда знает, как поступить, читать научила, платит золотой, каждый месяц. При каждой похвале, девушка росла в своих глазах, и готова была из кожи вон вылезти, чтобы госпожа была довольна.

— Послушай, могла бы ты съездить в город, попросить Алию, чтобы та прислала девчонок, снять мерки. И хорошо бы, вызвать сапожника...

При последних словах девушка помрачнела. Уже почти год, как Томми перестал появляться, более того, вместо него сапожник взял другого ученика, и тот теперь ходил с большой сумкой по домам. Жаль, что она не может спросить мастера, куда подевался прежний ученик, но раз Томми так легко забыл о ней, то и она должна выбросить его из головы...

Катрин, тем временем, придвинула ближе кучу бумаг. Расходы, доходы, налоги за слуг, траты на хозяйство, — как же это скучно. На днях нужно не забыть посетить магистрат, а кроме того, Теодорий опять не забрал некоторые бумаги, а значит нужно переслать их с письмом. Но стоило ли жаловаться? Брак дал ей многое, и в первую очередь благополучие, благопристойную и правильную жизнь.

Однако, какая же пустота в душе. Скорее бы, что ли, выдать дочерей замуж, состариться, купить маленький дом, и выращивать цветы. За спиной снова послышались шаги.

— Что — то еще, Нитта? — спросила Катрин, отвлекаясь от своих мыслей.

— Госпожа, там юноша пожаловал, простой, но хочет вас видеть.

Женщина обернулась, на этот раз ее побеспокоила другая служанка — Сева. Рыжая, смешливая, немного шумная, нанятая чисто для поддержания чистоты. Обычно Катрин ее не замечала, как, собственно и остальных. Ей казалось, что девушки ее побаиваются, и всегда находят себе дело в другой части дома, стоит ей появиться.

— Нитта уже уехала?

— Да, госпожа, только что.

— Хорошо. Позови молодого человека наверх... Хотя нет, пусть ждет на первом этаже, я скоро спущусь.

Сева исчезла так же быстро, как и появилась. Катрин не спеша поправила бумаги, написала еще несколько строк, и отложила перо. Наверное, опять посыльный от мужа, или из города. Как же хочется хоть один день тишины, чтобы не подходили слуги, не привозили послания, не нужно было заниматься бумагами. Просто посидеть с книгой у окна, и чтобы никто не беспокоил. Тем не менее женщина встала, и направилась к лестнице, чем скорее она отпустит молодого человека, тем быстрее вернется к своим делам.

— Леди Браст, — заметив хозяйку дома, юноша тут же поклонился.

— Томми? — Катрин удивленно подняла брови. — Надо же, давно мы тебя не видели.

— Я был в столице, совершенствовал мастерство.

— Рада за тебя, — сухо похвалила женщина, вспомнив, какой потерянной ходила Нитта, после исчезновения паренька. — Чем обязана визиту?

— Позвольте мне увидеть Нитту. — парень покраснел, и невольно взъерошил волосы.

— Ее нет.

— Как? Где я могу ее найти? Простите мою настойчивость, леди Браст, но мне очень нужно с ней увидеться.

— А не много ли вы на себя берете, молодой человек? Сначала вы оказываете девушке недвусмысленные знаки внимания, а затем, без предупреждения пропадаете почти на год. Думаете, Нитта обязана была вас ждать, после такого?

— Но я был в столице! Я много работал, копил на выкуп дома.

— И столица находится так далеко, что нельзя было приехать на день, или передать послание? — Катрин скрестила руки на груди, — Мне нет никакого дела, до ваших отношений, но Нитта добрая девушка, и не заслуживает подобного пренебрежения.

Томми покраснел, и опустил голову.

— Вы правы, леди Браст. Я не должен был так пропадать. Дело в том, что к моему мастеру пожаловал старинный друг, он шьет обувь для жителей столицы. Мастер предложил мне отправиться с ним, чтобы набить руку, и повысить мастерство. Дело в том, что весь прошлый год столичные сапожники буквально завалены работой, и мастерам приходилось работать без сна и отдыха.

— Благородные господа заказывают обувь в честь большого королевского бала?

— Так и есть госпожа. Весь этот год я трудился, не поднимая головы, но теперь ничего не мешает мне жениться на Нитте. К тому же, мастер обещал сказать где я, если девушка заглянет в лавку.

Катрин покачала головой.

— Нитта не стала бы ходить по городу, и расспрашивать о вас. К счастью, не смотря на ее происхождение, у нее есть чувство собственного достоинства. В любом случае, объяснитесь с ней сами. Решение останется исключительно за девушкой. Она сейчас в городе, думаю, вы застанете ее или у лавки модистики, или в обувной мастерской.

— Благодарю вас! — Томми быстро поклонился, поспешил к двери, и внезапно остановился. — Леди Браст, могу ли я отблагодарить вас, за то, что уделите мне время?

— Я вас слушаю. — без особого интереса произнесла Катрин. Вряд ли юноша сообщит ей что — то, стоящее внимания.

Томми огляделся по сторонам, и, убедившись, что они одни, заговорил.

Как известно, наследному принцу давно подыскивают подходящую невесту. Молодой человек не горит желанием жениться, но король, следуя традиции, объявил большой королевский бал. На него соберутся все молодые девушки аристократки, и принц должен будет выбрать ту, которая станет его супругой.

Катрин кивнула, о том, что состоится бал, было известно еще год назад, но какое им дело до этого, если на мероприятие приглашены лишь представители благородных фамилий.

— Мне довелось снимать мерки одному из королевских советников, и он обсуждал с другим господином, что его величество принял мудрое решение, решив внести изменения в традиционный порядок праздника. Они спокойно говорили при мне, потому что кто будет обращать внимание на простого подмастерья.

Король решил, что в этот раз, на бал будут допущены не только благородные, но и зажиточные жители королевства. Немало дворянских семей могут поправить свои дела, если заключат союзы с представительницами незнатных, но богатых семей. Его величество считает, что это замедлит упадок аристократии. Ведь уже сейчас некоторые купцы в разы богаче иных графов.

— Думаю, что это не более, чем сплетни. Если бы его величество принял такое решение, то о нем уже бы объявили по всему королевству.

— Нет, госпожа. Об этом объявят за три дня до бала, чтобы избежать большого наплыва людей. Все — таки главная цель — женить принца.

Катрин вцепилась пальцами в перила. Такие большие балы бывают лишь несколько раз в столетие. Но никогда на них не допускались незнатные жители королевства. Агата еще слишком мала, но Эйрику и Селину просто необходимо вывезти во дворец, вдруг кому — то из них улыбнется удача.

Томми уже покинул дом, а мысли женщины уже деятельно работали в нужном направлении. Заказать платья, пока слухи не расползлись по городу, продумать наряд. И хорошенько взяться за Селину, пусть день и ночь оттачивает манеры.

Женщина нахмурилась. С падчерицей было не все ладно. Девочка легко освоила чтение, и на этом все. Она запоем читала сказки, волшебные истории, и не проявляла никакого рвения ни к математике, ни к языкам. С манерами же, была совсем беда. Селина забывала держать осанку, благо, при ее невысоком росте это не так бросалось в глаза. Путала приборы, забывала правильные обращения, не всегда была аккуратна в одежде.

А еще, Катрин не понимала ее настроений. Иногда падчерица была довольно милой, внимательной, но проходило время, и девчонка замыкалась в себе, пугалась, и смотрела на нее с явной неприязнью. У женщины это непредсказуемое поведение вызывало лишь раздражение, потому что она не могла и не хотела разбираться в причинах. Благородная леди должна всегда держать себя в руках, но у Селины это почти не получалось.

Решено. На балу она будет держать падчерицу возле себя. Пусть та вживую посмотрит, для чего нужно осваивать манеры, и уметь держать себя в обществе. И кто знает, вдруг к ней посватается какой — нибудь дворянин, потому что среди местных в сторону Селины никто не смотрел, видимо еще была жива память о ней, как о дурочке.

Глава 15. Трудные манеры

— Подбородок выше! И плечи расправь! Селина, как нужно держать руки?!

Катрин нервничала, слухи о том, что на королевский бал пригласят незнатных, но состоятельных жителей — уже начали расползаться по королевству. Пока еще не все верили, много ходило пересудов. Однако были и такие, кто, как Катрин, начали готовиться к предстоящему празднику. В открытую это пока не обсуждалось, но салон Алии уже был завален заказами. Когда леди Браст с девочками приезжала на примерку, модистка пожаловалась, что некоторые, как с цепи сорвались. Даже престарелые девицы лет двадцати пяти, возомнили, что на них позарится какой — нибудь граф. Раз уж местные не разглядели, то столичные женихи точно будут куда прозорливее.

Саму Катрин тоже взволновал предстоящий бал, хотя она старалась не показывать виду. Только вот Эйрика и Селина в полной мере ощутили на себе деятельное внимание матери. Танцы — манеры — танцы, все это отработывалось до автоматизма. Эйрика пыталась противостоять напору матери, но в итоге проще оказалось сдаться, и слушаться.

Селине же, даже в голову бы не пришло противоречить мачехе. Достаточно было одного взгляда Катрин, чтобы слова сами застыли в горле. К тому же, разве плохо побывать в настоящем дворце, в живую увидеть принца, и, как знать, даже потанцевать с ним? Сердце восторженно замирало, еще немного, и она ощутит себя героиней волшебной сказочной истории. Но сначала нужно как — то пережить время подготовки...

— Эйрика! Поклон должен быть грациознее, спину держи ровно, ногу назад!

Девочка делала все, как велит мать, но преувеличено карикатурно. А ведь умеет, как надо, Катрин хмурилась. Несомненно, старшая дочь еще слишком мала для брака, но на нее могут обратить внимание родители возможного жениха, лучше думать о будущем заранее.

— Селина, не надо кланяться, как служанка! Ты молодая леди, держи себя соответственно. И спину, спину прямо! Сколько можно повторять!

Эйрика, сделала пару поворотов, кланяясь невидимым гостям, и неожиданно остановилась.

— Я так больше не могу! На бал тоже не поеду. — решительно заявила она. — Селина мне расскажет, свои впечатления. Остальное додумаю. — с этими словами она развернулась, и направилась на чердак.

— Леди Эйрика, я вас не отпускала!

Но бесполезно, ответом была хлопнувшая чердачная дверь.

— Замечательно, — тихо произнесла Катрин, сквозь зубы, — Хочет выставить себя на посмешище — пожалуйста. Леди Селина, не отвлекайтесь. Давайте повторим приветствия...

Однако, дурное настроение давало о себе знать. Занятие пошло еще хуже. Через полчаса падчерица уже не могла сдерживать набегающие на глаза слезы, и махнув рукой Катрин отпустила и ее.

Женщина осталась стоять посреди комнаты, скрестив руки на груди. Сейчас она злилась на Селину, на ее безмолвие и безропотность. Как можно быть такой бесхарактерной, почему ни разу не ответит, не посмеет возразить. Даже если удастся найти ей мужа, как тот сможет ее уважать, если она сама себя не уважает?

Спустя немного времени, Катрин почувствовала раскаяние. Вот Эйрика, с характером, и не поймешь, что хуже. Где же ты, золотая середина... А сама она, разве была сдержанной, раз довела девчонку до слез? Бал, из самого ожидаемого праздника, постепенно начал превращаться в растянувшийся кошмар. Надо извиниться перед Селиной, лучше уж пробелы в этикетке, чем постоянные слезы, и раздерганные нервы.

Катрин еще немного постояла, и решительно направилась на кухню. У кого еще будет искать утешения Селина, как ни у верной Марты. Леди Браст несколько раз собиралась нанять другую кухарку, но все время откладывала в долгий ящик, а после и вовсе перестала о ней думать. Благо на стол теперь накрывали служанки, и не было повода часто пересекаться с Мартой.

Женщина решила, сказать падчерице, что у той все неплохо получается, извиниться за резкость, а на балу ни на шаг от себя не отпускать. Жаль только, что девочки никак не могут понять простой истины. Мелкие баронессы, купеческие дочери, и прочие, не сильны в манерах. Знание этикета следует делать своим преимуществом, чтобы выгодно отличаться на общем фоне, тем более, половина гостей будет воспринимать их, как людей второго сорта, не следует падать еще ниже, демонстрируя невежество.

— Бедная моя девочка, совсем замордовала тебя эта ледь, — качала головой кухарка, глядя девочку по голове.

— Нет, Марта, она же хочет как лучше, чтобы я не выглядела деревенщиной. А у меня не полу — ча — а — ется! — Селина снова залилась слезами.

— Как же, желает она тебе лучшего! — пожилая женщина презрительно фыркнула, — Мачеха, она не мать родная. Все, чего она может хотеть, — это изжить тебя со свету, а все деньги господина прибрать к своим загребушим ручкам. Вон и за платья почти сто золотых отдала, а на деле блажь одна. О девках своих печется, а тебя

хоть раз приголубила, приласкала?

Селина еще раз всхлипнула, и вытерла лицо рукавом. Была бы здесь Катрин — точно сделала бы замечание.

— Мартушка, она же не только себе, но и мне платье заказала. Красивое, говорит ткань будет под цвет глаз, а лиф бисером разукрашен. Так бы хотелось посмотреть. Скорее бы привезли наряды. Только... Я же неумеха... Вдруг опозорюсь... — слезы сами собой набегали на глаза.

— Еще чего не хватало!

Кухарка налила компот, и так решительно стукнула стаканом по столу, что половина расплескалась. Всплеснув руками, она тут же взялась за тряпку, но это не мешало ей продолжать.

— Все эти графиньки да герцогиньки, чем обычно занимаются? Пряники трескают, да лентами вышивают. Бледные, аки призраки, ведь света то не видят, сидят в своих каменных замках. А ты у нас красавица, хоть куда. Кровь с молоком. Щеки румяные, волосы золотые. Могу поспорить, как принц тебя увидит, на других и смотреть не захочет. Где уж этим зазнавшимся цацам тягаться с моей кровинушкой.

Марта говорила с такой горячей убежденностью, что девушка невольно улыбнулась.

— А уж когда принц тебя замуж позовет, эта ледь задавится от злости. Уж кому кому, а ни ей, ни ее девкам, королевское благоволение не светит.

— Не надо так говорить, — робко попросила Селина, — Леди Катрин хочет, как лучше, иначе зачем она меня учит? Не могу же я приехать на бал, и не знать, как поклониться, как повернуться. Танцевать тоже нужно уметь правильно... — видимо, в этот момент девушка вспомнила, что ни поклоны, ни танцы ей пока не удаются, и она снова загрустила.

— Сказать, зачем она тебя учит? Да чтобы лишний раз помучить. Где слыхано, чтобы танцам учились? Вона, я в селении росла, так там и девки и парни пляшут, и отродясь никто над ними не учительствовал. Сколько живу, а ни разу не встречала, чтобы мачеха о мужниных детках пеклась. А эта ледь и иных злее, помяни мое слово, заморит она тебя, да батюшка твой слеп, слышать ничего не желает!

Катрин, как раз спускалась на кухню, ожидая обнаружить там падчерицу. Заслышав громкий голос кухарки, она невольно замедлила шаг. Встречаться с этой зловредной бабой не хотелось, но не посылать же за Селиной служанку. Лучше прийти самой, и спокойно поговорить с девочкой.

“...а эта ледь и иных злее...” — донеслось до ее слуха, и женщина остановилась. К лицу прилила краска. Так вот значит как... Дальнейших рассуждений о своих моральных качествах, она просто не могла не услышать. Значит, за все эти годы кухарка не только не смирилась с ее присутствием, но и активно настраивает против нее падчерицу? ... Катрин медленно выдохнула, и решительно распахнула тяжелую дверь.

— Прошу прощения, что помешала вашей милой беседе, — холодно произнесла леди Браст, возникая на пороге кухни.

Ее явно не ожидали здесь увидеть. Селина испуганно ойкнула, и сжалась, словно стараясь казаться меньше. Марта тоже на пару мгновений лишилась дара речи.

— Так значит, я не более, чем злобная мачеха, желающая извести дочь мужа? — Катрин говорила спокойно, но только ей было известно, какими усилиями давалось это спокойствие.

Она полностью взяла на себя заботы о доме, привела его в порядок, сделала все то, до чего ни разу не дошли руки ее мужа. Воспитывала падчерицу, обучала ее, как своих дочерей. Боролась с ее репутацией дурочки, чтобы у девчонки появился шанс на свою семью и нормальное будущее. Делала все, чтобы их семья была правильной и благополучной в глазах общества. А на деле что? Ее считают всего лишь злобной мачехой, отравившей жизнь падчерицы.

К кухарке речь вернулась на редкость быстро.

— Вот, посмотри Селина, на эту благовоспитанную ледь. Тебя манерам учит, а сама под дверью подслушивает.

Катрин сжала и разжала кулаки. Не срываться, не забывать о своем воспитании, не опускаться до уровня этой необразованной бабы.

— Марта. Даю тебе ровно три дня. Чтобы подыскать другое место для службы. Я отпишу мужу, почему ты получила расчет. Думаю, он поддержит меня.

Пожилая женщина презрительно скривилась, Селина вскочила из — за стола, и бросилась к мачехе.

— Леди Катрин, прошу вас, не увольняйте Марту, она не со зла! Пожалуйста, у нее никого нет, кроме нашей семьи! Позвольте ей остаться! — в волнении девушка не отводила взгляда от лица мачехи, губы ее дрожали.

— Леди Селина. Прислуга не должна злословить, особенно о тех, у кого служит. После того, как Марта покинет наш дом, может говорить обо мне все, что угодно.

— Не унижайся, перед этой ледью, моя девочка, она еще получит от судьбы по заслугам. Я уж найду, где пристроиться, и тебя сумею забрать.

Леди Катрин подняла брови, и смерила кухарку уничижающим взглядом.

— Я с рождения получила от судьбы, так сказать, задатком, — горько усмехнулась она, — И не могу сказать, что уже чего — то боюсь. Лично твоими усилиями, девочка ходила в обносках, и даже читать не умела. Что бы ее ждало в будущем? Замужество с безродным крестьянином — серобником? Или одинокое прозябание в разваливающемся доме после того, как ее отец покинул бы этот мир?

На кухне повисла гнетущая тишина, которую нарушил робкий голос Селины.

— Леди Катрин. Вы очень много для меня сделали и делаете. Я очень благодарна вам, за вашу заботу, и знаю, что вы не желаете зла. Прошу вас. Марта была кормилицей еще у моей матушки... Она всегда была рядом со мной, даже когда отец с головой ушел в дела. Вы можете нанять другую женщину на кухню, но позвольте остаться ей в этом доме... — голос дрогнул, и она замолчала, не желая расплакаться. Не сейчас, леди Катрин уважает тех, кто умеет контролировать себя, но как сложно быть убедительной, когда сердце гулко колотится о ребра.

Катрин смотрела на падчерицу, и в памяти невольно всплыла картина из далекого детства.

Маленькая девочка переходит из комнаты в комнату, сколько ей, четыре, пять лет? Почему добрая и мягкая Нэн не пришла сегодня? Она всегда тепло обнимала перед сном, и пела колыбельные. А сегодня не пришла. Девочка ждала ее в темной спальне, но Нэн не появилась.

Страшно скрипят половицы под ногами, с картины сурово смотрят неизвестные люди. А вдруг привидение? Нужно только отыскать Нэн, та возьмет на руки, и снова станет спокойно.

В коридоре слышатся шаги, и она бежит, ожидая встретить самого родного человека, но вместо этого натывается на тетку. Высокая, худая женщина, с плотно сжатыми губами, чем — то напоминает паучиху. Девочка ее боится, но не смеет сдвинуться с места.

— Леди Катрин, кто позволил вам покинуть спальню? — голос тетки такой же сухой, как и она сама.

— Я искала Нэн...

— Нэн? Ты больше не нуждаешься в няньке. Вернись в спальню, или будешь наказана.

Девочка не двигается с места.

— Где Нэн?

— Не заставляй меня повторять дважды. Нэн больше не появится. — тетка плотнее поджимает губы, приходится подчиниться.

На утро вместо Нэн приходит какая — то девушка, которая больно расчесывает волосы, и помогает одеться.

Девочка еще много раз тайком обходила замок, но не смогла отыскать Нэн. Теперь у нее не было никого, и это особенно остро чувствовалось, по ночам, когда поджимая ноги, девочка прислушивалась к пугающим звукам ночной комнаты, и никто больше не обнимал, и не пел колыбельную.

Неужели она сама становится такой, как ненавистная тетка — паучиха? Катрин дернула плечом, желая отогнать далекие воспоминания, и развернувшись вышла из кухни, оставив просьбу без ответа.

Глава 16. Крушение надежд

Селина шла на цыпочках, вздрагивая от каждого шороха. Главное остаться незамеченной, иначе страшно подумать, что будет! Тихо приоткрывает дверь.

— Марта!

Кухарка вздрагивает, но узнав любимицу, тут же заключает ее в свои объятия.

— Селина, девочка моя!

— Тише Мартушка, тише... Не то леди Катрин услышит. — девушка понижает голос, и бросает взгляд на дверь.

— Дожили, живешь в своем доме, и не можешь ходить где вздумается... — ворчит пожилая женщина, но негромко, себе под нос.

— Леди Катрин сказала, что уволит тебя, если я еще хоть раз появлюсь на кухне... Но сейчас все еще спят, поэтому я прибежала к тебе. Сегодня привезут платье! — глаза Селины мечтательно заблестели. — Настоящее бальное платье!

— Взглянуть бы, хоть глазком, ты же настоящей принцессой в нем будешь.

— Я упрошу леди Катрин, она позволит тебе показаться. Вот увидишь. А завтра утром мы поедем в столицу!

— Зачем завтра? Три дня же еще до бала. — кухарка покачала головой, — Нечего там делать столько времени.

— Мы не можем отправляться на бал, прямо с дороги. Леди Катрин уже сняла комнаты, в которых мы остановимся, весь день перед балом, мы будем повторять манеры, уже в платьях, и с прическами, как дамы.

— Что ж. Раз так решили... — у Марты на языке вертелись слова, о том, что она думает по этому поводу, но благоразумие одержало верх, и вместо этого женщина спросила:

— Ну уж после бала, ты расскажешь своей Марте, как танцевала с принцем?

— Конечно расскажу! — воскликнула девушка, и тут же испуганно оглянулась на дверь, — Скоро все просыпаться будут, меня не должны здесь увидеть.

Но находясь на пороге, Селина обернулась, и весело произнесла:

— И в платье я обязательно тебе покажусь.

— Это кладите сюда, — распорядилась Катрин, когда очередное облако ткани появлялось из круглых коробок.

Один день до отъезда. Кто бы знал, как она волновалась из — за задержки платьев. Алия успела закончить работу буквально в последний момент, теперь следовало примерить наряды, и надеяться, что все в порядке, ведь времени на доработку уже нет.

Катрин повернулась перед зеркалом, темно — синее изящное платье переливалось даже при дневном свете. Покрой строгий, прямой, как и положено женщине ее возраста. Двигаться в таком платье неудобно, но лично она танцевать и не будет. Если бы муж отправился с ними, тогда совсем другое дело. В голове всплыли строчки его последнего письма.

«...я не силен ни в танцах, ни в манерах, и признаюсь, предпочитаю бывать в столице только по торговым делам. Ты одна можешь сопроводить девочек во дворец, и уверен, справишься с этим просто замечательно.

Пусть Селина слушает тебя во всем. Я сомневаюсь, что моей бедной девочке стоит ехать в столицу, но тебе, как матери, конечно виднее. Ты всегда знаешь, как лучше поступить...»

Катрин даже не сомневалась в ответе, строки о том, что ей лучше знать, как действовать — повторялись в каждом письме. За эти годы, она вполне изучила мужа, и спрашивала исключительно, потому что так положено. Его ответы она могла бы предсказать в точности до слова.

— Леди Эйрика, не крутитесь, дайте зашнуровать, как положено! — взмолилась Нитта, когда девочка в очередной раз повернулась, чтобы пышная юбка зашелестела и пришла в движение.

— Почему платье должно быть зашнуровано сзади, это же неудобно? — негромко поинтересовалась Селина, пока служанка расправляла на ней верхнюю часть наряда.

— Потому что шнуровка на груди допускается только на домашних платьях, или в том случае, если у женщины нет средств, нанять помощницу. Шнуровка на спине говорит о том, что женщина может себе позволить, чтобы ее одевали другие. Бальные платья шнуруются всегда, исключительно со спины. — удовлетворила мачеха ее любопытство. Когда дело касалось принятых норм или манер, она не скупилась на объяснения.

Катрин оставила зеркало в покое, и повернулась к девочкам. Ее взгляд задержался на Селине. Нежно — сиреневое платье было девушке очень к лицу. Волосы цвета соломы, казались теперь золотыми, а переплетение белых бусин на лифе, делало стройную фигурку еще тоньше.

Под взглядом мачехи девушка невольно распрямила спину, и затаила дыхание. Самой ей казалось, что никогда она еще не была более красивой, чем сейчас.

— Неплохо, — сдержанно одобрила Катрин, и после паузы добавила, — Не забывай о манерах, и тебя легко можно будет принять за аристократку.

Селина несмело улыбнулась, не так часто ей доводилось слышать одобрение от мачехи. Как бы хотелось, чтобы и Марта ее сейчас видела!

— Леди Катрин, позвольте мне показаться Марте. Она так хотела увидеть меня в бальном платье!

Женщина замешкалась, она сама запретила падчерице бывать на кухне, но может, если злобная баба увидит свою воспитанницу в подобающем наряде, то она наконец поймет, что Селина не серобница, а леди.

— Хорошо, — неохотно кивнула она. — Только не ходи на кухню, спустись на первый этаж, и пусть кто —нибудь из служанок позовет кухарку.

Внимание Катрин полностью переключилось на родную дочь. Светло — зеленое платье неплохо сочеталось с кудрями. Хотя, Эйрике больше подошли бы яркие, насыщенные тона, но она еще слишком юна, и пока ей положены более бледные оттенки. Взгляд зацепился за черный шнурок, который портил весь образ.

— Леди Эйрика, что это?

— Клык древнего волка, помнишь, мне его Рикард подарил.

— Сними это сейчас же, еще не хватало! Неужели ты думала отправиться на бал с зубом животного на шее.

— Это мой амулет! — Эйрика сжала подвеску в кулак, словно защищая от посторонних взглядов. — И я его не сниму!

— Значит не поедешь на бал. — сухо отрезала Катрин.

— Отлично, не сильно то и хотелось!

Агата, весело крутившаяся под ногами, нахмурилась. Она не любила, когда кто — то ссорился, особенно если сердилась мама. Праздничное настроение испарилось, на глазах показались слезы.

Катрин притянула младшую девочку к себе, аккуратно, чтобы не помять платье. Эйрика сжала губы, и холодно посмотрела в сторону. Сейчас между матерью и дочкой было невероятное сходство. Девочка медленно сняла с шеи шнурок, и сжала клык в кулаке.

— Мы убедились. Платье впору. Нитта, помоги мне его снять... пожалуйста.

Эйрика чувствовала себя опустошенной, как можно отстаивать себя, свое мнение, если у этой глупой Агаты чуть что, глаза на мокром месте. И сразу наваливается чувство вины.

— Леди Катрин, вы позволите мне уйти в свою комнату? — подчеркнуто вежливо обратилась она к матери.

Катрин кивнула, если начать воевать с дочерью, то это закончится дурным настроением. Пусть посидит у себя, подумает...

Нежно — зеленое платье отправилось в коробку. Катрин начала переодеваться, наряд красив, но, кажется, она позабыла, насколько эти платья неудобные. Домашнее теперь казалось особенно легким и невесомым, и бедным. Хотя, стоило ли об этом думать? Скорее всего, этот бал — последняя возможность для нее, показаться в свете в роскошном наряде. Вот ее девочки, совсем другое дело, если им улыбнется удача, то придется привыкать к тугим корсетам, тяжелому каркасу, и объемным платьям.

Селина необыкновенно хороша, если получится удачно выдать ее замуж, то и младшим дочкам потом будет проще подобрать хорошую партию. Кстати, а где она? Все еще красуется перед Мартой? Катрин нахмурилась, и обратилась к Нитте.

— Позови леди Селину, ей пора бы переодеться, и будем готовиться в дорогу.

Получив разрешение от мачехи, Селина спустилась на первый этаж, и огляделась. Служанок не было видно, да и к чему отрывать их от работы, если самой можно быстрее добежать до кухни. Девушка бросила взгляд назад. Если быстро обернуться, то леди Катрин даже не узнает, что она поступила по — своему.

— Девочка моя! Да ты настоящая принцесса! — воскликнула Марта, когда ее любимица появилась на пороге кухни. — Где уж принцу других разглядеть, когда такая красавица прибудет! Ну — ка покрутись, покажи платье. Оох, как облако!

— А для бала еще и волосы уложат! Леди Катрин говорит, что меня не отличить от настоящей аристократки.

— Ты гораздо лучше, какая девушка в королевстве сравнится с тобой!

Селина счастливо рассмеялась. Марта всегда считала ее лучше других, но сейчас девушка и сама чувствовала себя особенной. Какое прекрасное платье, а через три дня, в этом платье она будет танцевать с принцем!

Бедной девушке даже в голову не приходило, как ничтожно мал шанс, обратить на себя внимание принца. На балу будет под сотню девушек, и каждая постарается выделиться. А ведь незнатных гостей даже не будут представлять королю, пусть будут благодарны, что вообще во дворец пригласили.

Но Селина не задумывалась об этом. Она знала, что бал проводится для того, чтобы наследный принц выбрал себе невесту. О том, что он будет выбирать исключительно из самых родовитых девушек, никто не говорил. Для окружающих этот факт был настолько очевиден, что даже не стоил обсуждения. Не очевидно это было только для

Селины, которая была уверена, что как только она появится во дворце — принц сразу пригласит ее на танец. Разве он может не заметить ее, в таком — то платье!

Сердце девушки переполнялось такой легкостью, что ноги сами несли танцевать, и она закружилась по кухне, в танце с невидимым кавалером. Марта захолопала в ладоши, разделяя радость своей любимицы.

Увы... Счастье было недолгим... Кухня — не бальная зала, и не предназначена для веселья. Закружившись, Селина оказалась слишком близко к камину, и нижняя часть юбки скользнула по горящим поленьям. Девушка не сразу осознала, что произошло, огонь в тот же миг охватил две верхних юбки, и начал подниматься выше.

Первой спохватилась Марта, она схватила кухонную тряпку, и принялась забивать огонь, но тщетно, слишком легкой добычей была для пламени воздушная ткань. Селина пыталась отцепить юбку, но руки не слушались. Ситуация становилась критической. Кухарка, уже не вполне осознавая, что делает, окатила Селину содержимым ближайшей кастрюли. К большой удаче, там оказался почти остывший компот. Это помогло, пламя обиженно затухло, но платье было уже безнадежно испорчено.

Девушка с ужасом смотрела на обуглившиеся остатки богатой ткани, по которым стекала сладкая вода с кусочками фруктов, прожженные нижние юбки в пятнах, и осознавала, что произошло. Она даже не чувствовала боли в обожженных руках, платье... ее бальное платье было безнадежно испорчено! А что скажет леди Катрин, когда узнает? Селину бросило в жар. Ей же было приказано, не спускаться на кухню в этом платье...

Катрин ходила от стены к стене. Ей хотелось рвать и метать, но вместо этого она до боли сжимала пальцы, стараясь не смотреть в сторону Селины. Поникшая девушка сидела на стуле, ее руки были густо намазаны жирной сметаной, от ожогов.

Какое невыносимо долгое ожидание. Неужели, так сложно быстро доехать до города, и вернуться! В библиотеке появилась Нитта, и Катрин едва сдержалась, чтобы не наброситься на служанку, та выглядела расстроенной.

— Госпожа, леди Алия не может взять сейчас новый заказ. Ей еще слишком много нужно успеть пошить за три дня.

— Значит, ты плохо просила! Неужели не могла убедить ее, как это важно!

— Леди Катрин, Она сказала, что несмотря на все ее уважение к вам, она не может. Даже за тройную цену... Репутация дороже...

— Я предполагала такой вариант. Допустим, — пробормотала под нос Катрин, — Но есть и простые швеи... Ты купила ткани?

— Нет... — Нитта чувствовала себя ужасно. Она готова была из кожи вон вылезти, чтобы угодить своей благодетельнице, но сейчас лично от нее ничего не зависело. — Ни в одной лавке нет тканей, разве что дешевые, которые годятся только на нижние юбки...

— Ты плохо искала! — Катрин повысила голос, — Надо было обойти все лавки в городе, и отыскать ткань, не верю, что совсем ничего нет!

— Я была везде... — тихо отозвалась Нитта, — Все раскуплено. Новый завоз будет дней через десять, сейчас гораздо выгоднее продавать ткани в столицу...

Катрин смутилась.

— Да, Нитта, прости... Ты всегда усердно исполняешь приказы, и твоей вины в происходящем нет.

Селина еще ниже склонила голову. Уж если и был кто — то виноват — так только она сама. Когда леди Катрин появилась на кухне, она даже не стала выговаривать или отчитывать. Мачеха лишь сурово оглядела остатки наряда, и принялась раздавать короткие приказания.

Марте было поручено обработать ожоги на руках девушки, чтобы не пошли волдыри. А Нитту срочно отправили в город, договариваться с модисткой, и, если это не удастся, найти ткань похожую по цвету на лиф, который, к счастью, почти не пострадал.

За все это время, падчерица не была удостоена ни словом. Но так было даже лучше, Селина боялась сейчас даже посмотреть на мачеху, понимая, что у той есть все причины для недовольства. Однако, в глубине души девушка верила, что выход найдется. Не бывает же так, чтобы совсем ничего нельзя было исправить. Но, когда Нитта вернулась, надежда начала таять.

Катрин остановилась у окна, скрестив руки на груди. Глупая девчонка! Можно научить читать, правильно говорить, но как научить человека думать! Было же сказано — не ходить на кухню. Неужели девчонке даже в голову не пришло, как легко в кухне испортить платье. Продукты, теснота, острые предметы, огонь... Уж лучше бы золу на себя рассыпала, ту хоть отчистить можно, а вот с горелыми обрывками что делать?

Сейчас бы отписать мужу, уж тот добыл бы и ткани, и, возможно даже, готовое платье. Но пока письмо дойдет, пока дождутся ответа... Бал за это время успеет пройти. Ужасная, безвыходная ситуация. А решение принимать только ей, и нести за него ответственность тоже ей.

— Леди Селина. Я предупреждала вас, чтобы вы не спускались на кухню в бальном платье. Вы ослушались, и поплатились за это. Сожалею, но ситуацию уже не исправить. Вы не едете на бал. — последние слова произнести было особенно тяжело. Катрин еще никогда не чувствовала себя более отвратительно, чем сейчас.

— Мама! — вскинулась Эйрика, которая до этого тихо сидела в уголке, — Пожалуйста! Пусть Селина едет в моем платье, я могу побывать на балу и в другой раз! Она же так хотела...

Катрин задумалась. По возрасту важнее вывезти на бал Селину. Если удачно выдать замуж падчерицу, то и родным дочкам откроется дорога в высший свет. Следующая мысль была более трезвой. Селине не пойдет бледно — зеленый, а лишь добавит болезненности. Если бы платье было хотя бы розовым... Да и падчерица выше Эйрики, неприлично если ноги девушки окажутся излишне открытыми. Можно конечно примерить... Женщина колебалась. Все с волнением ждали ответа.

— Нет. — наконец произнесла она, — леди Эйрика, ты сумела не испортить платье во время первой же примерки. Не вижу повода лишать тебя поездки. Для леди Селины произошедшее послужит уроком. Нитта, займись укладкой вещей.

Катрин быстрым шагом покинула библиотеку, ей было тошно, но не разжевывать же всем, почему она приняла именно такое решение.

Глава 17. Надежда на чудо

Карета отъехала, и дом погрузился в тягостную тишину. Селина сидела за кухонным столом, и уныло рисовала пальцем по муке. Стоит ли беспокоиться о запретах, если ближайшие дни мачехи все равно не будет. Кухарка с силой наминала тесто. Атмосфера на кухне царилла невеселая.

— Может, эта ледь и не собиралась тебя никуда брать, — не выдержала Марта, когда молчание стало совсем невыносимым. — Вон, как быстро укатила, даже ручкой не помахала.

— Я сама виновата, что ослушалась, — невесело заметила Селина, — Не уберегла платье...

— Так случайно все вышло же. Это бессердечно оставлять тебя дома, из — за такой малости.

Селина пожала плечами. Какой толк спорить, если она все равно не поехала на бал. Другая девушка будет блистать, и танцевать с принцем... Но как же это несправедливо! От обиды на глаза навернулись слезы.

Марта с беспокойством взглянула на свою воспитанницу. Если бы только в ее силах было что — то изменить. Да она бы костями легла, но достала бы своей девочке платье! А что если...

— Еще не все потеряно, — заговорщицким тоном произнесла Марта, — Ты поедешь на бал, и утрешь носы всем этим ледям!

— Как я поеду на бал, если платье испорчено?

— На этом платье свет клином не сошелся. Пора заглянуть в сундуки твоей матушки!

Селина не верила своим ушам. Она уже и позабыла, что на чердаке хранится несколько сундуков с вещами ее матери.

— Позволила бы леди Катрин? — засомневалась девушка.

— А чего ее спрашивать? Вещи чьи? Твоей матушки. Ты можешь распоряжаться ими как душа пожелает. Вот сейчас накрою тесто, чтобы отлежалось, и сходим вместе.

На чердаке было чисто, как и во всем доме. Однако старые сундуки оставались нетронутыми. Селина заметила у чердачного окна пару подушек и книгу из библиотеки. Девушка улыбнулась про себя, кто, как ни Эйрика обустроила себе здесь уютное гнездышко.

Марта, тем временем, открыла первый сундук. В воздухе тут же повис запах сухой травы, и порошка от плесени.

— Не подойдет, здесь домашние платья, — покачала она головой.

— А у моей матушки были бальные платья?

Кухарка ненадолго задумалась, затем покачала головой.

— В те годы твой отец был еще не так богат, чтобы позволить крупные траты... Но где — то здесь хранится свадебное платье твоей мамы. Оно было таким красивым... Даже лучше бального!

Поиски продолжились, пока в одном из последних сундуков не обнаружилось нужное.

Марта бережно достала белое платье, и аккуратно его встряхнула.

— Надо же, таким я его и запомнила, твоя мама была необычайно красива в нем...

Селина не могла отвести взгляда. Платье было гораздо скромнее ее испорченного наряда, но не менее волшебным. Через левое плечо шли искусственные белые цветы из тонкой ткани, лиф был украшен серебристыми нитями, а юбка собиралась волнами, которые закреплялись белыми бантами. Самый низ по кругу был украшен серебристой вышивкой, как и вырез платья, и края рукавов.

— Нужно его только примерить, и подогнать по размеру, — бормотала под нос кухарка, — Ох, и сколько дней шили мы его с твоей матушкой. Непросто было достать серебряные нити, но твой отец расстарался... — от избытка чувств, женщина всхлипнула.

Они вернулись на кухню, где со всеми предосторожностями Селина облачилась в платье, держась подальше от камина.

— Вылитая Севия! Она тоже была красавицей. Правда нужно немного ушить в талии, и почистить, но мы справимся!

Селину одолевали сомнения.

— Марта, но как я доберусь до столицы, где там переоденусь? Еще прическа нужна... Боюсь, что нам не справиться.

— Не говори глупостей! — рассердилась кухарка, — И не опускай руки раньше времени. У нас есть целый день. Поедешь прямо в платье, и с прической. Я что — нибудь придумаю, как тебе добраться. Конечно, придется сразу с дороги и во дворец, но это мелочи. Когда станешь принцессой, никто тебе и слова не посмеет сказать.

Девушка еще сомневалась, но в конце концов, почему бы не попробовать? Если бы леди Катрин знала, что есть запасное платье, разве оставила бы ее дома? К тому же, вон, в сказках, принцы влюбляются даже в пастушек. Чем она хуже? Не на пустом же месте сказки придумывались. Марта права — главное не сдаваться при первых

трудностях.

Старая телега трещала и подскакивала на ухабах, однако упорно продолжала двигаться вперед. Время от времени возница останавливался, чтобы подобрать скатившуюся тыкву, и вернуть беглянку на место.

— Не бойсь девица, к вечеру в аккурат поспеем. — подмигнул мужчина своей попутчице. Девушка в ответ робко кивнула.

День и ночь они с Мартой колдовали над платьем. Почистить, обрезать торчавшие нити, попрочнее закрепить болтавшийся бант. Дел было немного, но требовалась предельная аккуратность, чтобы вернуть платье торжественный вид.

На рассвете верная Марта успела побывать в ближайшем селении, где выяснила, что один мужичок повезет тыквы в столицу. Таким шансом нельзя было не воспользоваться. За умеренную плату, крестьянин согласился выдвинуться в путь на день раньше, и захватить с собой попутчицу.

До столицы было несколько часов пути. Селине казалось, что они едут бесконечно долго. Девушка с тревогой поглядывала на солнце, припоминая, что бал должен начаться вечером. Телегу снова резко трянуло, и Селина едва успела удержать на ногах огромные тяжелые башмаки.

Чтобы не испортить наряд длинной дорогой, им с Мартой пришлось пойти на некоторые ухищрения. Поверх платья девушка закуталась в старый отцовский плащ, а на ноги, обутые в туфельки, сверху были надеты старые ботинки. Селина невольно улыбнулась, припоминая, как они с Мартой восстанавливали туфельки, которым тоже досталось при гибели платья. Чтобы скрыть пятна от компота, и ободранные носы, пришлось проявить смекалку.

Марта завернула в тряпку один из тонких бокалов, и с помощью камня превратила его буквально в пыль. Затем, они смазали туфельки со всех сторон клеем, и аккуратно, чтобы не попало внутрь, покрыли стеклянной пылью. Теперь туфельки выглядели даже лучше, чем в тот момент, когда их принесли от сапожника. И в них она будет танцевать, всю ночь напролет!

Но пока стоило сидеть, и терпеливо дожидаться конца пути. А еще, главное, не попасться на глаза леди Катрин. Хоть Марта и убеждала девушку, что ничего предосудительного они не делают, но в глубине души Селина опасалась, что мачеха не одобрит подобной самодеятельности.

Уже смеркалось, когда они, наконец, остановились на мощеной площади. Девушка спрыгнула с телеги, и едва удержалась на ногах, запнувшись в непривычно тяжелой обуви.

— Ну вот, девица, доехали, как и обещал. Дале мне пути нет, надо тыквы на рынок доставить, да с теткой дальней побалюкать. Ступай, куда тебе надобно.

Селина тепло поблагодарила крестьянина, и уже было направилась в сторону дворца, как мужчина неожиданно остановил ее.

— И вот еще, чуть не забыл. Я на ночь тут не задержусь, утром в поле работа ждет. В полночь еду обратно. Ежели будешь возвращаться, то до того, как пробьют часы, подходи сюда же. Иначе один уеду.

— Подойду! Я успею! — легко пообещала девушка, — Спасибо вам! — и она поспешила на звуки музыки.

Шагая по извилистому переулку, девушка пожалела, что не оставила неудобные башмаки на телеге. В них она шла куда медленнее, а ведь каждая минута на счету. Всего до полуночи она будет танцевать с принцем, потом же надо успеть вернуться на площадь, чтобы уехать домой.

Дворец, казалось, был совсем рядом. Он ярко выделялся цветными огнями на фоне серого неба, однако девушке казалось, что она идет до него целую вечность.

На входе, у раззолоченных ворот, стояли два стражника. Они заглядывали в подъезжающие кареты, затем, делая шаг назад, почтительно кланялись, пропуская. Селина оробела. Как ей пройти мимо стражи? Вдруг они спросят, кто она такая?

Выждав какое — то время, девушка несмело приблизилась.

— Кто такая будешь? — сурово окликнул ее стражник с завитыми усами.

— Я хотела пройти во дворец, — еле слышно отозвалась девушка.

Стражники расхохотались.

— Это парадные ворота, деточка, только для важных гостей. А кормят с черного подъезда, но боюсь, сегодня ты уже опоздала к раздаче обедов.

Селина покраснела, и поспешила отойти подальше. Какое унижение, ее приняли за нищенку, за попрошайку. Надо было оставить плащ и идти только в платье. Теперь они ее точно не пропустят.

Девушка задумчиво прикусила губу. У нее есть платье, она добралась до столицы. Неужели можно повернуть назад, когда до цели остался один шаг? Как там сказали стражники? Золоченые ворота не единственный вход? Значит у нее есть еще одна попытка.

Длинный забор казался бесконечным. Из дворца доносились звуки веселья, так близко и так недостижима

желанная цель. Стрелки часов на городской башне неумолимо двигались вперед.

Показались еще одни ворота. Обычные, узкие, имеющие довольно унылый вид. Здесь не было стражи, но зато висел огромный замок. Неужели это все? Как же теперь попасть во дворец? Девушка подергала ворота, но и так было видно — заперто.

Она в отчаянии опустила голову. Между землей и нижней перекладиной было небольшое расстояние. А что если попробовать пролезть? Селина с опаской оглянулась, но улица была пуста. Тогда девушка аккуратно расстелила плащ на земле, чтобы не испачкать платья, и перекатилась на территорию дворца. В последнюю секунду до слуха донесся тихий треск. Один из бантов зацепился за торчащий металлический прут.

Девушка сняла его, и попыталась приладить на место. Бесполезно! Но, с другой стороны, может никто и не заметит, что банта не хватает. Главное, само платье не порвалось и не испачкалось. Селина сняла неудобные ботинки, стряхнула с волос попавший лист, и решительно направилась во дворец, больше не встречая никаких преград.

Глава 18. Бал и прочие неприятности

— Кому пришло в голову приглашать на бал этих людей? — презрительно скривила губы молодая пухлая блондинка, — Это же просто неуважение к традиционным ценностям.

— Милая Ирвия, я с тобой совершенно согласна, но, говорят, на то было особое распоряжение короля. — вторая девушка украдкой бросила взгляд в ту часть зала, где разместилось королевское семейство.

— Разумеется, я не хотела сказать, что имею что — то против, — тут же прикусила язык блондинка, — Просто, на мой взгляд, довольно необычное решение пустить сюда потомков крестьян, да разорившейся знати. Ты только посмотри, как вульгарно они выглядят.

— Многие из них богаты...

— Это не отменяет того, что они стоят на ступень ниже. А значит, пусть помнят свое место.

Собеседница блондинки — маркиза Авестина, согласно кивнула. Ей тоже не нравились эти люди. Даже нарядные, богатые одежды не могли скрыть простого происхождения, и природной неуклюжести. И эти простородные дочери торговцев верят, что на них обратят внимание родовитые аристократы? Просто смешно! Да даже если и так, какое ей до этого дело? Есть более интересные кавалеры, и она снова посмотрела в сторону принца.

Всем известна главная цель бала, так почему бы не ей стать избранницей наследника? Она умна, красива, богата, а главное, ее отец — герцог Вердский, представитель одного из древнейших родов королевства. Только бы его высочество посмотрел в их сторону. Кто бы знал, как она утомилась беседовать с этой напыщенной курицей.

Молодой принц сидел, развалившись, на малом троне, и стойко игнорировал призывные взгляды местных красавиц. Иногда, под строгим взглядом отца, он вставал, и приветствовал очередных вельмож, с их бесцветными дочками. Можно было бы провести этот вечер куда приятнее, например, прогуляться с приятелями по трактирам и публичным домам, а под утро не помнить, как вернулся во дворец... Но увы, после последнего такого загула, отец ограничил всю возможную свободу, и поставил ребром вопрос о женитьбе. Спасибо, хоть невесту разрешил выбрать самому.

Но как же скучно... Еще и простолюдинов каких — то пустили, будто они способны сделать этот унылый вечер веселее.

Торжество шло своим чередом. Кавалеры приглашали дам на танцы, слышался смех, играла музыка. Многие гости, просто наслаждались весельем, обстановкой, и обществом.

Катрин, скромно держалась в стороне от веселья. Пару раз ее пытались пригласить на танец, но она так и не решилась оставить Эйрику в одиночестве. Девочка держалась с таким отчужденно — высокомерным видом, что без лишних слов было ясно, — она здесь не по своей воле.

— Когда мы вернемся домой? — хмуро поинтересовалась дочь, не глядя на танцующие пары.

— После окончания бала, — терпеливо повторила Катрин. — Неужели тебе здесь совсем не нравится?

— Нет. — коротко и ясно отозвалась Эйрика.

— Надо же! Какая решительная малютка! — восхитилась пожилая леди, случайно оказавшаяся рядом. — Уж не юная ли это леди Лерианс?

— Леди Брост, миледи, — представилась Катрин, внимательно разглядывая старуху, которая казалась смутно знакомой.

— Леди Мелтон... леди Брост... — проворчала дама, — Уж извините, но кровь Илиана Лерианс видно за версту, особенно в этой малышке.

— Вы были знакомы с моим отцом? — щеки Катрин покраснели, и она сама почувствовала себя маленькой девочкой, жадно ловящей любые воспоминания о родителях.

Еще бы я не была знакома с Илем, уж позволь мне его так называть. Он был очень дружен, с моим младшим братом. Ох и сорванцами они были...

— Речь идет про моего деда? — не выдержала Эйрика, — Про маминого отца?

— Эйрика, — одернула ее Катрин, — Не перебивай леди.

— Я бы многое вам о нем рассказала, но сначала лучше присядем. В мои годы ноги уже не так крепки.

Катрин бережно проводила пожилую даму за один из столиков, и сама, чуть колеблясь, заняла место рядом.

— Сорванец Иль. Он был младше меня лет на десять. Темноволосый, сообразительный, непоседливый, они с моим братцем переворачивали наш замок вверх дном, с десятков раз на дню. То искали сокровища, то играли в пиратов, а уж сколько раз им доставалось от покойных отцов...

Помню, сговорили меня за герцога Нитского. Не нравился он мне тогда очень, так Иль с Теддом заманили моего жениха в чулан, и там заперли. Ох и скандал же был.

Эйрика хихикнула.

— И вам не пришлось выходить замуж?

— Почему же, герцога выпустили, мальчишек выпороли, свадьбу сыграли. На деле, мой покойный супруг оказался ладным человеком, сжились мы с ним. Да и на ребят он обиды не держал никогда.

Катрин слушала, затаив дыхание, ей иногда доводилось слышать рассказы об отце, от тетки — паучихи, но, по словам той, герцог Лерианс был благочестивым и сдержанным человеком. Сегодня же, личность родителя раскрывалась совершенно с другой стороны.

Пожилая леди, видимо, довольная вызванным к себе вниманием, продолжала с упоением рассказывать. Катрин слушала, боясь упустить хоть слово, ведь в этих рассказах, ее отец представлялся не смутной тенью, а живым человеком, со своим характером и недостатками.

В бальном зале произошла какая — то заминка. Всё внимание обратилось к дверям, танцующие пары сбились, дамы принялись шептаться. Прибыла еще одна гостья.

Принц поднял голову, привлеченный всеобщим вниманием, и губы его тронула улыбка. Что ж. Теперь он знает, что делать. Отец запомнит этот бал надолго.

Селина вошла в огромный зал, полный народа, и оробела. Ей казалось, что все взгляды обращены на нее. Даже музыка притихла. Девушка постаралась взять себя в руки, она совершенно не представляла, что будет делать, оказавшись во дворце. В ее мечтах, следующим этапом был танец с принцем, но сейчас она осознавала, что упустила нечто важное.

Однако, сама судьба ей благоволила. Пока Селина стояла в нерешительности, не зная, как дальше быть, к ней подошел молодой человек, и с поклоном представился.

— Октавий Аквиланский, к вашим услугам, очаровательная леди. Позвольте пригласить вас на танец?

Селина робко кивнула, и принц тут же потянул ее в самый центр зала.

— С кем это танцует королевский наследничек? — поинтересовалась пожилая леди, подслеповато вглядываясь.

Катрин тоже пыталась рассмотреть неизвестную счастливицу, но та все время пропадала из поля зрения, теряясь за другими танцующими. Самой глазастой оказалась Эйрика.

— Не может быть! Мама! Это же Селина!

— Эйрика, не говори глупостей, — придержала ее Катрин, — Леди Селина сейчас дома, и уж никак не могла бы оказаться во дворце.

— Вам знакома эта леди? — вмешалась старушка.

— Что вы, разумеется нет, миледи, просто моей дочери показалось...

— Ничего мне не показалось. — нахмурилась Эйрика, и демонстративно перевела тему разговора. — А герцог Лерианс боролся с пиратами?

Пожилая леди тут же утратила интерес к неизвестной спутнице принца, и вновь погрузилась в воспоминания. Не так часто встречаются столь благодарные слушатели, ну а что до королевского наследника... Пусть себе танцует.

Катрин больше не вслушивалась в разговор, чем дольше пыталась разглядеть, с кем танцует принц, тем больше ей казалось, что дочка права. Но ведь этого просто не может быть!

— Прошу прощения, мне нужно на минуту отлучиться. Не возражаете, если моя дочь немного побудет в вашей компании? — обратилась она к пожилой леди.

— Что вы! Буду только рада! Ваша малютка так напоминает мне Иля, что беседа с ней, я словно возвращаюсь во времена своей юности.

Катрин оставила их, и плавно переместилась ближе к танцующим. Да. Теперь не оставалось никаких сомнений — в танце с принцем кружилась падчерица... Кошмар! Почему она в таком виде?

— Оказывается, чтобы покорить сердце его высочества, нужно было явиться сюда в платье с помойки, — донесся едкий комментарий одной из дам.

У Катрин загорелись щеки, словно речь шла о ней. Селина выглядела впечатляюще. Пожелтевшее от времени платье, в свои лучшие годы, наверное, было белым. Фасон вышел из моды еще во времена детства Катрин. Вырез на спине чуть ниже приличного, а эти искусственные цветы из ткани... Какая пошлость!

Прическа не спасала образ. Длинные волосы были распущены, и частично завиты в неровные локоны. Ни заколок, ни лент... Селина выглядела служанкой, укравшей древнее платье старой хозяйки. Если девчонка хотела отомстить за то, что ее не взяли на бал, — что ж, ей это удалось. И как она умудрилась доехать до столицы? С этим разобраться можно и позже.

Однако, как удалось девчонке привлечь внимание принца? Катрин прекрасно видела, что его высочество не проявлял никакого интереса к дамам, до появления в зале Селины. Внезапно вспыхнувшая любовь? Если так, то плохо дело.

Его величество недовольно морщится, но, разумеется, никакого скандала при гостях не будет. А вот после

бала... Катрин поехала. Кто помешает королю избавиться от проблемы? Особенно, если эта проблема — незнатная дочка купца. А заодно, и от всей купеческой семьи, чтобы не поползли лишние слухи. Несчастные случаи еще никто не отменял. Нужно срочно увезти девчонку домой, и молить богов, чтобы та не успела рассказать принцу о себе слишком много.

Пока Катрин размышляла, Селина и его высочество пропали из виду. Женщина пыталась отыскать их в толпе танцующих, но тщетно.

— Какой чудесный вечер! Я словно оказалась в волшебной сказке! — от танцев Селина покраснела, а ее глаза горели живым восторженным блеском.

— Рад, что вам пришелся по душе наш скромный дворец, — галантно отозвался принц.

Они стояли на балконе, с которого открывался прекрасный вид на ночную столицу. Прохладный ветер играл с тонкими шторами, а звездное небо так низко нависало над головой, что казалось, стоит только протянуть руку...

— Мы не встречались с вами раньше? — теперь его высочество стоял так близко, что девушка ощущала тепло его тела. Или, это ее саму бросило в жар?

— Не думаю, ваше высочество, — Селине казалось, что ее сердце сейчас выпрыгнет из груди, она невольно сделала шаг назад, и коснулась спиной холодный каменных перил.

— Пожалуй... Я бы не сумел забыть столь прекрасную даму, — принц сделал еще один шаг. Селина неловко развернулась, и, желая скрыть волнение, обратила внимание на открывающийся вид.

— Здесь так красиво... Мне не доводилось смотреть на город с такой высоты...

Принц встал рядом, и положил свою ладонь на руку девушки. Селина снова покраснела, она бросила на его высочество быстрый взгляд, и смутилась, заметив, что он тоже на нее смотрит.

— Вы просто удивительная девушка, совсем не похожая на тех, что остались в душном бальном зале. В вас нет ни ханжества, ни высокомерности. Вы прибыли издалека?

— В некотором смысле...

— На этом балу я должен сделать самый главный выбор в моей жизни. И мне кажется, что я... уже...

Селина выдохнула, теперь сердце билось так сильно, что его удары отдавались в виски. Принц аккуратно убрал прядь с ее лица, его взгляд задержался на губах...

Ночная тишина разбилась о бой часов. Полночь! Девушка резко отшатнулась. Она должна уже быть на площади! На какой — то миг ее охватил соблазн остаться, но как потом добираться до дома? Вдруг принц, когда узнает, что ее отец не знатного рода, больше не пожелает ее видеть?

— Простите, ваше высочество, мне пора! — и Селина стремительно покинула балкон, оставив принца в одиночестве. Тот на миг опешил, хмыкнул, пожал плечами, но решил догнать беглянку. Если он ее упустит, то все планы пойдут прахом.

Сложно ли догнать девушку, оказавшуюся в незнакомом месте, особенно если она бежит в туфлях? Октавию понадобилось несколько минут, чтобы отыскать незнакомку. Заметив погоню, девушка споткнулась на лестнице, случайно обронив туфлю. Она замешкалась, но затем, рассудив, что так удобнее, — сняла вторую туфлю, и босиком побежала через королевский парк.

Принц задержался на лестнице, и поднял туфельку. А что если...? В голове возник новый план, ему больше ни к чему эта бессмысленная погоня. Так даже лучше.

Глава 19. Подслушанный разговор

Падчерица в бальном зале так и не появилась. Катрин ощутила смутную тревогу. Сам тот факт, что девчонка где — то уединилась с принцем, не делал чести ни ему, ни ей. Однако, переживать еще рано, быть может его высочество отлучился по своим делам, а Селина... да хоть «попудрить носик».

Нужно было самой взять падчерицу на бал, или вообще не приезжать во дворец. Однако сейчас сердиться стоило только на себя. Видите ли, захотелось побывать на светском мероприятии! Можно подумать, она юная девушка со сквозняком в голове. К чему ей, взрослой даме нужен был этот бал? Дочкам партию подыскать? Отлично. Одна уже подыскала жениха. И если удастся выпутаться из этой ситуации, значит небеса особенно благосклонны к ее семье. Следует отыскать падчерицу, грызть себя можно и дома, когда все закончится.

Катрин быстро взглянула на Эйрику, и, убедившись, что та целиком занята беседой с пожилой дамой, выскользнула из зала.

В дворцовых коридорах кипела своя жизнь. Сновали слуги, в темных закутках обнимались парочки. Не желая быть свидетелем непотребств, женщина старалась придерживаться ярко освещенной стороны, но куда ей все — таки идти?

Широкий коридор привел ее в очередной зал. Шум бала сюда уже почти не доносился. Несколько низких диванов, коротконогий столик, и стены увешанные гобеленами. Можно предположить, это одна из комнат ожидания, или малая приемная. В любом случае, не стоило задерживаться. Катрин подошла к высокой двери, и коснулась холодной металлической ручки. С той стороны послышались голоса.

Женщина замешкалась, если ее обнаружат здесь, то могут задать вполне логичный вопрос, — что она забыла в этой части замка? Не отдавая себе отчет, она скользнула за тяжелую портьеру, и замерла, затаив дыхание. Стоит переждать, пока неизвестные уйдут, а затем продолжить поиски. Это лучше, чем вдаваться в объяснения, что она ищет падчерицу, которая уединилась с принцем.

Двери открылись, и в зале послышались шаги.

— Боюсь, его величество не одобрит твоего решения.

— Плевать! Отец сказал, что на этом балу я должен выбрать себе супругу, я выбрал.

По спине Катрин пробежал холодок, ей был не знаком этот высокий, резковатый голос, но по речи она догадалась, *кто* зашел в зал. Если она выдаст себя, то фактически подпишет себе приговор. Молодые люди, тем временем не спешили уходить, продолжая обсуждать планы.

— Скажешь еще, что эта девица покорила твое сердце? — теперь в голосе звучала неприкрытая ирония.

— Разумеется, так я и скажу отцу, — серьезно подтвердил принц.

— Октавий, ты меня разочаровываешь. Из десятка первосортных красавиц — аристократок, выбрал нищую девку, служанку.

— Ник! Не будь идиотом, зачем мне красавица — аристократка с сильной родней за спиной? Моя супруга не должна иметь ни денег, ни связей, ни влияния. Она нужна лишь для того, чтобы отец, оставил меня в покое. Безродная девчонка отлично подойдет на эту роль.

— А когда его величество оставит этот мир?

— Принцессы тоже смертны: болезнь, укус змеи, яд от соперницы. Не беспокойся, на трон служанку я не посажу.

— И не жаль ее?

Принц рассмеялся, и от этого смеха Катрин стало не по себе.

— Какая — то нищенка украла платье, и пробралась на бал. Чего ее жалеть? Она хотела внимания, сказки? Она ее получит. В конце — концов мой отец может протянуть еще лет десять. Но потом, представь себе несчастного наследника, который в один год лишился и отца, и обожаемой супруги.

Теперь рассмеялся и второй собеседник.

— Могу представить, сколько девушек захотят тебя утешить и разделить твою горе, — на миг повисла пауза, — Только девчонка убежала, отправишь по ее следу ищек?

— Нет, она сама придет во дворец. Видишь ли, у меня есть одна ее вещь.

Для Катрин осталось загадкой, что за вещь попала к принцу. Судя по звукам, он продемонстрировал ее другу, и это вызвало новый приступ веселья.

— Я объявлю, что женюсь лишь на той, кому она будет впору. А для надежности, счастливица должна будет продемонстрировать вторую.

— Его величество будет в ярости.

— Поэтому, я объявлю о своем решении до конца бала, чтобы у отца не было возможности остановить меня.

Молодые люди еще некоторое время обсуждали свои планы, и все это время Катрин стояла за тяжелой портьерой, опасаясь выдать свое присутствие. Наконец, они закончили, и покинули зал. Женщина выждала еще

некоторое время, а затем, быстрым шагом покинула злополучную комнату.

Значит Селина уже покинула дворец? Тем лучше. Нужно срочно забрать Эйрику, и возвращаться домой. Как быть дальше — лучше решать спокойно, на холодную голову, и подальше от столицы. Быть может, она зря беспокоится. Если поспешить, то можно догнать падчерицу, вряд ли та остановилась у кого — то в столице, скорее всего, просто доехала на одной из телег.

Однако ситуация сложная... Может написать супругу, чтобы срочно прибыл? Все — таки Селина его дочь, хоть он и давно отстранился от домашних забот, но не должно же ему быть все равно?

Мимо кареты в темноте проносились поля. Катрин пыталась разглядеть в окно, есть ли другие путники в этот час на дороге. Эйрика сидела притихшая. Она не совсем понимала, какая причина заставила их столь быстро покинуть дворец, и отправится домой ночью, не заезжая даже в съемные комнаты, чтобы переодеться. Но мать была не в настроении, поэтому девочка пока придержала вопросы. Она тоже смотрела в окно, размышляя о том, что услышала сегодня вечером о своем дедушке.

Мелькнула телега, какого — то крестьянина, Эйрика вздрогнула, на краю телеги сидел белый силуэт, напоминающий приведение.

— Мама, смотри! — не удержалась девочка.

Катрин обернулась.

— Остановите, — приказала она извозчику, и решительным шагом направилась к телеге.

Крестьянин, завидев благородную леди, тут же соскочил на землю, и склонился в поклоне. Селина, погруженная в мысли о бале, не сразу заметила остановку, поэтому когда перед ней оказалась высокая фигура, девушка сперва испугалась, подумав о разбойниках. Действительность оказалась намного хуже — это была леди Катрин.

— Быстро в карету, — сквозь зубы произнесла мачеха, и девушка не посмела послушаться. Крестьянин проводил ее сочувствующим взглядом, но вмешиваться не стал. Он человек маленький, трудится на земле, а эти благородные, пусть сами между собой разбираются.

В этот час еще не ожидали возвращения хозяйки, поэтому ее появление вызвало небольшой переполох. Засуетились служанки, зажигая свечи, разожгли каминны.

За всю дорогу Катрин не произнесла ни слова, опасаясь, что не сумеет сдержаться, и просто накричит на гадкую девчонку. Селина понимала, что мачеха не в духе, и с ужасом ожидала возвращения домой, понимая, что ее ждет головомойка.

Эйрика же не могла понять, что не так. Ну явилась сводная сестра на бал, вопреки запрету. Жизнь же на этом не заканчивается. Вон, даже с принцем потанцевала, хотя во дворце было несколько десятков девушек. Так, что плохого — то? Подумаешь, платье не очень, так это не повод злиться. Не без платья же Селина приехала на бал. Однако благоразумие оказалось сильнее, и Эйрика оставила свои рассуждения при себе, зная по опыту, что матери сначала лучше дать остыть.

— Леди Селина, кажется, я запретила вам ехать на бал. — голос Катрин прозвучал так сурово, что служанок, как ветром сдуло из комнаты.

— Вы не запрещали. — угрюмо возразила падчерица, сама удивляясь собственной смелости, — Вы сказали, что я не поеду, потому что у меня испорчено платье. Я нашла другое.

Эйрика восхитилась, наконец — то у безмолвной Селины прорезался голос, но мать, кажется, не разделяла ее восторга.

— И вы решили, что явиться во дворец, пугалом, и выставить себя на посмешище в этом старом платье — хорошая идея? — яда в голосе Катрин хватило бы, чтобы отравить небольшое войско.

— Мама, но ведь ты действительно не запрещала ехать, ты сказала... — Эйрика решила сгладить ситуацию, но сделала только хуже.

— Леди Эйрика, быстро в свою комнату, и чтобы до утра я тебя не видела!

Девочке пришлось подчиниться, напоследок она бросила сочувствующий взгляд на Селину, однако, та сегодня, сама на себя была не похожа. Щеки ее покраснелись, а в глазах горела невиданная раньше решимость.

— Это свадебное платье моей матери, и я неставляла себя на посмешище. Даже его высочество обратил на меня внимание! — девушке казалось, что в груди разрастается огромный огненный шар, и сейчас, даже страх перед мачехой отступил на второй план. Марта была права, леди Катрин злится, что на Селину обратил внимание сам принц. Поэтому она и придумала причину, не брать ее на бал, и сейчас ругается, потому что планы не удалась!

— Его высочество, значит, обратил внимание... — протянула Катрин, вспомнив, что собиралась сразу же отправить письмо мужу. Без него не стоит предпринимать никаких шагов.

— Да! И он сказал, что женится на мне! Потому что это любовь, как в книгах! — и Селина звонко рассмеялась.

Катрин этот смех отрезвил, и немного испугал. Падчерица успела попробовать вино? Тогда ее смелость понятна, и тем бессмысленнее с ней сейчас разговаривать.

— Леди Селина, отправляйтесь в свою комнату, и не смейте выходить до моего разрешения. Я вынуждена сообщить обо всем твоему отцу!

Селина бросила на мачеху торжествующий взгляд. Пусть пишет отцу, он только порадуетя, что дочь станет принцессой. А когда узнает, что леди Катрин не взяла ее на бал, то у него наконец — то откроются глаза на свою жену. Завтра же, нужно все рассказать Марте. Милая Мартушка, как же она была права, она всегда видела мачеху насквозь, жаль, что Селина раньше к ней не прислушивалась. Но теперь все будет по другому, ведь никто иной, как Марта сотворила для нее это чудо, и только ее заслуга в том, что девушка станет принцессой. Сказка сошла со страниц книги, и превращалась в реальность.

Катрин покрутила в пальцах перо. С чего начать? Так много нужно рассказать, но все ли можно доверить письму. Например то, что ей довелось услышать — не стоит писать ни в коем случае. Может просто попросить Теодория приехать? В конце — концов, мужчина в семье он, почему решение проблем должно ложиться на ее хрупкие плечи?

А что, если она напрасно развела панику, и никто не станет искать Селину? Зря только оторвёт мужа от важных дел. Катрин прикусила губу, размышляя, как быть. Тупик со всех сторон, кто бы подсказал верное решение...

Женщина отложила перо, но с минуту поколебавшись, снова взяла его. Пусть приедет, лучше перестраховаться.

Глава 20. Старый долг

С первыми лучами солнца Катрин встала, чтобы отправить письмо. После бессонной ночи голова была тяжёлой, но дело не требовало отлагательств. До приезда мужа она решила не касаться темы бала, поэтому в доме царил настороженный мир. Все были вежливы, внимательны и отстранены. К вечеру Катрин стало казаться, что все было дурным сном, даже закралось сожаление — к чему побеспокоила супруга? Разве существовал шанс, что принц всерьез будет искать Селину?

Чтобы отвлечься от тяжёлых мыслей, Катрин хотела было отправиться в город, побыть среди людей, но в последний момент передумала. Вдруг девчонка воспользуется случаем, и улизнет. С нее станется.

Селина провела все утро на кухне, а после обеда отправилась в свою комнату, и больше не выходила. Катрин делала вид, что падчерицы не существует, зачем раздувать конфликт, пусть сперва приедет Теодорий.

Ближе к вечеру вернулась Нитта, отправленная за покупками, Катрин не смогла сдержать любопытства.

— Наверное в городе только и разговоров, что о прошедшем бале? — спросила она мимоходом.

Девушка правильно почувствовала настроение хозяйки.

— Да, госпожа, все только и обсуждают решение принца.

— Какое решение? — Катрин сделала вид, что удивилась.

— Как, разве вы не слышали? Сердце его высочества покорила прекрасная незнакомка. К сожалению, она не открыла своего имени, но убегая из дворца, обронила туфельку. Знаете, в городе говорят, что туфелька не простая, а отлита из хрустального стекла. Принц объявил, что женится на той, кому туфелька придется впору!

— Ты что — то напутала, не бывает туфель из стекла.

— Нет же, госпожа, честное слово! Королевские представители объезжают семьи, что были на балу, и примеряют туфельку молодым девицам. Я слышала разговор, что туфелька приходится по размеру каждой второй, но ни одна девушка пока не сумела продемонстрировать пару. Томми говорит, их мастерскую буквально наводнили с требованием смастерить хрустальные туфли, а он такой диковинки даже в глаза не видел.

— Вот, значит, как обстоят дела, — задумчиво протянула Катрин. Раз королевские представители объезжают каждый дом, следовательно, им не известна личность девушки. Может, все еще обойдется, нужно только избавиться от улик.

Селина сидела на кровати, и перечитывала любимую книгу сказок.

"... прекрасный принц прибыл в отдаленную деревню, и только там сумел отыскать таинственную незнакомку. Она была всего лишь дочерью пастуха, но существуют ли препятствия для влюбленных ... "

Девушка перевернула страницу, и мечтательно вздохнула. И она, совсем как эта пастушка из сказки. Марта уже рассказала, что в городе активно ищут ту, что покорила сердце принца. Его высочество наотрез отказывается жениться на ком-либо другом. Он страдает, и ждет встречи с возлюбленной.

Селина улыбнулась, когда королевские представители придут в их дом, настанет момент триумфа. Ей не только придется впору заветная туфелька, но она может показать вторую. А значит, принц женится на ней! Даже мачеха, кажется, поняла, что к чему, иначе почему больше не упрекает, не ругается? Ходит молчаливая, и даже взгляда не бросит в её сторону. Скорее бы, что ли, приехали из дворца, как же хочется снова увидеть принца...

Неожиданно дверь резко распахнулась, и в комнате появилась леди Катрин. Селина вздрогнула, и сосредоточилась на книге. Она больше не будет ни разговаривать с мачехой, не обращать на нее внимание. Пусть злится, если хочет, может, наконец осознает, что жизнь не может идти по правилам, побеждают только те, кто готов идти на риск.

— Леди Селина, нам нужно серьезно поговорить.

Девушка с преувеличенным вниманием перевернула еще одну страницу. Катрин подняла бровь, обычно это в духе Эйрики, оставлять без ответа, или демонстрировать характер. Предпринять что ли еще одну попытку?

— Леди Селина. Нам стоит обсудить, что произошло вчера. Ситуация серьезная, и если ты будешь отвечать, мы сумеем найти выход.

Однако и эта реплика осталась без ответа. По уголкам губ девушки скользнула улыбка. Когда станет принцессой, тогда и поговорит с мачехой, а сейчас ни к чему.

Катрин ощутила приступ раздражения. Падчерица сидела, как ни в чем ни, бывало, словно это не она заваривала всю эту кашу. А ведь в шестнадцать лет пора бы понимать последствия своих поступков. На некоторое время женщину охватил соблазн не вмешиваться. Пусть выходит замуж за принца, и пусть сама расплачивается за свою глупость.

Но нет, так нельзя. Девчонка просто еще слишком молода и глупа, чтобы понимать, как устроена жизнь. Во дворце перед ней будут задиравать носы даже служанки, принц продолжит гулять по кабакам и публичным домам, а ее жизнь будет еще хуже, чем в клетке. Хотя нет. Не будет. Король все равно не допустит подобного мезальянса.

Катрин вспомнила, зачем пришла. Раз падчерица не желает разговаривать — ее проблемы.

С этими мыслями женщина решительно пересекла комнату и распахнула дубовый шкаф. Вот и злополучное платье, а под ним одиноко стоит туфелька. Селина настороженно наблюдала за мачехой, еще не понимая, что та собирается делать. Но неведение продолжалось недолго.

— Нет! Вы не смеете забирать! Это мои вещи!

Катрин притормозила у дверей, и смерила падчерицу холодным, жестким взглядом.

— Вы не пожелали поговорить по-хорошему, поэтому и я не буду объяснять, что собираюсь делать.

Женщина быстро вышла, и Селина услышала, как в замочной скважине повернулся ключ.

— Вы останетесь в комнате, пока я не позволю вам выйти.

— Так нельзя! Принц найдет меня, а вы! Вы понесете наказание за то, что хотели разлучить нас!

— Я запрещаю кому-либо подходить к двери, разговаривать, и уж тем более выпускать Селину. — громко произнесла Катрин, зная, что ее слова услышат все, и дочери, и служанки, и сама пленница. Больше не обращая внимания на крики, женщина спустилась на первый этаж. После того, что она собирается сделать, даже муж вряд ли займет ее сторону.

Катрин подошла к камину, и бросила в него платье. По грязно — белой ткани тут же весело заплясали языки пламени. Цветы съезжались на горящих поленьях, а в зале повис запах горелых тряпок. Женщина покрутила в руках туфельку, рассматривая. Та переливалась в отблесках огня. Стеклянная пыль? Оригинально, но безвкусно. Пусть не останется никаких следов.

Катрин занесла руку с туфелькой над камином, но в последний момент передумала. Она нечасто прислушивалась к своей интуиции, но сейчас просто не могла избавиться от туфельки, словно что — то царапнуло изнутри.

— Госпожа! Там какие — то люди желают вас видеть, — Нитта бесшумно появилась на пороге, и тут же увидела догорающее в камине платье.

— Какие люди? — Катрин нахмурилась. — Мы никого не ожидаем.

Нитта подошла поближе, и пугливо оглянулась на дверь.

— Мне кажется, это какие — то важные господа. Не из городской стражи, и не простые служащие.

Несмотря на горящий камин, в комнате сразу стало как — то холодно. Катрин попыталась ободряюще улыбнуться, но губы не слушались.

— Все в порядке, попроси их, подождать в кабинете моего мужа, скажи, я сейчас подойду.

Нитта кивнула, и неслышно исчезла. Катрин поспешила в свою комнату. Туфельку пока спрятать, а потом уничтожить. Если, конечно, они переживут эту ночь. Она приложила ледяные ладони к горящим щекам. Все обойдется, ничего плохого не произойдет. Может, они просто предложат примерить туфельку всем девицам, а потом покинут дом. Главное не показывать страха.

Катрин постояла немного в темной комнате, приходя в себя, а затем подошла к окну. У дома стояли две черные кареты, без окон. Женщина почувствовала приступ дурноты. Ничего уже не обойдется... Невидимые весы качнулись не в их пользу...

— Леди Браст, присаживайтесь. Может воды?

Высокий, чуть сутулый мужчина, в сером, был вежлив и галантен, словно это он принимал поздних гостей. Второй, с острыми чертами лица, безмолвно продолжал стоять у двери, во всей его позе ощущалась угроза. Было ясно, что без позволения он никого не выпустит. Катрин не сомневалась, что и у входной двери стоял такой же человек. Особая королевская служба? Видеть подобных людей в своем доме — очень дурной знак. Намного хуже, чем разбойников или северных дикарей.

Женщина послушно присела на край стула, ноги сейчас держали плохо. Худощавый мужчина занял место Теодория, и покрутил в пальцах мелкую безделушку, взятую со стола.

— Как вам понравился королевский бал?

— Он был организован на высшем уровне, — с максимальной учтивостью ответила Катрин.

— Да... А уж сколько надежд с ним было связано... — мужчина немного отодвинулся, и теперь на его лицо падала тень.

Катрин сосредоточила взгляд на крепко сцепленных пальцах. Ответа от нее, похоже, не ждали.

— Но вот какая незадача. Один молодой человек сделал неправильный выбор, и упорно стоит на своем, не желая его менять.

Женщина подняла глаза, и внимательно посмотрела в лицо собеседника.

— Так, может, решить этот вопрос непосредственно с молодым человеком?

Мужчина за столом, усмехнулся.

— Всею свое время. С ним этот вопрос решится, но сперва надо подстраховаться от неприятных

неожиданностей.

Серый человек у дверей кашлянул, и произнес глухим, хриплым голосом:

— К чему эти словесные выверты. Боишься, что тебя обвинят в грубости? Время уходит.

Мужчина с резким стуком вернул сувенир на место, теперь его тон стал более жестким.

— Ваша падчерица сегодня покидала дом?

— Нет.

— Вы, ваши дочери?

— Нет.

— Слуги?

Катрин замялась, и это не укрылось от взгляда собеседника.

— Одна служанка ходила за продуктами.

Мужчины переглянулись, словно совещаясь, и Катрин поняла, что они колеблются, а значит, есть шанс.

— Милорд, простите, вы не представились. Вы же понимаете, что взгляд принца мог пасть на любую гостью, дочь купца, или мелкого барона. — начала женщина, словно бросаясь с обрыва в ледяную воду. — Да, моя падчерица глупо поступила, явившись на бал в ммм... необычном платье, но это не повод являться в наш дом с угрозами. Ее вина лишь в том, что принц хотел досадить его величеству, а она слишком глупа, чтобы понять это.

Повисла гнетущая тишина. Катрин сидела прямая, как стрела, в упор глядя на мужчину за столом.

— Кхм... Все гораздо сложнее, леди Браст. Мы всего лишь делаем свою работу. Нам нужно, чтобы ваша падчерица не заявила о себе в самый неподходящий момент. Его величество оставил за нами полную свободу действий. Престиж королевской семьи гораздо важнее чьих — то личных переживаний.

— Я могу поручиться, что леди Селина не заявит о себе, и не появится в столице. Как только вернется мой муж, мы уедем на самый юг королевства. К тому же, у девчонки не будет никаких доказательств. Платье я сожгла.

— А туфельку?

Катрин ощутила удары сердца где — то около горла. Но не отвела взгляда.

— И туфельку.

— Мы не можем идти на риск, — снова раздался глухой голос от двери, — Нам она говорит одно, а на деле могла припрятать туфлю до удобного момента.

— Друг мой, если на пепелище, среди обгоревших тел, обнаружится злополучная туфелька, мы окажемся в двусмысленной ситуации. А ведь если она не в доме, ее вполне могут подбросить позже...

Кровь отлила от лица, и Катрин почувствовала, резкое головокружение. С усилием она медленно вдохнула и выдохнула. Сейчас, когда решается судьба ее детей, нельзя лишиться чувств. Нужно торговаться, сражаться до последнего.

Худощавый мужчина встал, и начал ходить по комнате.

— Много времени прошло... Около тридцати лет назад, корабль моего отца разбился о плавающие льдины. Один молодой герцог вытащил меня, рискуя собственной жизнью. Я надеялся, что в свое время тоже смогу оказаться ему полезным, но увы. Тот человек, спустя некоторое время, погиб. Я бы хотел вернуть долг. Пусть не ему, но его дочери. Если только мы сумеем понять друг друга. Леди Лерианс?

Сердце Катрин забилося с небывалой частотой. Она заметила умышленную оговорку, и готова была уцепиться даже за призрачную надежду.

— Вы даете слово, что эта история не будет иметь последствий для моей семьи?

Мужчина серьезно кивнул, и приложил ладонь к груди.

Катрин не решилась окликнуть кого — либо из служанок. Она сама поднялась в комнату, и вытащила из — под матраса завернутую в платок туфельку. Женщина понимала, что идет на риск, насколько можно верить ночным посетителям? Но иного выхода она просто не видела.

Гость внимательно осмотрел туфельку, и, удовлетворенно кивнув, спрятал ее во внутренний карман.

— Надеюсь, впредь вы будете хорошенько следить за своей падчерицей. В противном случае нам придется действовать менее гуманно.

Катрин легко поклонилась. Она чувствовала, что и этой ночью не сомкнет глаз. Скорее бы уже вернулся супруг. Пусть увезет их на юг, на север, куда угодно, лишь бы подальше от этих страшных людей.

Карету без окон немного трясло на неровных дорогах. В ней сидели двое.

— Какая трогательная история про спасение жизни, Трост. Даже я мог бы поверить, если бы не знал, что ты никогда в жизни не ходил в море.

Второй человек коротко хохотнул.

— Женщины глупы и доверчивы, Берг. Однако, его светлость нам хорошо заплатит за эту туфельку. Можно запросить двойную цену за то, что все прошло без шума.

— Зря только мы не избавились от свидетелей.

— Не глупи. После скандала в королевском дворце, любая гибель целой семьи будет выглядеть слишком подозрительно. Да и кто им теперь поверит, без доказательств.

На какое — то время повисло молчание. Кареты проехали по мосту, и остановились. Двое вышли на мостовую.

— Не будем привлекать внимания. Дальше лучше на извозчике. Проследи, чтобы избавились от карет. Жду вас после полудня.

Берг кивнул. Ни к чему всем светится перед герцогом. Главное — работа выполнена чисто, а после оплаты лучше всем залечь на дно. Вряд ли в ближайшее время подвернется более выгодное дельце.

Трост, тем временем, подошел к ночному извозчику, и разбудил того, коротким тычком кулака.

— В столицу. Район восточных садов.

Глава 21. И радость и печаль

Несколько дней королевство лихорадило. События развивались с такой невиданной скоростью, что жители маленького города не успевали обсуждать, ужасаться и восхищаться.

На бал разрешили явиться не знатным жителям. Принц влюбился в какую — то простушку, потерявшую на балу туфельку. Эту туфельку примерили половине девушек королевства. Простушкой оказалась дочь герцога, большая оригиналка. Вместо роскошного платья за пятьсот золотых, она надела парадное платье своей горничной, желая всем доказать, что она в любом наряде краше всех.

Теперь все говорили о том, что, когда девушка появилась в бальном зале, невозможно было отвести глаз, столь редкой красотой отличалась маркиза.

— Пойдите, так вроде ее светлость темненькая, а принц танцевал с блондинкой?

— Что вы. Принц весь вечер танцевал только с одной девушкой. Высокой, черноволосой. Я сама видела.

— Должно быть просто волосы блестели от света ламп.

Словом, уже через несколько дней даже очевидцы были уверены, что спутницей принца была та самая маркиза. Да и девушка предъявила вторую туфельку — чем не доказательство?

Когда уставали обсуждать предстоящий союз принца, переключались на союзы более близкие. Аж к двум местным девушкам посватались родовитые аристократы. Правда один был старше невесты на пару десятков лет, а второй находился на грани разорения, но зато оба имели графский титул, а что еще нужно для счастья?

Катрин жадно ловила любые новости, но предпочитала не покидать стен дома. Слишком напугал ее ночной визит таинственных посетителей. Иногда, ей приходило в голову, что у нее просто обманом выманили туфельку, обычные авантюристы. Но люди без связей и власти, вряд ли бы отыскивали виновницу переполоха меньше, чем за день. А учитывая, что больше их семью никто не тревожил, женщина была рада, что все обошлось малой кровью.

Падчерица сидела взаперти, демонстративно отказываясь покидать комнату, до возвращения отца. Катрин махнула на нее рукой. Пусть, так даже проще, и она распорядилась, чтобы служанка приносила еду прямо в комнату. Отношения с падчерицей разладились настолько, что Катрин отчетливо понимала — просвета не будет. По крайней мере, пока девчонка не осознает, что быть принцессой в сказке, и в реальности — это совсем разные статусы. И во втором случае, жизнь бы ей устроили далеко не сказочную.

— Госпожа, там Томми... — Нитта нерешительно замялась на пороге.

— Можешь взять выходной, — разрешила Катрин.

Как и все именитые граждане, женщина относилась к людям низшего сословия чуть свысока. Но целеустремленность и добропорядочность Томми, вызывала у нее уважение. К тому же, несмотря на несколько лет его общения с Ниттой, репутация девушки оставалась безупречной.

Катрин никогда бы не призналась даже себе, но судьбу девушки она принимала довольно близко к сердцу. Как только эта служанка впервые появилась в ее доме, жизнь начала постепенно налаживаться. Нитта уже давно заняла место где — то между обычными слугами и дочерьми.

— Он хотел бы поговорить с вами, если конечно, это будет уместно. — щеки девушки залила краска.

Катрин ненадолго задумалась.

Ученик сапожника предупредил про бал. С другой стороны этот бал принес одни неприятности. Но последнее, уж точно не вина юноши.

— Хорошо, позови его.

Томми зашел в комнату, и тут же поклонился. В этот раз он был одет как — то празднично, и, что удивительно, пришел без своей сумки.

— Леди Брест. Я пришел по очень важному делу. — было видно, что парень очень волнуется, то и дело он проводил рукой по коротким торчащим волосам.

Катрин жестом предложила ему сесть. Юноша сел, но тут же снова вскочил с места.

— Дело в том... У Нитты нет родителей, но вы человек, которого она безмерно любит и уважает... Да, я знаю, что она всего лишь служит в вашем доме, но я хочу... Я хочу, чтобы все было по правилам. Я хочу просить руки Нитты, если на то, будет ваша воля...

Катрин удивленно подняла брови, и едва сдержала улыбку. Ей даже в голову не приходило, что все будет настолько официально. Она думала, что раз Нитта сирота, то молодые сами решат между собой этот вопрос, и просто поставят в известность, что женятся. Да, и, честно говоря, давно пора, девушке уже двадцать лет, не до седых волос же жениха ждать.

— Вопрос серьезный, сможешь ли ты содержать молодую жену? Будешь ли уважать ее и оберегать? — в глазах Катрин плясали веселые искорки. Казалось бы, всего союз служанки и сапожника, но почему же так легко и весело на душе?

— Да, госпожа, я буду любить и оберегать свою жену, и сделаю все, чтобы она была счастлива!

— В таком случае... — Катрин бросила взгляд на часы над камином, — Приходи за ответом в первый час после захода солнца.

Томми еще раз поклонился, и ушел. Женщина задумчиво постучала пальцем по столу, и позвала Нитту. Девушка тут же появилась, с горящим лицом, и блестящими глазами, видимо знала, о чем был разговор.

— Нитта, присядь — Катрин указала рукой на второе кресло. Девушка послушно присела на самый край.

— Молодой человек интересовался моим мнением по одному важному вопросу.

Нитта покраснела еще сильнее, и теперь ее щеки были совсем пунцовыми.

— Вижу, ты знаешь, зачем он приходил. Но, если следовать всем правилам, я должна спросить твое мнение, прежде чем дать ответ.

— Госпожа... — от смущения девушка не решалась поднять глаза, и упорно смотрела на столешницу из массивного дуба.

— Если у тебя есть сомнения, или ты не желаешь связывать свою жизнь с этим молодым человеком — скажи об этом сейчас.

— Что вы! Госпожа! Я очень люблю Томми!

Девушка тут же осеклась, словно испугавшись своей вспышки.

Катрин улыбнулась.

— Тогда нам нужно обсудить насущные вопросы.

— Нитта выходит замуж! Нитта будет невестой! — Эйрика буквально скатилась с лестницы, и повисла на шее у девушки.

— А белое платье будет? И карета? Томми давно уже было пора на тебе жениться, а то все ходил, в глаза тебе заглядывал, и молчал. — девочку переполняло от избытка чувств. Последние дни были мрачные и напряженные, а теперь в их дом заглянет настоящий праздник!

— Эйрика, — укорила Катрин дочь, — Веди себя скромнее.

— Скромность к лицу невесте, а я воин! — бодро отозвалась девочка, — Но я так рада!

Агата, без слов, тоже обняла Нитту за пояс. Она тоже любила добрую и приветливую девушку. У Нитты на глаза навернулись слезы, ей даже в голову не приходило, что ее помолвка вызовет столько радостного участия.

Катрин отправилась в кабинет, чтобы написать пару записок в город. А еще, пожалуй, можно сообщить Теодорию. Тот, конечно, вряд ли помнит, кто такая Нитта, но женщине очень хотелось поделиться радостной новостью. Правда... ни на одно из трех писем — не пришел ответ. И супруг тоже не торопился возвращаться. Однако, Катрин надеялась, что его просто задерживают дела, и со дня на день он или появится сам, или передаст весточку.

У дверей своей комнаты, скрестив руки стояла Селина. Катрин, привычно, собиралась пройти мимо, но девушка заговорила с ней. Впервые, с того злополучного дня, когда было уничтожено платье.

— В доме большая радость? Выдаете замуж служанку... — в голосе падчерицы было столько яда, что женщина невольно остановилась.

— Вы, такая благородная, благовоспитанная леди, и столько внимания к какой — то прислуге. Или это всего лишь маска, а затем, вы безжалостно разрушите жизнь и этой девушке?

— Селина, что ты такое говоришь. Может, наконец, перестанешь видеть во мне чудовище? Я никому не желаю, и не желала зла...

— Да вы и есть чудовище! — резко перебила ее девушка, — Вы, с первого дня, наводите здесь свои порядки. Подчинили своему влиянию отца, взялись переделывать меня, на свой лад! А когда у меня появился шанс стать счастливой, — вы сделали все, чтобы не допустить этого! Вы мое будущее сломали! А за служанку радуетесь, словно это очистит вашу совесть! — падчерица перешла на крик. Катрин поморщилась.

— Селина, может, все — таки, спокойно поговорим?

— Не буду я с вами разговаривать! Я вас ненавижу!

И девушка скользнула в комнату, с силой захлопнув дверь.

Катрин потеряла виски, желая унять начинающуюся головную боль. Да, глазами падчерицы все выглядит именно так. В чем — то она права, в чем — то нет... Настроение было безнадежно испорчено.

Часовая стрелка, не торопясь, перескочила на следующую цифру, и застыла неподвижно, словно утомленная вынужденным движением. Катрин смотрела на пустой лист, пытаясь собраться с мыслями. Буквы совсем не хотели складываться в слова, и женщина, наконец, оставила бесплодные попытки.

На первом этаже царил радостное оживление. Катрин невольно прислушалась. Среди веселых голосов, особенно ясно выделялся звонкий голос Эйрики. Спуститься что ли к ним? Нет. Не сейчас. Женщина вернула перо на место, и отправилась в спальню.

Не зная, чем занять себя, она поправила подушки, смахнула невидимые пылинки с зеркала, и задержала взгляд на своем отражении.

В черных волосах, собранных в низкий пучок, еще не было ни одной серебристой нити. А вот около глаз, можно было разглядеть уже первые морщинки, если очень хорошо приглядеться.

Через несколько лет, а может быть и раньше, когда у нее появятся внуки, придется носить строгие закрытые платья, а выходя на прогулку накидывать на волосы легкий платок. Эта мода появилась не так давно, но уже завоевала популярность у местных матрон.

Катрин еще раз пристально оглядела себя в зеркало. Она и так носит строгие платья, разве что, только вырез не закрывает шею. Но все — равно грустно. Какое счастье, быть молодой девушкой полной надежд, и что бы кто — то смотрел с таким восторгом, как Томми смотрит на Нитту. В ее же случае — первый муж смотрел с жалостью, второй с почтением. Женщина встряхнула головой, отгоняя посторонние мысли. Кажется, она действительно стареет, раз становится сентиментальной.

Под руку попала резная деревянная шкатулка. Катрин заглядывала в нее крайне редко, в основном, чтобы положить очередное украшение, подаренное мужем. Повинуясь неясному внутреннему желанию, она открыла крышку, и высыпала содержимое на туалетный столик.

Первыми она взяла в руки массивные серьги, подаренные Теодорием еще в первый год брака. Быть может, лет через двадцать они придутся ей по вкусу. Следующим было кольцо, с мелкими блестящими камушками, Катрин улыбнулась, это украшение было слишком ярким и веселым, следовало давным давно отдать его Селине или Эйрике.

Были еще серьги, браслеты, броши. Некоторые, женщина примеряла, и тут же возвращала в шкатулку. В руки попало еще одно кольцо, Катрин покрутила его в пальцах. Надо же, когда Теодорий привез его? От кусочка янтаря исходило тепло, не удержавшись, женщина надела перстень на палец. Велико...

В памяти яркой вспышкой возникла сцена из далекого прошлого. Непогода, раненый северянин, горящий камин. Катрин покраснела, и тут же сняла кольцо. Когда — то ей казалось, что она никогда не забудет ночного гостя, но прошло несколько лет, и его лицо почти изгладилось из памяти. Вот только глаза, кажется, были синие.

Как он говорил, если понадобится помощь, то прибудет из любой части света? Мужчины вообще горазды говорить. Сейчас, спустя столько времени, то ночное происшествие казалось не более, чем далеким сном. Тем не менее, Катрин бережно отправила кольцо обратно в шкатулку, положив поверх остальных драгоценностей.

За окном начинало темнеть. Наверное, скоро должен подойти Томми. Не зажигая свечи, Катрин подошла к окну. Надо взять себя в руки, и казаться веселой. Зачем портить остальным такой замечательный вечер.

У дома остановилась карета. Приехал Теодорий? Женщина пригляделась, да, карета из Торда. Катрин тут же отодвинулась от окна, и пригладила волосы. Из коридора донесся звук хлопнувшей двери. Селина тоже заметила возвращение отца. Катрин помедлила. Пусть падчерица первая встретит Теодория. В конце — концов, это ее отец. А она пока даст распоряжения слугам.

На лестнице женщина столкнулась с сияющей Эйрикой.

— Мама, Теодорий приехал! Селина уже побежала его встречать.

Катрин кивнула. У Эйрики сложились с отчимом довольно дружеские отношения. Девочка была готова бесконечно расспрашивать того о путешествиях и диковинках, встречающихся в пути. И затем сожалела вслух, что из нее пытаются сделать леди, когда ей интересна совсем другая жизнь. Теодорий в свою очередь шутил, что из Эйрики получился бы отличный сын, не будь она девчонкой.

— А знаешь, он обещал, что в этот раз точно привезет...

Но что пообещали привезти девочке, Катрин так и не узнала, потому что в этот момент с улицы донесся пронзительный, истошный крик...

Глава 22. Старый знакомый

Катрин понадобилось меньше минуты, чтобы оказаться возле кареты. Падчерица уже не кричала, она всех сил зажимала себе рот, а лицо ее было мертвенно бледным, словно она увидела привидение.

Невысокий человек, одетый по моде Торда, заметив женщину, тут же поклонился ей.

— Леди Браст... Я старший помощник по торговым делам, служил у вашего мужа.

Катрин пристальнее посмотрела на мужчину. Да, вроде она видела его, мельком. Иногда он приезжал с Теодорием, но никогда не останавливался в их доме, снимая комнаты, где — то в городе.

— Мой супруг прислал вас с поручением? — поинтересовалась Катрин, стараясь быть вежливой.

Селина как — то странно всхлипнула, и женщине показалось, что падчерица сейчас лишится чувств.

— Прошу прощения, минуту. Нитта! — громко окликнула она, стоящую на крыльце девушку. — Проводи леди Селину в ее комнату, — и добавила негромко, — Посиди с ней, пока я беседую с этим господином.

Нитта тут же приобняла девушку за плечи, и мягко потянула за собой. Селина не сопротивлялась, двигаясь, как в полусне. Только сейчас Катрин заметила, что карету сопровождали пара всадников, которые успели спешиться, но пока держались на почтительном расстоянии. Она снова развернулась к помощнику по торговым делам.

— Мое имя Астр, Астр Торведий.

Торведий? Катрин едва удержалась, чтобы не поморщиться. Уроженец Торда, значит. Ее супруг, похоже, совсем не щепетилен в вопросах, с кем вести дела. Можно еще понять — с северянами, но с тордцами?! Тем не менее, она легко кивнула, не хватало еще ей вмешиваться в рабочие дела мужа, домашних забот хватает.

— Видите ли, после реакции вашей дочери, я даже не знаю, как сообщить... — Астр мялся, и женщина ощутила раздражение. Ей, этот человек не понравился с первого взгляда, и его бормотание под нос, только усугубляло неприязнь.

Кажется, всадники разделяли ее мнение, потому что они подошли ближе, и один из них поклонился с чувством глубокого достоинства, но не снимая при этом капюшона.

— Миледи, господин Астр прибыл сообщить вам, что ваш муж... отправился в долину сонных гейзеров.

Катрин подняла брови, она давно не просматривала труды по географии, но не расписываться же в собственном невежестве.

— Он мог бы сообщить об этом письмом, не посылая целую делегацию. Когда он обещает вернуться?

Второй всадник издал странный звук, напоминающий смешок, за что получил чувствительный удар локтем от своего спутника.

— Леди Браст?... — теперь глубокий голос звучал с беспокойством.

Женщина поняла, что от нее ждали совсем иной реакции. Вон и тордец не решается поднять глаза.

— Когда вы сказали... про долину сонных гейзеров... — голос Катрин внезапно сел.

Повисла звенящая тишина. Первый всадник опустил голову.

— Я сожалею, миледи.

Катрин сидела в глубоком кресле, обхватив голову руками. От нее ждали распоряжений, поддержки, силы духа, но она просто не могла сдвинуться с места. Со второго этажа доносились глухие завывания. С Селиной сейчас сидела Нитта, младших девочек взяла на себя другая служанка. Лучше бы отправить к падчерице Марту, но кухарке самой требовалась поддержка. Все, что могла Катрин, это дать пожилой женщине вымороженного вина, и терпеливо побыть рядом, пока та приходила в себя. Наконец, она смогла оставить Марту на другую служанку, и покинуть кухню.

В самый неподходящий момент появился Томми.

— Госпожа? — юноша сразу почувствовал, что произошло что — то неладное.

Катрин медленно встала, и посмотрела на молодого человека покрасневшими глазами. От объяснений ее избавило появление Астра.

— Леди Браст, мы выгрузили вещи, осталось только тело.

— Тело? — Томми перевел взгляд на вошедшего, и, кажется, все понял.

Катрин ровно выдохнула. Это другие могут предаваться горю, плакать, но не она. Может потом, когда все останется позади...

— Томми, разрешаю подняться наверх. Нитта в комнате Селины. Просто побудь на втором этаже, и проследи, чтобы никто из девочек пока не спускался.

Юноша понятливо кивнул, и направился к лестнице.

— Можете занести в малую гостевую? Она тут, на первом этаже. — Катрин избегала обращаться к Астру по имени. Мужчина тоже кивнул, и что — то коротко приказал всадникам. Те открыли карету.

Теодорий лежал со скрещенными руками на груди, с умиротворенным лицом. Он казался спящим, может,

просто его окликнуть, и тот откроет глаза, и все станет как прежде.

К горлу подкатил болезненный ком, и Катрин поспешила отвернуться. Слез не было, была одна растерянность, и чувство безмерного одиночества. Впрочем, и после гибели первого мужа она не плакала. Видимо, у нее действительно нет сердца.

Мужчины в нерешительности остановились, всадники так и продолжали скрывать лица под капюшонами, Астр косился на них, но молчал. Первой нарушила молчание Катрин.

— Что, все — таки произошло? Несчастный случай, или... — она не договорила, вспомнив, последние события. Но нет. Она же отдала туфельку, принц уже помолвлен, да и Теодорий вообще не имел никакого отношения к происходящему, не считая того, что он был отцом владелицы туфельки.

— Господин последнее время жаловался на сердце, и частые головные боли. У тех, кто постоянно живет в наших краях, случаются такие симптомы, но быстро проходят. Теодорию же с каждым днем становилось все хуже, и он очень торопился приехать к вам, но не успел... — Астр опустил глаза, и женщине стало неловко, что она так предвзято отнеслась к помощнику мужа. Этот человек, видимо, так же тяжело переживал потерю, как и домочадцы.

— Вы можете остановиться в моем доме, — гостеприимно предложила Катрин, но испытала облегчение, когда тордец отказался.

— Благодарю, но у меня есть оплаченные комнаты в городе. Если только вы позволите воспользоваться лошадьми. — женщина позволила, и Астр покинул гостевую. Оставались всадники.

— Мне следует рассчитаться с вами за помощь, — догадалась Катрин, — Простите, просто все свалилось так внезапно...

— Нам не нужна оплата, мы понимаем и разделяем ваше горе, леди... Браст. — отозвался первый незнакомец глубоким голосом. — Оставь нас, — обратился он уже к своему спутнику, и тот послушно вышел.

Когда они остались одни, всадник, чуть помедлив, снял капюшон. Катрин, побледнев, отшатнулась. Они были знакомы.

— Леди Браст, возможно вы не помните меня.

— И — ингвар Орн, житель Эрланга. Рана больше не беспокоит? — женщина справилась с первым потрясением, и под конец ее голос совсем окреп.

— Благодарю. В тот вечер вы не просто спасли мою жизнь, а сделали куда больше, чем можете представить. Поэтому, я очень обязан вам.

Мужчина достал из — под плаща сложенный лист, и протянул Катрин.

— Это было написано для меня, но оно объяснит вам все куда лучше. Прочтите, пожалуйста. Они, на миг, соприкоснулись пальцами, когда женщина взяла письмо. Лист был исписан мелким убористым почерком, в котором Катрин легко угадала руку своего мужа.

«Ингвар. В нашем деле возникли сложности. Я допустил большую ошибку, но сам же за нее расплачусь. Вас это не коснется. Зная ваши обстоятельства, не могу просить вас позаботиться о моей семье, прошу лишь, передайте мои слова супруге — леди Катрин. Все свое состояние, деньги, дела, дом, я завещаю ей. Моя бедная девочка, Селина, слишком юна, и может стать объектом настоящей охоты, если станет богатой наследницей. Катрин сумеет уберечь ее, она оказалась куда лучшим родителем, чем я. Если моей супруге придется самой браться за торговые дела, пусть ни в коем случае, не тащит сюда девочек. В дне пути от Торда, есть закрытый женский пансион. Знаю, как это воспримут, но он может оказаться лучшим вариантом.

Подробнее писать не могу, если успеешь, расскажу при встрече. Если нет — я ни о чем не жалею. Скажи Селине, что мы, с ее матерью, всегда незримо рядом. И пусть леди Катрин постарается простить меня, если узнает всю правду».

Катрин подняла глаза от письма.

— Я ничего не понимаю. Что за тайны, за что я должна простить своего мужа?

— Сожалею, леди Браст, но я не могу сообщить вам больше, чем сказано в этом письме. В первую очередь, это уберезет вас.

— Если моей семье грозит неизвестная опасность, я должна знать, чего опасаться, — в голосе Катрин зазвенели ледяные нотки.

— Никакой опасности больше нет. Единственное, о чем прошу, — будьте осторожны с Астром. Теодорий доверял ему, но тордцам полностью верить никогда нельзя.

— И это говорит северянин.

Ингвар тепло улыбнулся, и аккуратно забрал письмо.

— Пожалуй, последнее предостережение было напрасным, я совсем забыл о вашем природном аквиланском снобизме. Вы и так не стали бы ему доверять.

Катрин вспыхнула, и отвернулась. Ее взгляд остановился на Теодории. Глаза предательски зацципало.

— Простите, наверное, я сейчас нужнее всего Селине...

Северянин коротко поклонился, и заключил ее ладонь в свои теплые руки.

— Леди Браст, я зря вас напугал. Больше вашей семье ничего не угрожает, просто постарайтесь быть осмотрительной. Не повторяйте ошибок вашего мужа.

Глава 23. Разговор по душам

При иных обстоятельствах встреча с северянином куда больше бы взволновала ее. Но события вечера, словно притупили способность чувствовать. Ингвар медленно отпустил руку, и еще раз поклонившись, ушел. Катрин снова осталась одна, она с тоской посмотрела в безмятежное лицо мужа, и накрыла его голову покрывалом. Это не Теодорий, а всего лишь оболочка, он сам сейчас, наверное, уже встретился со своей первой женой, и они теперь счастливы. А на долю осиротевшей семьи останутся лишь горькие хлопоты.

Сейчас бы лечь, уткнувшись лицом в подушку, и забыть все, как страшный сон. Но нельзя, необходимо побыть с падчерицей. Время от времени, из спальни Селины доносились протяжные завывания, и Катрин опасалась, как бы девушка и вправду не сошла с ума.

На втором этаже, у лестницы преданно стоял Томми. Катрин уже успела позабыть о юноше.

— Я сейчас сменю Нитту. — произнесла женщина приглушенным голосом.

Ученику сапожника было неловко, он понимал, что явился не вовремя, но кто знал, что этот день завершится столь печальным образом.

Катрин приоткрыла дверь, и вошла в темную комнату. Нитта тут же поднялась ей навстречу.

— Принеси с кухни молоко, и какое —нибудь печенье, поставь на столике у двери, — шепотом попросила Катрин.

Когда за служанкой закрылась дверь, женщина подошла ближе, и аккуратно села на край кровати. Селина глухо рыдала, уткнувшись лицом в подушку, время от времени рыдания сменялись каким — то иступленным воем. Помедлив, Катрин протянула руку, и погладила падчерицу по голове.

Девушка дернулась, и подняла голову. При виде мачехи, заплаканное лицо исказилось от злости.

— Убирайтесь, я не желаю вас видеть!

Катрин не сдвинулась с места, тогда Селина попыталась кинуть в нее подушкой. Тяжелая перьевая подушка достигла цели, и отлетев от женщины, упала на пол. Пусть лежит, ее всегда можно будет поднять позже.

В глазах падчерицы зажглись недобрые огоньки.

— Вы, все равно, уйдете из моей комнаты.

Катрин даже не стала задумываться, что собиралась сделать Селина, ударить ее, или просто спихнуть с кровати. Она без усилий перехватила занесенную руку, и прижала девушку к себе.

— Отпустите! Вы не смеете меня держать! Я ненавижу вас! Ненавижу этот дом! Ненавижу город! — выдохнувшись, Селина уткнулась лицом в плечо мачехи, и снова разрыдалась.

Женщина прижалась щекой к растрепанным волосам, но хватку пока не ослабляла. Надо же, у девчонки сил, не больше, чем у Агаты. Падчерица больше не пыталась вырваться, она просто плакала, и Катрин начала ее потихоньку укачивать.

Прошло еще около часа, пока всхлипывания начали затихать. Наконец, Селина отстранилась.

— Я вам платье испортила, — виновато шмыгнув носом, произнесла девушка.

Катрин и сама чувствовала мокрое пятно на плече.

— Не страшно, высохнет. Если нужно — второе плечо еще сухое.

Девушка коротко всхлипнула, но поток слез уже иссяк.

— Я так ждала отца... А он...

Женщина снова притянула к себе падчерицу, и погладила ее по спине.

— Он всегда будет рядом, в твоём сердце. И, думаю, он бы не хотел, чтобы ты так убивалась.

— Я теперь совсем одна, у меня больше никого нет.

— У тебя есть я, сестры, Марта. Понимаю, что утешение слабое, но ты не останешься одна.

В комнате снова повисла тишина. В какой — то момент, девушка высвободила руку, и тоже обняла мачеху.

— После того, как не стало мамы, мне казалось, что это не навсегда. Что пройдет немного времени, и она вернется, и все будет по прежнему. Даже, когда знала, что это не произойдет, все равно надеялась, в глубине души.

— Терять родных — всегда очень больно. Но ради них, нужно продолжать жить, чтобы помнить, чтобы нести любовь к ним в сердце.

— Вы тоже теряли близких, родителей? Каким было ваше детство? Хотя, порой мне кажется, что вы всегда были такой, как сейчас, благородной, сдержанной.

Падчерица смутилась, что сказала лишнее, и замолчала. Катрин ненадолго задумалась. Она не любила думать о детстве, и в целом о прошлом, потому, что потом, воспоминания возвращались тяжелыми снами. Но если это поможет отвлечь девочку от собственного горя...

— Мой отец был герцогом, наследником древнего рода. Ему прочили блестящее будущее, службу при дворе, знатную невесту. А он влюбился в простую девушку, которая работала на кухне, в замке его отца. Эта тема была под запретом, поэтому я не знаю, как они познакомились, но в результате на свет появилась я. Отцу не довелось узнать

о моем рождении, незадолго до этого, он погиб. Несчастный случай. Мама оставила мир, после моего появления. Скорее всего ей помогли. Меня ждала бы та же участь, но я стала единственным ребенком своего отца, и мой дед просто не смог от меня избавиться. Горе от потери сына было столь велико, что его настиг удар, но перед смертью, он взял обещание со своей дочери, что та вырастит меня, и устроит мою судьбу.

Катрин заметила, как расширились глаза Селины, та смотрела одновременно с жалостью и с сочувствием. Наверное не стоит слишком много говорить о грустном, поэтому женщина более бодро закончила.

— Затем меня воспитывала тетка, с которой я жила, пока не вышла замуж в первый раз. — она бросила взгляд на столик у двери, — Тебе следует подкрепиться, и набраться сил.

Интересно, когда Нитта успела принести печенье, и так же незаметно исчезнуть?

Селина постепенно успокаивалась. Они ели печенье, и разговаривали, стараясь не упоминать последние события. Но в какой — то момент, разговор, сам собой повернулся к балу и королевской семье.

Катрин решила пощадить чувства девушки, и не стала говорить о случайно подслушанном разговоре. Но зато рассказала о визите людей из дворца, и о том, что король все равно не допустил бы подобного союза.

Судя по всему, падчерица испугалась.

— Я не знала... И почему принц может жениться только на аристократке? В сказках, избранницами принцев становятся девушки любых сословий, даже низших.

— На то они и сказки, в жизни все не так. Самые знатные семейства королевства, обладают некоторой властью. Они не идут против законного правителя, но и король должен считаться с их мнением. А женитьба королевского сына на девушке не их круга — это прямое оскорбление, которое может привести к внутренним междоусобицам.

— Несправедливо.

— Не спорю, но такой порядок вещей. Лучше всего, для тебя, забыть принца. Мы еще найдем достойного жениха, который придется тебе по сердцу. Если, конечно, ты не решишь пойти по стопам Эйрики, и стать воином.

Селина неуверенно улыбнулась. Горе лежало на сердце тяжелым камнем, но дышать было уже легче. Катрин знала, что делает, уводя разговор на нейтральные темы.

— Леди Катрин... Почему вы никогда не говорили так? Не объясняли свои поступки? Поверьте, мне было бы гораздо легче, если бы я понимала...

Катрин смешалась.

— Я думала, что не к чему объяснять очевидные вещи.

— Это для вас они очевидные. Знаете, когда мы жили с Мартой, она всегда говорила, почему так, а не иначе. Почему мне лучше жить в ее комнате, или почему я должна уметь готовить. Все было просто и понятно. Когда появились вы, вы поступали по своему, и ждали от остальных, чтобы они догадывались, что у вас на уме. Марта говорила, что вы такая, потому что мачеха. Для меня же это было, как игра, в которой мне просто забыли объяснить правила. А сейчас вы просто сидите рядом, и разговариваете, как разговаривала бы мама... — голос девушки дрогнул, и она замолчала.

В темноте комнаты нельзя было видеть, как лицо Катрин залила краска. Она никогда не задумывалась о другой стороне жизни. Ей казалось, что достаточно придерживаться правил, воспитывать девочек, как воспитывали ее, и уметь сохранять лицо в любой ситуации.

Она же действительно, ни разу не поговорила с падчерицей, не обняла ее, не спросила, что тревожит детскую душу. Вместо этого, она просто принялась лепить из девочки леди, воспитывать. А ведь, все это, в первую очередь, нужно было самой Катрин, чтобы никому не пришло в голову обвинить ее, что она недостаточно занимается дочками.

— Простите, леди Катрин, мне не следовало этого говорить, — смутилась Селина, прерывая затянувшееся молчание.

— Нет, я должна была сама понять это, гораздо раньше...

Селина уже уснула, а Катрин все сидела рядом, на кровати, держа ее за руку. Сердце жгло изнутри от стыда. Когда она пришла в этот дом, падчерица была такого же возраста, что и сейчас Эйрика. Ей не манеры нужны были, а тепло, и искренняя забота. Почему же, осознание, как правильно, приходит так поздно?

А впереди неизвестность, она снова одна, с тремя дочерьми, которых нужно поставить на ноги, чтобы ни одной из них не довелось повторить ее судьбу. Забывшись, Катрин сжала руку падчерицы чуть крепче. Жизнь не заканчивается, нужно постараться исправить допущенные ошибки, и верить в лучшее.

Глава 24. Трудное решение

Катрин подошла к окну, и отодвинула тяжелую раму, чтобы пустить в кабинет больше свежего воздуха. Не было никакого желания возвращаться к стопкам бумаги на столе, но требовалось закончить расчёты.

Со дня похорон прошло уже более полугода, а торговые дела покойного мужа уже начали трещать по швам. Быть может, зря она оставила Астра управляющим? Вспомнилось, как тордец заверял ее, что продолжит вести торговлю, как при Теодории. Тогда на Катрин свалилось слишком много забот, поэтому она с легкостью дала согласие, желая избавиться от лишней головной боли.

Однако сейчас, когда она начала приходить в себя, выяснилось, что дела обстоят не так радужно, как писал в отчетах Астр. Женщина вернулась за стол, и придвинула ту стопку бумаг, что поменьше. Между бровей залегла тяжелая складка.

Первые пару месяцев доходы оставались примерно на том же уровне, для сравнения Катрин заглянула в бумаги за прошлые годы. Затем началось снижение, и эта цифра увеличивалась каждый месяц. Путем нехитрых расчетов, можно предположить, что если упадок продолжится, то через несколько месяцев от доходов останутся одни воспоминания.

Представления о торговле мужа были самыми смутными. Вроде он что — то покупал, оставлял на складах, а затем продавал. Или просто сдавал склады под хранение товаров? Быть может, все дело держалось на чистом его энтузиазме, а Астр просто не справляется с возросшей ответственностью?

Надо ехать самой, и разбираться на месте. Катрин с самого начала опасалась, что к этому, в итоге, все и придет. Конечно, можно спрятать голову, сделать вид, что ничего не происходит. Если умерить траты, то сбережений должно хватить на несколько лет. Только вот, у нее три дочери, их нужно будет в свое время выдать замуж, а значит необходимо хорошее приданое. Можно отказаться от слуг, переехать в дом поменьше, но траты на трех девиц несопоставимы с теми затратами, которые уходили двух детей.

Катрин переложила еще листы, и пробежала их глазами. Однако мысли витали где — то далеко. Как вдова графа, она раньше получала содержание, которого лишилась, выйдя замуж. Теперь же рассчитывать придется только на себя, и лучше взять торговлю в свои руки, чем остаться без средств к существованию.

Скрипнула дверь, и в комнате появилась Селина. За последнее время отношения мачехи и падчерицы стали куда сердечнее.

— Леди Катрин, только что из магистрата прислали.

И на стол опустился тяжелый серый конверт, с гербовой печатью. Женщина не испытывала ни малейшего желания его открывать, подозревая, что это обернется новыми тратами. Селина догадалась о настроении мачехи.

— Все так плохо?

Катрин тяжело вздохнула.

— Пока еще не все. Дела твоего отца в упадке, но чтобы разобраться, мне следует самой отправиться в Торд.

Падчерица села на край стула, и задумчиво поправила высокую стопку серой бумаги.

— Мы останемся одни?

— Я не могу оставить вас без присмотра... — женщина выдержала небольшую паузу, — Когда ты была ребенком, отец брал тебя с собой, помнишь что — нибудь о том, где и как вы жили?

— Очень немного. Отец, тогда оставил меня в большом доме, где жили и другие девочки моего возраста. Помню худую строгую женщину, которая следила за распорядком, водила нас на уроки. Мне там не нравилось, и я почти все время плакала, так что отцу пришлось забрать меня. После, мы вернулись в этот дом, и я осталась с Мартой.

— Тебе там совсем не нравилось?

— Сейчас, я думаю, что там было не так уж плохо. Нас учили петь, рассказывали удивительные вещи. Но тогда я слишком сильно скучала по родителям, и мне было невыносимо понимать, что меня увезли далеко от дома, и оставили одну.

— Боюсь, мне придется поступить так же. Торд не лучшее место, для юных благовоспитанных леди, но если вы останетесь в пансионе, я смогу навещать вас.

— Может, нам лучше остаться дома, с Мартой?

— Вы уже не дети, чтобы жить без старших, под присмотром кухарки. К тому же я не хочу, чтобы вы находились слишком далеко.

Селина погрустнела, но спорить не стала.

— Это не надолго, как только я улажу дела, мы тут же вернемся сюда, и будем жить, как прежде. Марта присмотрит за домом, а в помощь ей останется одна из служанок.

— Ну, раз надо...

Девушка выглядела расстроенной, и Катрин захотелось подбодрить ее.

— Не сидеть же всю жизнь в этом городке, а так у вас появятся новые впечатления, новые знакомства. Если же в пансионе окажется невыносимо, то я тут же заберу вас, и будем вместе думать, как жить дальше.

Падчерица кивнула.

— Я уже не маленькая, и понимаю, что так надо. Но понравится ли там Эйрике и Агате?

Катрин постучала пальцами по столу.

— Эйрика тоже уже достаточно взрослая, думаю, она будет только рада отправиться в путешествие, а вот Агата... Постараюсь ей все объяснить, она поймет.

Все обернулось не совсем так, как ожидала Катрин. Агату расставание с матерью расстроило, но утешил тот факт, что с ними поедет Селина. У девочек сложились довольно теплые отношения.

А вот с Эйрикой оказалось сложнее. Узнав о поездке, девочка оживилась, но радовалась ровно до тех пор, пока не узнала, что в Торд Катрин едет одна.

— Эйрика, еще раз говорю, — терпеливо повторила Катрин, — Торд не самое подходящее место для маленьких девочек. Поэтому, вы с сестрами будете жить в закрытом пансионе, а я постараюсь навещать вас как можно чаще.

— Пусть Агата и Селина живут в пансионе, я тогда совсем никуда не поеду!

— Ты не можешь остаться. К тому же, тебе там понравится. Познакомишься с другими девочками, научишься новому.

— Я не поеду. — холодно отрезала Эйрика, и прищурившись посмотрела на мать, — Раз у тебя есть дела поважнее, то уезжай, а я попрошу Нитту и Томми приютить меня.

— Ты не останешься в этом городе, — женщина скрестила руки на груди, а голос стал сухим и жестким, — Вы будете жить там, где я скажу, и хватит своевольничать. Я и так слишком многое тебе позволяю.

Эйрика тоже скрестила руки на груди, и молча отвернулась.

Катрин не хотела заканчивать разговор ссорой.

— Я только разберусь с делами, и заберу вас. Поверь, мне тоже трудно расставаться, но я просто не вижу другого выхода!

Девочка продолжала молчать, и даже ее прямая спина буквально излучала фамильное упрямство.

Катрин вспыхнула.

— Замечательно. Значит договорились. — отчеканила она, и покинула комнату.

В какой момент у старшей дочери испортился характер? Была же милой девочкой, пусть немного озорной, со странными идеями, но раньше договориться с ней было гораздо проще. А теперь, на каждом шагу старается показать характер, да еще и зуб этот дурацкий на шее носит!

На сборы ушла половина месяца. Требовалось списаться с хозяйкой пансиона, договориться об оплате, решить, кто из служанок останется с Мартой, уложить вещи. Нитта, жившая с мужем в домике у сапожной мастерской, пообещала время от времени навещать купеческий дом, и справляться, что все в порядке.

От забот голова шла кругом. Катрин сбивалась с ног, желая все успеть, и ничего не выпустить из виду. Эйрика, по прежнему, не разговаривала с матерью, и любые попытки наладить контакт, словно упирались в глухую стену. Наконец, женщина оставила попытки сгладить острые углы. Хочет упрямиться? Ее дело. Может после разлуки она станет сговорчивее.

Агата вела себя ровно противоположно старшей сестре. Понимая, что расставание неизбежно, она льнула к матери, и это куда сильнее действовало на Катрин, чем молчаливое упрямство Эйрики. Иногда, обняв младшую дочь, женщина задумывалась, как можно оставить ее, стоит ли того эта злополучная поездка?

Увы... Стоит. Лучше разобраться с делами сейчас, чем потом жалеть, когда будет совсем поздно. Последним шагом стала продажа всех драгоценностей, подаренных мужем. Живые деньги лишними не будут. Немного подумав, Катрин оставила только неприметное кольцо с янтарем, повесив его не цепочке, на шею.

Это кольцо все равно не представляет особой ценности, и за него не удастся выручить даже серебряный. По крайней мере, так она говорила себе, не желая признаваться, что просто не хочет его продавать. Пусть останется на память.

Северяне больше не появлялись, да и наверное, ни к чему. Хотя, надо было выпытать у Ингвара, какие такие дела вел ее муж, что поплатился за них жизнью. Но в душе она понимала — все равно бы не сказал. Интересно, почему северяне не появились на похоронах ее мужа, ведь они были с ним хорошо знакомы? Объяснение напрашивалось только одно — потому что дикари, и обычный порядок вещей им не ведом.

Катрин поймала себя на мысли, что опять слишком много думает о северянине. Надо же, явился, напомнил о себе. Однако один раз она сумела почти забыть о нем, забудет и сейчас. Вдове ее лет, в самую последнюю очередь следует думать о мужчинах, лучше уделить больше внимания делам.

Усилием воли женщина переключила внимание на почти уложенный дорожный сундук. Минимум платьев и

полное отсутствие драгоценностей. Остается надеяться, что поездка не займет много времени, и через пару месяцев она заберет дочек, они все вместе вернуться домой, и снова начнется размеренная скучная жизнь.

Глава 25. Расставание

Карета остановилась перед высокими воротами, извозчик перекинулся парой слов с привратником, и вот они въезжают на большой двор, где их уже ждут.

— Добро пожаловать в наш скромный пансион. Меня зовут Амелия Веста, я помогу девочкам освоиться на новом месте.

Катрин окинула Амелию Весту внимательным взглядом. Невозможно было понять, сколько той лет. Лицо молодое, но около губ уже заметны глубокие складки, в волосах несколько серебряных нитей, платье строгое, высокий воротник закрывает шею.

— Благодарю за то, что нашли для нас время. Позвольте представить, мои дочери — леди Селина, леди Эйрика, и леди Агата.

Селина и Агата легко поклонились, Эйрика смотрела прямо перед собой, мрачно скрестив руки на груди. Амелия словно ничего не заметила, она доброжелательно улыбнулась, и пригласила всех последовать за ней.

— О вещах не беспокойтесь, их доставят в комнаты.

Здание пансиона напоминало что — то среднее, между замком и обычным домом. Дверей ведущих в комнаты было много, в длинном коридоре висели картины, а вот лестница с массивными ступенями была лишена всякого изящества.

Амелия замедлила шаг у одной из дверей, которая на вид ничем не отличалась от остальных.

— Кабинет леди Маер, она уже ждет вас. Девочки идут со мной.

Агата обернулась на мать, и ее губы дрогнули. От Амелии это не укрылось.

— Я покажу девочкам их комнаты, а потом они будут ожидать вас, чтобы попрощаться.

Катрин кивнула, и помедлив немного, вошла в кабинет к хозяйке пансиона.

— Леди Браст?

Из кресла, навстречу поднялась дородная женщина средних лет. Ее платье было таким же закрытым, как и у Амелии, но было заметно, что оно гораздо дороже. Из украшений только брошь и кольцо. Леди Маер выглядела дорого и строго, и глядя на нее становилось ясно — эта женщина привыкла быть главной. Катрин легко поклонилась.

— Оставим церемонии, уважаемая леди Браст, мы же не на светском приеме. — голос женщины был звучным и глубоким. — Позвольте, я устрою вам небольшую экскурсию, а затем мы закончим с документами. Надеюсь, вы не торопитесь?

— Не тороплюсь. Мне бы хотелось лично убедиться, что я оставляю дочерей в надежном месте.

— Не сомневайтесь, — леди Маер обогнула стол, и женщины вышли в коридор. — В нашем обществе до сих пор сильны предрассудки, что девочки должны жить и обучаться только дома. Но далеко не все родители могут дать дочерям хорошее образование, особенно если они достойные люди, но не обладают титулом.

— Мои дочери хорошо образованы для своих лет, — уязвлено заметила Катрин.

— Тем лучше, — кивнула хозяйка пансиона, — Знаете, я всегда желала, что мой пансион станет центром женского образования, что придет время, и сюда будут отправлять дочерей не только зажиточные граждане, но и родовитые аристократы. Но увы, пока мое учреждение имеет славу лишь временного приюта. Чаще всего девочек оставляют здесь на год или два, пока устраивают свои дела, так что о полноценном образовании остается только мечтать.

— Девочкам лучше всего расти дома, среди близких. Зачем им несколько лет получать образование вдали от семьи, если конечная цель все равно удачный брак?

— Вот! И не только вы придерживаетесь подобного мнения! А тем временем хорошие учителя доступны лишь аристократии, и за большие деньги. На одного ученика приходится несколько учителей, а некоторые ждут лучших преподавателей годами. А ведь можно собрать десять учеников в одном месте, и приставить к ним одного учителя!

Катрин незаметно улыбнулась. Леди Маер говорила эмоционально, от всего сердца, но сложно было представить, что один учитель способен хоть чему — то научить, если будет заниматься одновременно с десятком учениц. По своему опыту женщина могла сказать, что учить двух или трех девочек — задача не из легких. Да и многие ли учителя пошли бы на такой странный шаг. Ведь даже обучать одного, это уже большая ответственность.

— Вы улыбаетесь, — заметила леди Маер, — А знаете, что, например в Эрланге эта система довольно распространена. Более того, до десяти лет мальчики и девочки обучаются вместе.

— Какая дикость! — ужаснулась Катрин, в ее голову закралась мысль, что зря она привезла дочерей в это странное место. Как знать, вдруг хозяйка пансиона тоже решит ввести совместное обучение. Леди Маер словно угадала ее мысли.

— В нашем королевстве, увы, это пока невозможно, — произнесла она, с заметным сожалением, — Однако я отвлеклась, а ведь обещала вам небольшую экскурсию.

В целом Катрин осталась довольна. В душе она признавалась себе, что предпочла бы провести детство в подобном пансионе, чем в мрачном замке тетки — паучихи.

На первом этаже располагались классные комнаты, где для девочек проводили занятия. К сожалению, настоящих учителей не привлекала идея обучать большое количество учениц, но леди Маер нашла выход из положения, пригласив несколько образованных женщин.

Самый большой класс отводился под танцы и уроки пения, так как именно музыка, по мнению хозяйки пансиона, способствует формированию чувства прекрасного.

Была здесь и хорошая библиотека, книги из которой активно использовались. Переписывались тексты, с целью поставить почерк, те же, кто уже умел хорошо писать, отработывали выразительное чтение. У Катрин закралось подозрение, что леди Маер росла в знатной семье, и получила классическое образование.

Женщина бы очень удивилась, если бы узнала, что хозяйка пансиона из обычной семьи мелкого барона. В свое время, ее отец не пожалел денег, чтобы дочь смогла стать учителем, и большую часть жизни леди Маер путешествовала по королевству, давая знания юным дочерям графов и герцогов. После смерти отца, она получила в наследство неплохой дом, тогда же и зародилась идея о частном пансионе. Благо, денег было накоплено достаточно, а твердый характер позволял относиться к трудностям свысока.

Пансион не приносил огромных доходов, но здесь постоянно проживало около тридцати девочек, от пяти до семнадцати лет. Некоторые из них не имели родителей, а за обучение платили ближайшие родственники, не желая сильно погружаться в заботы о девочках.

У кого — то были только отцы, которые вели торговые дела в Торде, и им было удобно оставлять дочерей в пансионе леди Маер. Именно усилиями этих купцов, многие необходимые предметы, вроде книг, тканей, мебели, доставались почти даром.

В пристройке к первому этажу, располагалась большая кухня, и по словам леди Маер, девочки старшего возраста учились там готовить.

— Обратите внимание на картины. Все они написаны нашими ученицами. Заметьте, у некоторых безусловный талант.

Катрин еще раньше заметила, что в коридоре впечатляющее количество полотен. Но сейчас присмотрелась внимательнее. Да, некоторые работы производили впечатление, казалось, что они вышли из рук профессиональных живописцев. Однако встречались и такие холсты, на которых невозможно было отличить яблоко от дерева, видимо сюда вывешивались абсолютно все художества учениц.

На втором этаже располагались жилые комнаты. Как поняла Катрин, девочки обычно жили по два — три человека. У каждой была своя кровать, тумбочка, стул, и большой общий шкаф. Для занятий рукоделием следовало спуститься на первый этаж, в специально отведенную комнату.

Кроме того, в пансионе был даже лазарет — небольшая комната на четыре кровати. Леди Маер пояснила, что если кому — то из девочек нездоровится, то заболевшая отправляется сюда, и за ней присматривает специально обученная девушка.

В пансионе было чисто, светло, правда владелица оказалась немного странной женщиной, но что может случиться за пару месяцев? Скрепя сердце, Катрин решила не менять принятого решения, и оставить пока дочек здесь. Тем более, в душе она была согласна с мнением Теодория, что не стоит тащить девочек в Торд.

Когда Катрин заполнила документы, и попрощалась с хозяйкой пансиона, Амелия проводила ее в небольшой зал. Агата и Селина тут же бросились ей навстречу. Словно прошел не час, а по меньшей мере месяц, как они не виделись.

— Уже устроились?

— Да, — первой произнесла Селина, — У меня всего одна соседка, кажется моего возраста, мне она показалась очень милой, — добавила она, понизив голос.

— В моей комнате уже живут две девочки, тоже хорошие. — негромко произнесла Агата.

Эйрика сидела на стуле, не произнося ни слова.

— А у тебя какие соседки? — поинтересовалась Катрин, обращаясь к дочери. Та лишь снова скрестила руки на груди, и не ответила.

Селина бросила взгляд на сводную сестру, и неслышно вздохнула. Кажется, Эйрику опять укусила оса упрямства. Правда девушка слышала, что с Амелией Эйрика общалась, причем довольно вежливо, при этом сестер, как и мать полностью игнорировала. Но говорить об этом не стоило, мачехе и так нелегко далось решение, отправить их в пансион. Поэтому Селина промолчала, и позволила леди Катрин себя обнять.

Агата повисла на матери, и уткнулась лицом в ее платье. Это не надолго, главное не расплакаться, и ей почти удалось удержать слезы. Эйрика сидела с безучастным видом, и смотрела в пустоту, пока мать наконец не уехала. По щеке скатилась невидимая слезинка. Сначала из ее жизни исчез отец, потом отчим, а родная мать просто

оставила в чужом месте ради более важных дел. Губы девочки дрогнули. Пусть. Всем на нее плевать, и ей тоже не будет никакого дела до других. И любить она никого не будет. Даже тот факт, что только ей не досталось ни одной соседки по комнате, словно указывал на то, что девочка обречена на одиночество.

Эйрика сидела упрямо сжав губы, а на ее щеках блестели тонкие дорожки слез.

После еще одного дня дороги, Катрин находилась не в лучшем расположении духа. Всякий раз, когда она думала о дочках — в горле вставал болезненный ком. В эти моменты желание развернуть карету, забрать девочек из пансиона и вернуться домой, было просто нестерпимым. И гори вся торговля синим пламенем!

Но разумом женщина понимала, что доведет начатое до конца. Сейчас будущее благополучие исключительно в ее руках, поэтому нельзя их опускать. Поэтому карета продолжала движение, и к вечеру следующего дня Катрин прибыла в Торд.

Торговый городок встретил ее одинаковыми одноэтажными зданиями, узкими кривыми улочками и душным запахом сухой пыли. Несмотря на вечерний час, на улицах было оживленно. Гуляли компании местных жителей, слышался смех, возле одной лавки дама в вычурном платье, целовалась с каким — то мужчиной. Катрин глубже отодвинулась в карету, и плотно закрыла окно. Видимо, чем дальше от столицы, тем разнузданнее нравы, хорошо, что ей хватило ума не тащить в этот городок девочек.

Долгая дорога подошла к концу. Катрин вышла из кареты, и очутилась перед узким вытянутым зданием. Если она не ошиблась с адресом, здесь жил ее покойный муж. В окнах горел свет, и женщина, немного поколебавшись, решительно распахнула дверь.

Глава 26. Противоречия

— Вам ли не знать, трудные времена нынче, или денег больших захотели? — сидящий на стуле мужчина выдохнул облако дыма, и сплюнул на пол. Стоящие поморщились и переглянулись. Хлопнула дверь.

— Кого там еще принесло? — процедил сквозь зубы мужчина, — Идите вон! И вы уберите!

— Хммм... Добрый вечер Астр, как вижу, вы в делах и заботах?

От холодного женского голоса тордца прошиб пот. Он вскочил на ноги, уронив при этом стул.

— Л — л-леди Браст? Какая н — неожиданность!

— Надеюсь приятная неожиданность? — Катрин оглядела задымленную комнату, и с отвращением поморщилась. — Решила проверить, как идут дела моего покойного мужа.

— Вы не сообщали о своем приезде.

— Я и не обязана. В карете мои вещи, распорядитесь, чтобы их занесли в комнату Теодория. Смею надеяться, что она в том же состоянии, в котором ее оставил мой супруг?

Астр поморщился, как от зубной боли, но возражать не решился. Он бросил угрюмый взгляд на двух мужчин, и вышел.

Катрин и не ожидала, что ей будут здесь рады, но какая разница! Она еще раз внимательно осмотрелась. Мда... Пол заплыван, стол в жирных пятнах, в воздухе витает резкий запах табака. Не удивительно, что Астр не справляется с торговлей, если даже здесь заметно полное отсутствие порядка.

Один из мужчин, тем временем кашлянул, и женщина перевела на них взгляд. Грубо сотканная одежда, бороды короткие, но на вид, как из проволоки. Брови насуплены, взгляды мрачные. Интересно, эти люди работали на ее мужа? Или местные торговцы? Она решила начать разговор первой.

— Добрый вечер, уважаемые... м... господа. Я Катрин Браст, жена покойного Теодория Браста. Кажется, вы пытались решить какой — то вопрос с моим управляющим?

Мужчины снова мрачно переглянулись.

— Я Дарк, а это мой брат Борд, — наконец нехотя произнес один из них.

— Можете сказать, что привело вас сюда? — Катрин старалась держаться вежливо, тордцы, это не крестьяне — серобники. Кто знает, чего от них ожидать.

— У нас есть дело, к Астру.

— С ним мы его и решим, — закончил Борд. — Но уж точно не будем говорить о делах с девк...

— С женщиной, — быстро поправил его Дарк.

Катрин почувствовала, как ее щеки начинают гореть, но быстро взяла себя в руки.

— Если речь идет о торговых делах моего мужа, то вы можете говорить и со мной.

Дарк и Борд снова молча взглянули друг на друга, а затем одновременно развернулись, и вышли, оставив Катрин одну.

Женщина присела на край стула, припоминая, что ей известно о Торде. Небольшое южное государство, имеющее несколько общих кварталов с Аквиланом. Климат влажный, удушливо — теплый. Во главе Торда стоит совет из наиболее уважаемых жителей. Основой всего здесь является торговля, чему способствует удачный выход к морю, и близость других государств. У местных жителей неважная репутация, они с легкостью могут нарушить данное слово, или обмануть, если увидят в этом для себя выгоду. Но, откровенно говоря, встречаются здесь и порядочные люди, собственно, как и везде. Еще Катрин припомнила, что вроде как, женщины здесь воспринимаются, как существа красивые, но глупые. Тордцы легко вступают в брак, и также легко могут его расторгнуть, если одному из супругов надоело играть в семейную жизнь.

Примечательно, что местные не стремятся обычно самостоятельно вести дела, а устраиваются на службу к купцам, выходцам из Аквилана, Данбора или Иркадии. На этом познания Катрин заканчивались.

Вернулся Астр, за эти полчаса он успел растерять все свое самодовольство, но и недовольство теперь прятал более умело.

Катрин поняла, что сегодня ее сил больше ни на что не хватит, поэтому позволила проводить себя в комнату бывшего мужа, где, для надежности покрепче заперла дверь. Хотя о безопасности можно было не беспокоиться, в Торде на редкость жестоко карали грабителей и разбойников, поэтому подобные преступления давно канули в историю. Но ей так было гораздо спокойнее.

На утро проще не стало.

— Значит, этот господин зарезервировал склад, а затем забрал товар, уплатив всего половину?

— Нууу... Так... Да... — невнятно проблеял Астр. Ведь женщина же! Сложно ли что ли ее запутать, главное побольше цифр и сложных слов. Чтобы она убралась подальше, и больше сюда не совалась. Но номер не прошел. Как только дело дошло до счета, Катрин почувствовала себя в привычной стихии. Сколько лет ей приходилось

экономить, вести хозяйство, уж в расчетах и сметах женщина дала бы фору любому торговцу.

— Почему сразу не отписал мне?

— Уместно ли вмешивать вас...

— Хорошо, мне нужно его имя, какой склад резервировал, и номер в счетной книге, — не терпящим возражений тоном, подвела итог Катрин.

Астр окончательно сник.

Женщина прекрасно видела, что управляющий не утруждал себя точным ведением записей. Первая половина учетной книги, исписанная рукой Теодория, заметно отличалась от второй половины, с небрежными заметками. Проще было начать вести все заново, чем разобраться в этих каракулях. Катрин резко захлопнула книгу, и тордец вздрогнул.

— А теперь подробно, и по порядку, как понимаю, мне здесь принадлежит четыре склада и лавка?

Астр икнул, и принялся рассказывать, только бы не возвращаться к счетам. Если Катрин заподозрит, что управляющий прибрал часть доходов, то уже следующее утро он встретит на виселице. Женщина может быть глупой, но местные стражи порядка быстро поймут, что к чему. Учитывая же, что Теодорий был на хорошем счету, его вдове точно окажут максимальное содействие. Сейчас Торведий жалел, что не убрался куда — никуда в Иркадию еще пару месяцев назад.

Леди Браст слушала, кивала, а в голове ее постепенно складывалась картинка. Значит у покойного мужа была лавка — одна штука. В ней он реализовывал часть товаров. Лавка приносила небольшой, но стабильный доход. В ней не было необходимости, но местное законодательство обязывало купцов от среднего оборота, открывать подобные лавки, для местных жителей.

Со складами было чуть сложнее. Рядом с лавкой — малый склад, практически для личного пользования. В порту большой склад, в котором происходит проверка прибывшего товара. Ну и два средних склада, которые арендуют купцы с мелким оборотом, пока решают вопрос с транспортом.

Теодорий имел монополию на специи и краски. В целом все выглядело так — в порт прибывал корабль, но кто будет покупать напрямую у моряков? Владелец судна выгружал товары в большой склад, и ждал вердикта Теодория. Когда купец убеждался в качестве товара, он уплачивал две трети стоимости. Последнюю же треть моряки получали после полной реализации.

А уже купец делил товар и передавал более мелким торговцам. Ну а далее, специи, краски распространялись по соседним государствам.

Катрин понимала, что максимум, сумеет разобраться с лавкой, но все эти сети, склады, мелкие и крупные партии, качество. Все это требует большого опыта, которого она не имеет. А чтобы приобрести подобный опыт, нужно жить здесь безвылазно, что, собственно, и делал ее супруг.

— Ты говоришь, что есть и другие купцы — монополисты. Я бы хотела встретиться с кем — нибудь из них.

— Леди Браст! Простите за прямоту, но они не станут разговаривать с женщиной о делах. Дайте мне еще время, и уверяю вас, все наладится.

Катрин подняла бровь. Почему — то управляющий все больше напоминал ей скользкую противную гусеницу.

— Если вы не в силах организовать встречу — займусь этим сама, — и женщина встала, показывая, что разговор окончен.

Днем улицы Торда выглядели более прилично. У некоторых лавок стояли зазывалы, среди прохожих сновали мальчишки с лотками, заваленными самодельной мелочью. Создавалось впечатление исключительно мужского города, потому что кроме пары пожилых угрюмых дам, Катрин не наблюдала других леди. Тем больше внимания она чувствовала к своей персоне. На нее оглядывались, присвистывали, и это было на редкость мерзко и унижительно. Но женщине не оставалось ничего другого, как крепче сжать зубы, и идти вперед.

В этом городе роль магистрата играл купеческий центр. И именно сюда направилась Катрин, желая прояснить важные вопросы. Двухэтажное здание состояло из камня и цветного стекла, кто бы его не проектировал, у него получился редкий образец безвкусицы. А быть может Катрин придиралась, ведь в Торде ей не нравилось решительно все, от людей, до построек и организации жизни.

— Чем обязаны, миледи? — матерый мужчина с короткой бородой резво вскочил на ноги, увидев, кто вошел в прохладный зал.

— Я Катрин Браст, вдова Теодория Браста. Мне нужен кто — то, кто вел дела с моим покойным супругом.

Мужчина пригладил бороду, и жестом предложил Катрин присесть.

— К вашим услугам Анри Гортель, купец — монополист кружева и стекла. Простите мой внешний вид, не ожидал, что окажусь в компании прекрасной дамы. Могу предложить воды, вина?

— Нет, благодарю, — подобный напор смутил Катрин, она даже на миг забыла, зачем пришла. Перед ней был явно не местный житель, но и не ее соотечественник. Данбор тоже отпадал. Может купец родом из царств великой

пустыни?

Анри, тем временем, словно не услышал ответа, потому что развел бурную деятельность. Налил Катрин вина, поставил чашку с фруктами, украдкой отряхнул от чего — то бороду, и поправил ремень. Затем он сел напротив, подперев лицо рукой, демонстрируя максимальное внимание и расположение.

— Видите ли, после гибели мужа, я вынуждена была поручить дела его управляющему, чья добросовестность теперь вызывает сомнения. Я бы хотела подыскать другого управляющего, или хотя бы получить разумный совет.

Возникла пауза.

Купец продолжал смотреть на нее, и у женщины возникло неприятное чувство, что ее не слушают, а попросту ...любуются? Она нахмурилась, отгоняя непрощенную мысль, однако это возымело куда больше действия.

— Вы хмуритесь! Простите, кажется, я недостаточно гостеприимен. Быть может другой сорт вина?

Катрин удивленно подняла брови, окончательно смутив Анри.

— В наших краях так редко встречаются женщины, с подобной внутренней красотой, такие, как вы. Значит вы вдова многоуважаемого Теодория?

Женщине не понравилось, как купец выделил слово вдова.

— Кажется, я не вовремя, извините за беспокойство. — Катрин встала, намереваясь уйти, и Анри тоже поднялся со своего места.

— Леди Браст, прошу прощения, я увлекся, давайте попробуем еще раз. — и он так обезоруживающе улыбнулся, что Катрин сдалась, и снова села. Ей пришлось повторить вопрос.

Теперь купец слушал внимательнее.

— Зря вы его оставили, — подвел он итог, — Тордцы плохо смыслят в делах, и способны работать только под твердой рукой. Без присмотра они расслабляются, воруют. Если желаете, этого Астра можно прижать, только обратитесь с торговыми книгами к стражам порядка, и уверен, уже завтра он будет болтаться на виселице.

Катрин поежилась. Даже если Астр не чист на руку, она не сможет приговорить человека. Лучше уж выгнать. Анри это понял, и покачал головой. Женщины... Однако дельный совет он все — таки дал. Здесь, никто не станет вести дела с женщиной, поэтому у нее только два варианта, или снова выйти замуж, за одного из купцов, объединив капиталы. Или же продать склады, право на монополию и лавку.

— В вашем случае первый вариант предпочтительнее, вы женщина молодая, красивая, с неплохими возможностями. Однако, если пожелаете продать все — не спешите, дождитесь конца сезона, тогда вам дадут лучшую цену.

Женщина поблагодарила Анри, и пообещав подумать, покинула купеческий центр. На прощание купец не удержался, поцеловал ей руку, и сказал, что всегда готов оказать ей помощь и покровительство. На том они расстались.

Глава 27. Трудности

Остаток дня Катрин просидела в комнатах Теодория. Нужно было ехать смотреть склады, побывать в порту, в лавке, но она просто не могла выйти. Ее мутило от жары, от переживаний, от сальных взглядов местных жителей. Какой бы славой ни пользовался Торд, в реальности все оказалось намного хуже. И этот Анри, с виду приличный человек, а все туда же.

Как — то она привыкла, что в их маленьком городе дела ведут, в основном женщины, которые владеют лавками, комнатами, или получают содержание. Хотя ничего удивительного, что в ближайшем от столицы городе, обосновывались выходцы из аристократии, чаще всего женщины, из обедневших родов. Выходя замуж за зажиточных горожан, они получали не только средства, но и некоторую свободу действий, недоступную аристократам.

В Торде же все было иначе. Близость великой пустыни и моря — диктовали свои условия. Здесь собиралась настолько разношерстная публика, что порядочные дамы вели крайне замкнутый образ жизни, редко покидая свои дома. Исключение составляли лишь обитательницы увеселительных заведений, но и они старались появляться на улицах города только по вечерам.

Катрин подошла к окну, и осторожно выглянула. Со второго взгляда, город не начал нравиться больше, напротив, возникло острое желание сбежать. Но она не может. Пока не может.

Как там говорил Анри? Продать все, или повторно выйти замуж? Нет, браков с нее хватит, купцов тем более. У нее одна цель, постепенно выдать замуж дочерей, и зажить где — нибудь, в полном одиночестве. А то мужья уходят, проблемы остаются. Может, вырученных за монополию денег хватит, чтобы вернуться в пристолличный городок, и открыть маленькую лавку. Хотя к торговле душа не лежит. Надо думать...

За размышлениями незаметно пролетел и этот день. Завтра придется брать себя в руки, и действовать, иначе к чему было вообще ехать. В дверь тихонько постучались.

— Леди Браст, позвольте?

Катрин поморщилась, узнав голос Астра. После того, как она отправилась в купеческий центр, управляющий пока не попадался ей на глаза. Пускать его в комнату не хотелось, поэтому женщина вышла сама. В нос тут же ударил стойкий запах вина.

— Вы хотели меня видеть? — сейчас Катрин даже не прикладывала усилий, чтобы скрыть брезгливость.

— Я х — хотел вас видеть, — немного заплетающимся языком повторил тордец, — Может присядем?

Он плюхнулся на стул, но Катрин даже не пошевелилась. Увидев, что приглашение не нашло отклика, Астр тут же встал.

— Д — должен ббыл сказать вам еще утром, — начал он заплетающимся языком, — В — вы просто очаровательная женщина. Да. Очаровательная, но одинокая, поэтому злая.

Катрин плотнее сжала локти. Управляющий зарвался. Если небрежность в делах еще можно как — то оправдать, но уж точно не пьянство и оскорбления.

— Астр Торведий, проспитесь, утром поговорим, — процедила она сквозь зубы, и развернулась, намереваясь уйти.

Но, видимо у мужчины были свои планы. Он резво подскочил, и обнял ее за талию.

— Проспать? Хорошая идея. Но мне бы не хотелось спать в одиноч...

Резкая пощечина прервала поток слов. Тордец мягкой куклой упал на пол.

— Убирайся вон. — прошипела Катрин, — Если попадешься мне на глаза, то я лично отправлю тебя на виселицу!

Астр ползал у ее ног, пытался поцеловать подол платья, и женщина рассвирепела. С неожиданной для себя силой, она оттащила Торведия за шиворот к двери, вышвырнула на улицу, и захлопнула дверь. Ее трясло.

Низкое, ничтожное существо, как он посмел! Катрин попыталась успокоиться, но сделать это было непросто. Значит, женщина здесь второй сорт, глупое создание?! Ярость к бывшему управляющему, превращалась в ненависть ко всем местным жителям.

Она дочь герцога, и больше не намерена играть в благородство с этими ничтожными людьми. Хватит прятаться, пора заняться делами!

Тордец какое — то время полежал в пыли, затем осторожно встал, и укрылся в ближайшем переулке. Не так уж он был пьян, хотя и пришлось выпить немного — для запаха. Встреча с купцами монополистами не обещала лично ему ничего хорошего, стоило только кому — то из них повнимательнее просмотреть торговые книги...

А так, леди Катрин будет делать вид, что никакого управляющего попросту не существовало. Он знал, как задеть ее самолюбие. Однако, лучше всего на время покинуть Торд, денег у него теперь предостаточно. И еще.

Астр коснулся горячей щеки. А вот за это леди Браст придется ответить, но не здесь. Слишком опасно

привлекать к себе внимание. Есть много способов отомстить, и заставить страдать. Губы мужчины скривились в усмешке, он уже знал, куда направится.

Здоровая злость помогла Катрин преодолеть внутренние сомнения, и весь следующий день она посвятила поездкам по городу. Сегодня все было не так уж и плохо. Некоторые работники про себя морщились, но вели себя корректно. Видимо, суровый взгляд хозяйки был красноречивее любых слов.

Большой склад заполнялся всего наполовину, и женщина порадовалась про себя, что пока не надо разбираться в качестве привозимых специй. Два средних склада стояли пустыми, наверное, мелкие торговцы не желали иметь дела с Астром.

Малый склад тоже не радовал изобилием. Лавочник посетовал, что торговля приходит в упадок, из — за недостатка товаров. Катрин впору было за голову хвататься, она упорно ничего не понимала в торговых делах, и не знала с какого края за них браться.

С трудом она выяснила, что нужно ехать на пристань, и договариваться о поставках, но сделать это будет непросто, она все — таки женщина...

Катрин испытала острое желание забыть о благовоспитанности, и выругаться. Но самообладание победило. Благо, пожилой старик — лавочник производил впечатление порядочного человека, ему женщина и поручила сделать необходимые закупки.

Стоит ли дожидаться конца сезона? Может продать все сейчас, и закрыть глаза на потери в деньгах? У Катрин снова разболелась голова, никогда она еще не чувствовала себя более беспомощной. Хоть бы инструкцию кто оставил...

На следующее утро ждал новый неприятный сюрприз. Сгорели два средних склада.

— Я думала, вы проведете расследование и выясните, кто это сделал! — разговаривать со стражем порядка, было как разговаривать с глухой стеной. Видимо и он не воспринимал женщину, как полноценного человека.

— Леди Браст. Не понимаю вашего негодования. Склады застрахованы, вы получите компенсацию.

— А завтра сожгут большой склад, или лавку, и я должна буду сидеть сложа руки?

— Это не более чем несчастный случай. Склады часто горят. Кроме вашего сгорели еще два или три. Но никто панику не разводит.

Катрин чуть не задохнулась от негодования. С ней разговаривали, как с неразумным созданием. Действительно, ну сгорел склад, причина ли это для паники? Просто не повезло. Женщина подозревала, что к пожару приложил руку ее бывший управляющий, но к ней просто не хотели прислушиваться.

Все, что ей оставалось, это гордо удалиться, укрепившись в желании, что нужно продавать оставшиеся склады, и уезжать домой. Маленький город теперь вспоминался практически с нежностью.

На малый склад привезли товар. Катрин наблюдала, как растет гора бочек и плотно заколоченных ящиков. Почему, только, выгружают на дорогу, а не заносят под крышу?

— Так, милая госпожа, доставка оплачивается до склада, если нужно занести внутрь — оплата по двойному тарифу.

Белозубый парень, с смуглым от загара лицом, нахально улыбался, но Катрин решила не спорить. С нее уже сегодня хватило дипломатии.

— Заносите.

Парни не двинулись с места.

— У вас тут две ступеньки, так что цена будет выше.

— Вы можете назвать конечную цену? — женщине стало все равно. Она готова была переплатить, лишь бы эти молодчики сделали свою работу, и исчезли с ее глаз.

— Десять золотых. — быстро произнес парень.

— Договорились.

— Каждому.

Ребята заготовали. Товар уже был разгружен. Ящики стояли на земле, преграждая улицу.

— Не много ли просите? — главное держаться спокойно. На щеках выступили красные пятна.

— Ну так... — парень оглянулся на друзей, которые сидели на только что выгруженных ящиках. Те одобрительно засвистели. — Мало просим. По пятнадцать золотых, каждому. Или же заносите сами. — его слова снова потонули в хохоте.

Катрин скрестила руки на груди, и ничего не ответила.

— Если вдруг передумаете, мы на соседней улице — охлаждаемся. Но поторопитесь, а то мы можем оказаться не в состоянии работать.

Женщина осталась одна, она с минуту смотрела на товары, затем медленно выдохнула. Сама занесет, даже если это будет стоить ей сорванной спины, но играть по местным правилам не будет. Осторожно потрогала ящик —

неподъемный. А наклоняться в туго зашнурованном платье и вовсе пытка.

Однако, какой смысл терять время, жалея себя. Можно начать с бочек, они круглые, сами покатаются. Лишь бы не просыпать содержимое.

— С ума сошла!

От неожиданного оклика, женщина вздрогнула, и с трудом удержала бочку, чтобы та не покатилась в другую сторону.

— *А я предупреждал, что от этой женщины можно ожидать чего угодно.*

Катрин хотела было ответить, но внезапно осознала, что вторая фраза была произнесена на другом языке. Языке Эрланга.

Уже оборачиваясь, она догадывалась, кого увидит. Всадники спешили, и тут же поспешили ей на помощь. Катрин ощутила слабость в коленях. После того, как привезли тело Теодория, она северян не встречала, и была уверена, что больше их пути не пересекутся.

— В Торде артель из десяти грузчиков стоит один золотой, и, насколько помню правила, они должны были занести товары на склад, и расставить, как вы прикажете.

Катрин почувствовала себя глупо. Но во взгляде Ингвара не было ни капли насмешки, только сочувствие.

— Это не Валена, здесь не привыкли вести дела с женщинами.

— *Мне кажется, говорить об этом надо не с ней.*

Катрин бросила быстрый взгляд на Рикарда, и решила пока умолчать о том, что понимает северный язык. Конечно, от этих людей она не видела дурного, но доверять пока никому не будет.

— *Пожалуй в этом ты прав.*

— Не хочу показаться невежливой, но о чем вы пытаетесь договориться?

— Прошу прощения, леди Браст, мы всего лишь обсуждаем, кто из нас отправится на причал, чтобы нанять грузчиков.

— Тут на соседней улице есть одна артель, охлаждается. — последнее слово прозвучало как — то обиженно, по — детски. Катрин закусил губу, еще не хватало демонстрировать свою несостоятельность северным дикарям.

Мужчины переглянулись, и кивнули друг другу. Кажется, им не требовались даже слова, чтобы добиться понимания.

Рикард дружелюбно улыбнулся Катрин.

— Позвольте составить вам компанию, пока мой друг договаривается с грузчиками.

— По пятнадцать золотых за человека?

Северяне присвистнули.

— Постараюсь сбить цену, — наконец произнес Ингвар, — В этом городе надо уметь торговаться.

Грузчики появились через десять минут. На их лицах больше не было нахального самодовольства, только угрюмая покорность судьбе. Они молча принялись заносить ящики в лавку. Когда работа была закончена, Катрин потянулась к кошелью на поясе, но старший из парней с испугом отшатнулся.

— Ничего не надо, благородная госпожа, мы были рады услужить вам, — забормотал он под нос, втягивая голову в плечи.

За спиной Катрин, Ингвар незаметно мотнул головой, и парни тут же ретировались со склада.

— Вы им угрожали? — поинтересовалась женщина, впрочем без особого осуждения.

— Что вы! Мы стараемся решать конфликты исключительно мирно.

Катрин подняла бровь.

— Я всего лишь побеседовал с ребятами, и они вспомнили, что лавочник, заказавший товар, не только оплатил доставку, но даже оставил чаевые. После чего парни устыдились, и поспешили доделать свою работу, чтобы о них не сложилось плохого мнения.

Женщина перевела взгляд на Рикарда, но и у него лицо было непроницаемым, только в глазах плясали веселые искорки. Стало ясно, в детали ее посвящать не будут. Все, что она может, это поблагодарить за помощь.

Глава 28. Дружеский совет

Катрин старалась быть вежливой, и невольно желала продлить общение с северянином. Почему же у него такие синие глаза? Или так у всех северян, от нечеловеческого холода? Хотя вряд ли, у Рикарда, например, такие же золотистые глаза, что и у Эйрики.

— Вас тоже привели в Торд торговые дела?

— В некотором смысле, — уклончиво ответил Ингвар, и бросил предостерегающий взгляд на Рикарда, которому явно было что сказать. Парень правильно все понял, и сдержал язык за зубами.

Катрин решила не вдаваться в подробности, неуместно это, да и ни к чему.

— Я вам очень признательна, если потребуется помощь, можете на меня рассчитывать.

Правда интересно, чем она могла бы помочь этим дикарям? Это к ней здесь относятся, как к глупой женщине, не способной вести дела. Вряд ли ребята с севера сталкивались с подобным пренебрежением. Но, как знать, может ей удастся отплатить за добро.

Рикард все — таки не удержался от смешка. Ингвар остался серьезным.

— Леди Катрин, вы намерены продолжить торговые дела своего мужа?

Женщина медленно покачала головой. Она пока сама не знала, что ответить на этот вопрос.

— Не хочу показаться грубым, но этот город живет по своим правилам. И боюсь, что даже такой отважной женщине, как вы, здесь придется непросто.

— Я уже заметила, что меня не воспринимают всерьез. Но... у меня свои обстоятельства.

— Позвольте дать вам дружеский совет, распродайте все имущество в Торде, и вам вполне хватит денег, чтобы купить меблированные комнаты в своем городе, или открыть лавку.

— Такой совет я уже получала. Но пока не хочу торопиться с решением.

— Почему бы вам не прислушаться к человеку, давшему столь дельный совет?

— Потому что совета было два. И второй — снова вступить в брак, объединив капиталы.

Ингвар нахмурился, но признал, — Второе предложение тоже заслуживает внимания, и значит вы решили...

— Я еще ничего не решила. Не знаю. В первую очередь, буду действовать в интересах моих девочек.

— Понимаю...

Теперь северянин избегал смотреть на Катрин, он поправил плащ, и помолчав, добавил:

— Нам пора, надеюсь, у вас все сложится благополучно.

Катрин кивнула, у нее тоже куда — то улетучилось настроение.

Северяне вышли.

— И все, ради этого мы ехали через половину города? Ты меня, конечно извини, но я просто не понимаю! — теперь, когда склад остался позади, Рикард уже не стремился сдерживать эмоции.

Ингвар молча смотрел перед собой. Его спутника молчание не устраивало.

— Она сама сказала, что ищет богатого мужа. Увези ее в Эрланг, и перестань терзаться. Можешь даже согласия не спрашивать, тебе все равно не переменить ее мнение о нас, как о дикарях!

Первый мужчина резко натянул поводья, и остановился.

— Я, кажется, уже говорил, повторю еще раз. Это касается только меня. И я не собираюсь утверждать Катрин в мнении, что жители нашего острова — дикари. Мне достаточно ее расположения. И больше не будем об этом.

Рикард вдохнул, собираясь еще что — то сказать, но Ингвар перебил его.

— Не все благородные дамы, похожи на твою возлюбленную. Некоторых с детства приучают держать чувства при себе. И я не хочу жениться, а потом осознать, что жена терпит меня исключительно из личных соображений. А с такой женщиной, я никогда не буду знать этого наверняка.

— Тогда выкинь ее из головы. Всегда можно найти кого — то, менее сложного.

Ингвар невесело усмехнулся, и продолжил движение.

— Ты бы выкинул свою Алионору из головы? Зачем ждать нужного возраста, если можно найти кого —нибудь постарше?

— Не сравнивай! — возмутился Рикард, — Я ее люблю, и она станет моей женой! По местным законам я бы мог жениться хоть завтра!

— Но не по нашим, — предостерег Ингвар.

— И ее семья это понимает! А чего ждешь ты? Желаеться, при следующей встрече обнаружить, что твоя прекрасная леди снова вышла замуж?

Теперь Рикард немного обогнал друга, и преградил ему путь, не давая проехать.

— Не глупи. Сам же видишь, эта женщина из тех, кто скорее умрет, чем попросит о помощи. Ты всерьез верил, что она воспользуется кольцом, чтобы найти тебя? Пока ты ждал, она благополучно вышла замуж. И еще раз

выйдет.

— И что ты предлагаешь? — хмуро спросил Ингвар, не глядя на друга.

— Возвращаемся. Поговори с ней. Хватит уже воспринимать ее, как некое божество, она обычная женщина, которая сейчас нуждается в помощи. Или опять будешь помогать, не раскрывая своей личности?

— Не понимаю, о чем ты. — северянин попробовал объехать, но Рикард не дал ему это сделать.

— Напомнить? Если бы леди Катрин пожелала, ей не составило бы труда узнать, что после гибели виконта, имущество ее первого мужа перешло в королевскую казну, после чего, она бы уже не получила ни копейки. Однако, на ее счастье, где — то нашелся якобы “наследник”, который не только продолжил выплаты, но и увеличил сумму в несколько раз.

— Замолчи.

— Не замолчу! Или долго бы продержался ее второй муж, без твоего покровительства. Да если бы Теодорий так удачно не женился, то его убрали бы еще после первой...

— Достаточно! — в голосе Ингвара не было угрозы, но Рикард поперхнулся последними словами.

— Я лишь хочу сказать, что ты можешь упустить последний шанс, и потом будешь жалеть об этом до конца жизни.

Ингвар молча развернул коня. В словах Рикарда был резон, но если бы все было так просто.

— Леди Брост? Вам письмо из пансиона леди Маер.

Женщина взяла тонкий мягкий конверт, и дала старику серебряный.

— Благодарю вас.

— И еще, — пожилой мужчина оглянулся, — Некая юная леди просила передать вам, лично в руки. — И он достал еще один лист, свернутый в трубочку, и перевязанный ниткой.

Катрин помедлила, и дала еще один серебряный.

Служащий почты, кланяясь и рассыпаясь в благодарностях, ушел. Женщина, немного подумав, вскрыла официальный конверт.

“Леди Брост. Вынуждена сообщить, что ваша старшая дочь — леди Селина, и младшая — леди Агата, — приболели. Опасности для жизни нет, но по правилам, я должна уведомить вас о самочувствии девочек. Скорее всего, их состояние вызвано сменой обстановки, так что беспокоиться не о чем. Сейчас они в лазарете, где за ними ухаживают со всем вниманием.

С уважением. Динатра Маер.”

Сердце Катрин заколотилось сильнее. Конечно, Селина и Агата такие впечатлительные девочки, не удивительно, что новая обстановка так на них повлияла. Об Эйрике ни слова... Как она? Хотя, за старшую дочку стоит беспокоиться меньше всего, особой ранимостью души Эйрика никогда не отличалась. Однако, следует самой убедиться, что все в порядке, смогут ли чужие люди проявить достаточно заботы и участия?

Вспомнив о втором послании, женщина поспешила развернуть туго скрученный лист.

“Мама. Селина и Агата не просто заболели, их пытались отравить. Мне страшно. Приезжай скорее.”

Подписи не было, но в торопливо нацарапанных буквах женщина легко угадала почерк Эйрики. Кровь отлила от лица, а затем тело словно обдало жаром. Что значит, пытались отравить? Ее дочерей?!

Катрин не стала тратить время на сборы вещей, нужен только извозчик, причем срочно! К утру уже будет на месте. Резко открыв дверь, она буквально врзалась в чью — то широкую грудь.

— Извините, — буркнула она, — Мне некогда.

— Леди Катрин, что случилось?

Женщина осознала, что чуть не сбила Ингвара, но сейчас ей до этого не было никакого дела.

— Я должна срочно уехать, простите.

— Позвольте вас сопроводить, может нужна помощь?

— Нет, это дела личные, не связанные с торговлей.

Ключ, наконец — то провернулся, и ей удалось запереть дверь. Не глядя на северянина, она резко остановила проезжающую карету. Сейчас она просто не могла думать ни о чем другом, только ехать, и как можно скорее.

— Леди Брост. Столь ранний визит. Но не стоило беспокоиться, с вашими дочками все в порядке, они в лазарете. Просто реакция на волнение, не более. Амелия вас проводит.

Бессонная ночь, длинная дорога — не прошли бесследно. Катрин чувствовала себя на редкость разбитой, и уставшей, но беспокойство о дочерях было намного сильнее. Только бы с ними и вправду оказалось все в порядке. Может, у Эйрики разыгралась фантазия? Кому пришлось бы в голову травить девочек?

Но трезвый холодный голос в голове, тут же напомнил о сгоревших складах, о гибели Теодория. Знать бы еще, откуда исходит угроза. Может, дело в позабытой злополучной туфельке? Глупости, принц давно помолвлен, и скоро

будет надежно женат. Но совсем отметить это предположение не стоило. Как же Катрин сейчас нуждалась в близком человеке! В таком, кто бы не зависел от нее, а напротив, мог бы выслушать, дать совет, просто поддержать за руку, и сказать, что все будет хорошо.

Не время раскисать. Она сама для себя такой человек.

Тем временем, Амелия, говоря, что — то успокаивающее, вела женщину по коридору. В этот раз, пансион казался огромным, а путь до лазарета бесконечно длинным.

— Мама! — завидев Катрин, Эйрика вскочила на ноги, но не бросилась к ней на шею, а остановилась в паре шагов.

На кроватях лежали Селина, Агата, и какая — то незнакомая девушка с золотыми волосами.

— Как они? — спросила Катрин, понизив голос до шепота.

— Спят. — Эйрика казалась серьезной, и повзрослевшей, — Мы можем поговорить в соседней комнате, не хочу, чтобы нас слышали.

Женщина напряженно кивнула, непривычно серьезный тон дочери пугал больше, чем ее обычная безбашенная непосредственность.

— Ты написала, что их пытались отравить. Эйрика, это очень серьезное заявление, с подобными вещами не шутят.

— Ты передавала нам сладости?

— Какие сладости? — удивилась Катрин, — Сейчас меня больше интересует, что с Селиной и Агатой!

— Я так и думала... — протянула Эйрика, и заложив руки за спину, подошла к окну. Во всей ее манере держаться было что — то новое, непривычное. Женщина ощутила угрызения совести.

— Да, следовало подумать о гостинце, но весть о девочках слишком взволновала меня.

— Я хотела сказать совсем другое, — раздраженно дернула плечом Эйрика, но тут же взяла себя в руки. — Селина и Агата съели фрукты в сахаре, потому что думали, что они от тебя.

— Ничего не понимаю, какие фрукты? Расскажи по порядку, — Катрин старалась говорить спокойно, но в сложившейся ситуации это было непросто.

Эйрика тяжело вздохнула, но принялась рассказывать.

— Мы гуляли в саду, когда с той стороны ограды нас позвал какой — то человек. Он передал коробку сладостей, и сказал, что это ты ему поручила.

— И вы поверили чужому человеку?! Сколько раз я вам говорила, нельзя...

— Мы его знали, — торопливо перебила Эйрика. — Он был на похоронах... Теодория... Ты еще говорила, что он служит управляющим у отца Селины.

Катрин судорожно вздохнула, но девочка заговорила быстрее, словно опасаясь, что ее прервут.

— На самом деле, здесь нельзя принимать подарки с той стороны, только если их не передают через леди Маер, или леди Весту. Поэтому Селина пообещала сохранить все в тайне. Да и Раяна сказала, что ее брат тоже иногда тайком передает гостинцы. Поэтому они решили, что все в порядке. Раяна, это соседка Селины по комнате, — предупреждая вопрос матери проговорила Эйрика. — Я сразу сказала, что не буду пробовать, потому... потому что это от тебя... — голос девочки дрогнул, — Они тайком пронесли сладости в комнату, но успели съесть только по маленькому кусочку, как их позвала леди Веста. В коридоре Агате стало плохо, потом остальным... — Я спрятала коробку, потому что побоялась, что нас будут ругать, если правда откроется...

Под конец Эйрика стала говорить медленнее, но ярко порозовевшие щеки выдавали волнение. Однако девочке удавалось держать себя в руках. Катрин не выдержала, и, сделав шаг, крепко прижала дочку к себе.

— Я так боялась, что они умрут, а я ничего не смогу сделать, — неожиданно всхлипнула Эйрика, уткнувшись в платье матери. — Так ужасно, чувствовать себя бессильной.

— Понимаю тебя, но я рядом, все будет хорошо. — Катрин гладила дочь по голове, и пыталась сама поверить в свои слова.

Спустя немного времени девочка не только успокоилась, но и согласилась принести злополучную коробочку со сладостями.

— Только не говори никому, — умоляюще шепнула Эйрика, — Селина очень расстроится, если леди Веста будет ею недовольна.

— Леди Веста должна была следить за вашей безопасностью. А если бы яда было больше, или они успели бы доесть до конца?

Эйрика упрямо сжала губы, и Катрин смягчилась.

— Хорошо, это останется между нами. Но вы должны будете пообещать мне, что никаких угощений от посторонних, разрешаю только те, что вы лично получите из моих рук. И будьте осторожнее!

Катрин пробыла в пансионе до вечера. Убедившись, что с девочками все в порядке, она немного успокоилась.

— Леди Катрин, я так виновата... — губы Селины задрожали, — Но мы правда думали, что это от вас...

Женщина погладила падчерицу по руке.

— Я не виню тебя, но, на будущее, будь осмотрительнее. Вам повезло, что все обошлось. А ведь могло закончиться гораздо хуже.

Девушка виновато потупилась. Ее еще одолевали приступы тошноты, но слабость постепенно проходила. Хуже было чувство вины. Она старшая, а поступила так глупо.

— Селина, — голос Катрин звучал не строго, а скорее участливо, — Вам придется еще на какое — то время остаться здесь. Я постараюсь как можно быстрее закончить дела, и забрать вас домой. Не принимайте подарков от посторонних, и уж тем более от бывшего управляющего твоего отца. Астр оказался дурным человеком, и мне пришлось его уволить.

— Да, я понимаю... Но я бы хотела остаться здесь и потом. Если вы позволите...

Катрин удивленно подняла брови, и девушка смущенно уставилась на одеяло.

— Мне тут нравится. И Раяна будет здесь жить до весны, я бы не хотела ее покидать.

— Твоя соседка? Вы подружились? Из какой она семьи?

— Она сирота, как и я. У нее только брат, который служит в посольстве, при южных границах. Он специально перевез ее сюда, чтобы быть ближе. Но весной срок его службы выходит, и они вернутся домой.

— Хорошо, у нас еще будет время это обсудить. Я постараюсь навещать вас, хотя бы раз в несколько дней. И с удовольствием познакомлюсь с твоей подругой.

Селина робко улыбнулась. Больше всего она опасалась, что мачеха тут же увезет домой, не слушая возражений. А ведь у нее впервые появилась подруга, такая же, как и она.

С Раяной можно было шепотом болтать до самой ночи, делаясь девичьими секретами, заплетать друг другу волосы, вместе смеяться, вспоминать прочитанные истории. Еще соседка очень хотела познакомиться со своим старшим братом, который служил в посольстве, и, по ее словам, был просто невероятным. Селина же рассказала про бал, правда умолчав про принца и туфельку. И Раяна с сожалением призналась, что ей не довелось побывать на балу, так как брат не смог ее сопровождать, а одну бы девушку никто не отпустил.

И вся эта идиллия могла легко разрушиться, из — за одного недоброго человека.

Катрин уже давно оставила Селину, и теперь укачивала на коленях Агату. Младшая дочка всегда будет восприниматься малышкой. Мысли же, ее, крутились вокруг последних событий. Узнав, что причиной всему ее бывший управляющий, женщина испытала что — то вроде облегчения. Зря она не сдала Астра стражам порядка, не стоило жалеть этого бесчестного человека. Но в то же время, явная опасность лучше неизвестной. Девочки будут настороже, а если Торведий возникнет на ее пути... Катрин сжала руки в кулаки. Она лично накормит негодяя злополучными сладостями. И без тени сожаления будет наблюдать его последние минуты.

Глава 29. Авария и немного правды

Несмотря на уговоры дочерей, Катрин решила не задерживаться на ночь. В ее сердце росла решимость, как можно скорее закончить с делами в Торде и забрать девочек домой. Завтра же она пойдет в купеческий центр, и узнает, как лучше искать покупателя. Возможно, тот же Анри захочет расширить свою монополию. Правда Селина хотела остаться в пансионе до весны... Пожалуй, они обсудят этот вопрос еще раз, но позже.

В голове родилась еще одна идея. Можно вложить деньги в уютный домик, где они раньше жили с девочками, и сдавать там комнаты. Конечно, купеческий дом подошел бы больше, но в пригороде сложнее найти жильцов.

За окнами кареты проносились поля. Почему они едут так быстро? Наверное, извозчик желает быстрее завершить поездку, и позабыть настойчивую даму, которая требовала до утра доставить ее в Торд. Катрин откинулась назад, и закрыла глаза, вторая бессонная ночь гулко отдавалась в висках. Если они придут до рассвета, то можно позволить себе пару часов сна. Или же попросить ехать чуть медленнее?

Накатила внезапная слабость и тошнота. Совсем некстати вспомнилось, что поесть она тоже забыла. Слишком сильное беспокоила о девочках, а потом ей просто кусок в горло не лез. Карета резко подпрыгнула, налетев на камень. Катрин сжала зубы и закрыла глаза, ей очень надо к утру быть в Торде, любую слабость можно перетерпеть.

На дороге попала кочка. Она ли стала всему виной, или карета не была рассчитана на такую скорость... Женщина ощутила резкий рывок, затем удар. Все произошло так быстро, что Катрин даже не успела испугаться. На миг ее поглотила мягкая темнота, в которой хотелось раствориться, плыть, не чувствуя боли... Но покой продолжался недолго.

— Пусть он замолчит!

— Берите карету, коней! Только пощадите, не губите!

— Не нужна нам твоя карета!

— Золота нет, совсем нет!

Кажется, кто — то выругался. Что — то плотно звякнуло, и наступила тишина.

Катрин ощутила, как ее тянут вверх, что — то говорят, но реальность тонула в сильном головокружении. Приходилось цепляться за остатки сознания, чтобы снова не провалиться в пустоту.

— Живая.

— А кровь?

Что — то очень мягко коснулось лица.

— Осколки кажется, но лучше к лекарю.

Следующее возвращение из темноты произошло оттого, что неподалеку кто — то ругался.

— Так я думал, разбойники гонятся!

— На тебя все проезжающие путники такую панику наводят?

— Ночь же, благородные господа. Добрый человек в такую пору не поедет.

— Оставь его.

— Только извозом семью и кормил, как же я теперь, без кареты буду. — запричитал голос.

— В кошеле хватит золотых на две кареты, не замолчишь — передумаем. — причитания смолкли. Звонкий голос показался неуловимо знакомым.

Катрин внезапно осознала, что лежит на влажной от росы траве. Было холодно и мокро, она поспешила сесть, но движение отдалось низким гулом в ушах.

— Не так быстро, позвольте вам помочь. — кто — то ее бережно поднял, а затем поставил на ноги, продолжая придерживать. В мир снова начали возвращаться краски.

Неизвестный стоял неприлично близко, и Катрин поспешила сделать шаг назад, это чуть не стоило ей равновесия, но сознание уже крепко держалось на своем месте.

— Вы как?

— В порядке, — голос дрожал. Женщина заметила перевернутую карету, извозчика, который суетился вокруг лошадей. — Спасибо, ч — что в — выгащили.

Только сейчас нахлынуло осознание произошедшего. Они слетели с дороги, и только каким — то чудом отделались лишь испугом. Переживания прошлого дня, усталость, слабость навалились с новой силой. На глазах начали закипать слезы. Катрин глубоко вдохнула, выдохнула, снова вдохнула. Не сейчас, не время быть слабой! Если бы только рядом никого не было, чтобы дать хоть немного воли чувствам.

— Мне кажется, не в порядке, — второй путник закончил помогать извозчику, приблизился, и подняв женщину за подбородок заглянул ей в лицо. Это подействовало, как ведро ледяной воды.

— Рикард?!

— Своих узнает, значит не так сильно головой ударились, — теперь в голосе сквозила насмешка, и именно этот ироничный тон, помог окончательно взять себя в руки.

Но если перед ней Рикард, значит второй... Как так случилось, что она сразу не узнала голос, не догадалась взглянуть в лицо? А она еще и на земле валялась, без чувств. Катрин закусил губу, уж лучше бы разбиться окончательно, чем предстать перед кем — либо в подобном виде. Следующая мысль была о девочках, что было бы с ними, разбейся она на этой дороге?! К горлу подкатил болезненный комок.

Ингвар торопливо отстегнул с пояса фляжку, и протянул Катрин. Она заметила, как у мужчины дрожат руки.

— Выпейте. Только совсем немного, несколько капель.

Катрин отрицательно покачала головой. Голос еще плохо слушался.

— Это медовое вино, маленький глоток согреет, и придаст сил. Вам же нужно добраться сегодня в Торд?

Женщина нерешительно взяла фляжку, немного отпила, и закашлялась. Медовое вино оказалось пряным, и приторно сладким. По телу тут же разлился жар, а затем разум наполнила небывалая легкость.

— *По — моему, ей нужно было гораздо меньше.* — неуверенно заметил Рикард. — *Вдруг не сможет ехать верхом.*

— *Она поедет со мной,* — коротко отозвался Ингвар.

— *Зря, я что — ли выкупил лошадь у извозчика? Он же на обратный обмен не пойдет, пять золотых отдал.*

— *Бери с собой, перепродашь в Торде, а сейчас лучше помоги мне.*

Катрин легко согласилась ехать вместе с Ингваром, и изо всех сил старалась держаться ровно. Но дорога все плыла, плыла, тянула в спокойную тишину, и сопротивляться ей не было никаких сил...

Прежде уютное тепло стало нестерпимым. Огонь подбирался все ближе, потушить его не удавалось, бежать некуда. Катрин кружилась в огненном круге, в поисках выхода, и не находила. Ей казалось, что кто — то протягивает руку, но как прыгнуть через пламя? Жар проходил через тело, теперь она сама становилась огнем. Женщина вздрогнула и открыла глаза.

Пламя исчезло. Катрин лежала в своей комнате, укутанная в чей — то плащ. За окном было темно. Как долго она спала, пять минут, час? Попытка встать отозвалась слабостью, и ноющей болью в теле. Половина лица была намазана чем — то липким и остро пахнущим. Что же произошло?

В памяти мелькали отдельные кадры, которые не желали складываться в единую картинку. Поездка в карете, падение, пожилой мужчина держит щипцы над горелкой, она лежит на траве, шрамов не будет, мерный стук копыт. От размышлений разболелась голова.

Нужно встать, привести себя в порядок. Разобраться, что произошло. Сменить платье, это липнет к телу, и ощущается грязной тряпкой.

Двигаясь как в полусне, Катрин с трудом принялась распутывать шнуровку, пальцы слушались плохо, но после некоторых усилий, удалось стянуть верхнее платье. Дышать стало чуть легче, но тело все так же реагировало болью на любое движение.

Женщина натянула новую сорочку, неожиданно резко накатило чувство голода. Есть ли смысл одеваться, если сейчас глубокая ночь? Ей нужен кусок хлеба, а затем следует вернуться в постель, и надеяться, что утром будет больше сил.

Может, завернуться в одеяло? Катрин вернулась к кровати, взгляд невольно задержался на плаще. Не удержавшись, она провела по нему рукой. С одной стороны ткань оказалась гладкой и прохладной, а изнутри плащ был мягким и теплым. Он будет лучше легкого тонкого одеяла.

Катрин завернулась в плащ, и неслышно ступая вышла из комнаты. Полноценной кухни здесь не было, поэтому небольшой запас продуктов хранился в коридорном шкафчике. Заодно стоит проверить, хорошо ли заперли дверь те, кто ее сюда доставили. Память услужливо подсовывала лицо Ингвара, но северянин уж никак не мог оказаться на ночной дороге в ту злосчастную пору.

Не зажигая свечу, женщина достала сухую лепешку, и осторожно отломил кусочек. Да... Видели бы ее сейчас дочери, которых она усердно учила манерам. В соседней комнате почудилось движение, Катрин прижалась спиной к стене, кто — то забрался, воры? Но стали бы грабители зажигать свечи?

Катрин пошарила на полке, и в руку лег тонкий нож для резки бумаги. Разумнее всего вернуться в комнату, запереть дверь, и не высовываться. А может сперва выглянуть? Есть шанс, что заметив незапертую дверь, в дом заглянули стражи порядка.

С замирающим сердцем, женщина сделала несколько шагов, по направлению к первой комнате. Пятно света оставалось неподвижным. Стараясь не дышать, Катрин добралась до конца коридора, и осторожно выглянула.

За столом, положив голову на скрещенные руки, спал мужчина.

Светлые волосы собраны в пучок, плечи кажутся невероятно широкими. Тихо, чтобы ее не услышали, Катрин вернулась в комнату, и плотно притворила дверь. Не стоит в таком нелепом виде предстать перед северянином. Однако... В голове крутились смутные обрывки воспоминаний, он вроде помог добраться до Торда, или из — за

него перевернулась карета? Или все вместе?

Женщина аккуратно сложила плащ на стул, и легла в кровать завернувшись в одеяло. Надо постараться уснуть, узнать подробности можно и утром.

Как только первые солнечные лучи заглянули в комнату, Катрин легко поднялась с кровати. Тело слушалось уже гораздо лучше, но надевая платье, женщина обнаружила несколько крупных синяков на теле. Следующий сюрприз ожидал, когда она решила заглянуть в зеркало. Половина лба, левая щека и часть шеи были покрыты зеленой коркой. И как она раньше не заметила? Зеленая субстанция легко поддавалась пальцам, отставая от кожи, как засохшая грязь. Однако лучше не стало, чтобы окончательно привести себя в порядок, следовало умыться, но как пройти мимо северянина в таком виде?

Катрин стояла на пороге, кусая губы. И нет, дело не в том, что она боится показаться нелепой. Просто настоящая леди должна выглядеть достойно и опрятно, а не так, словно ее макнули в лужу. Но умыться все равно нужно. И разве ей есть дело до того, какое впечатление она произведет на северного дикаря? Если все сложится удачно, то закончив с делами, она вернется домой, и навсегда выбросит из памяти этот злополучный город, и последние события.

Но в доме никого больше не было. Женщина испытала даже легкое разочарование, и склонилась над тазом с водой. Затем, взглянула в зеркало, и с облегчением убедилась, что лицо больше не зеленое. Из неприятных открытий были многочисленные царапины, но после пережитого они вызвали меньше беспокойства, чем могли бы.

На столе стоял кувшин с чистой водой, а под полотенцем обнаружили еще теплые лепешки с сыром. Кто — то позаботился, чтобы она не осталась голодной. К горлу снова подкатил ком. Никто, кроме Эйрики или Нитты не проявлял подобной внимательности. Мужчинам и вовсе не свойственно думать о прозаичных бытовых вещах, максимум, что они могут сделать, это подать руку, и то, потому что так принято. Но позаботится о еде, или о комфорте? Вспомнился плащ, которым она была накрыта. И это сделал дикарь, родившийся и выросший на севере...

Усилием воли, Катрин заставила себя подумать о другом. Ей нужно в купеческий центр, она же собиралась продать монополию и большой склад, и лучше не откладывать дела в долгий ящик.

В этот раз, в купеческом центре сидел совсем другой мужчина. Худой, высокий, с тонкими поджатыми губами. Он выслушал Катрин, и постучал по столу костяшками пальцев.

— Вы хотите продать все торговые права, и имущество, я правильно понимаю?

Катрин кивнула.

— Отдаете ли себе отчет, что обратного пути не будет?

— Поэтому я и пришла сюда, — женщина невольно стала держаться так же сухо, и надменно.

— Не быстрое дело, я бы советовал отложить до конца сезона. Сейчас вам будет сложно найти покупателя. — купец говорил медленно, растягивая слова, и глядя на собеседницу с чувством превосходства.

— Я обдумваю ваши слова, — Катрин встала, показывая, что разговор окончен, — Подскажите, где я могу найти Анри Гортеля?

— Анри Гортеля? Найдете его здесь, но дня через три. — Мужчина раскрыл толстую книгу, и взял в руки перо, больше не обращая внимания на посетительницу.

Катрин вышла. Задержка не входила в ее планы, но Анри производил более благоприятное впечатление, и, возможно, он окажется более сговорчивым. А пока можно навестить лавку и малый склад, проверить, как идет торговля.

Неожиданно, поездка по городу заняла больше времени, чем планировалось. Старику — лавочнику пришлось в голову отчитаться о делах, чтобы показать, что он честный работник. Затем требовалось просмотреть доставленные на склад товары.

В общем, домой Катрин направилась только после обеда. Горячий сухой воздух пах пылью, и больше всего хотелось укрыться от него в прохладе комнат. Но долгожданного отдыха не вышло, у дверей ее уже ждали.

— Леди Браст, какая замечательная встреча! До меня дошли слухи, что вы хотели меня видеть!

Катрин мысленно вздохнула. Отдых откладывался.

— Добрый день, Анри, да, вы то мне и нужны.

От ее слов мужчина расцвел, расправил плечи, и пропустив хозяйку дома вперед, последовал за ней.

Прежде, чем удалось объяснить суть дела, Катрин выслушала десяток комплиментов, и уже начала сомневаться, что ее слова доходят до ушей собеседника. Но Гортель все — таки уловил суть предложения.

— Значит, вы решили продать монополию... — он задумчиво пригладил бороду, — Но почему бы такой молодой, такой красивой и обаятельной женщине, не рассмотреть другие варианты...

— Я рассматриваю только вариант с продажей, — твердо произнесла Катрин.

Анри вздохнул.

— Жаль... Я бы, с удовольствием купил все, что вы предложите, но увы, у меня уже есть парная монополия.

— Простите?

— В Торде имеется строгое разграничение, нельзя иметь более двух монополий. Это служит развитию рынка, и не позволяет одному купцу возвыситься над остальными. Чтобы приобрести вашу монополию, я сначала должен продать свою тому, кто, в свою очередь освободится от своей...

Катрин ощутила, как ее голова пошла кругом. В этом городе все было устроено на своеобразный лад. Заметив, как изменилось ее лицо, Анри поспешил прервать свои объяснения.

— Я только хотел сказать, что вам нужен свежий человек, с хорошим достатком, и тот, против кого не будут возражать остальные.

— Благодарю вас, постараюсь найти такого человека, — женщина надеялась, что в ее голове не слишком заметна ирония.

— Может вы согласитесь подождать, всего три месяца? Тогда я бы рекомендовал вам своего племянника. Он как раз прибудет в Торд, и я бы позаботился, чтобы Арт Гортель дал вам лучшую цену.

Если только до этого времени все не развалится, моими усилиями, — мрачно подумала Катрин, а вслух пообещала обдумать предложение.

Купец снова начал рассыпаться в комплиментах. Кажется, его вполне устраивало общество дамы, и он не собирался в ближайшее время оставлять ее. Катрин попыталась придумать предлог, чтобы избавиться от гостя, но остаться с ним в хороших отношениях. Спасение пришло само собой.

Звякнул колокольчик над дверью, на пороге появился Ингвар, и тут же смерил суровым взглядом Анри, который в этот момент говорил что — то о прекрасных глазах, и прекрасной душе. Катрин быстро встала.

— Ингвар, вы заставили меня ждать.

В глазах северянина мелькнуло удивление, но ему хватило такта промолчать. Однако Анри молчать не стал.

— Вы ведете дела с жителями Эрланга? Необычное решение.

— Что вы, — Катрин невинно улыбнулась, — Я всего лишь наняла их на службу, так как женщине моего происхождения, не пристало ездить без сопровождения.

Купец выразил понимание, но тут же вспомнил о важных делах, и поспешил уйти. В обществе северянина, он чувствовал себя неуютно. Катрин с облегчением выдохнула.

— Спасибо.

Ингвар улыбнулся, кажется, он правильно понял ситуацию.

— Леди Катрин, рад, что вы в порядке.

Катрин легко поклонилась. Она вспомнила, что собиралась задать северянину несколько вопросов, но сейчас, когда они стояли друг напротив друга, мысли путались в голове. Видимо сказывались последствия аварии. Северянин начал первым.

— Мне следует извиниться перед вами, что мы доставили столько неприятностей позапрошлой ночью.

Женщина удивленно подняла брови.

— Мы с Рикардом решили сопроводить вас. Не подумайте дурного, просто ночная дорога не самое безопасное место, тем более для благородной дамы. На пути в Торд, нас заметил кучер, и принял за разбойников. Он начал подгонять лошадей, и в итоге...

Катрин вспомнила, как занесло карету, перед резким ударом.

— Как понимаю, вы же и пришли на помощь. Мне следовало дожидаться утра, так что не могу винить никого кроме себя.

— Вина только на мне, — твердо заявил северянин, — Вы бы благополучно доехали, если бы я выдержал достаточное расстояние, как и в первый раз. Вам очень досталось. Все прошлое утро лекарь выбирал осколки из вашего лица, и прижигал раны. Пришлось дать вам еще немного медового вина, чтобы притупить ощущения. Хотя вашей выдержке позавидовали бы даже воины.

Странно, но воспоминания о лекаре и осколках начисто сгладились из памяти. Видимо, вина дали больше, чем немного, а может и сказалась общая усталость. Откровенно говоря, Катрин не испытывала сожалений, что прижигание царапин прошло мимо сознания, не тот опыт, который стоит хранить в памяти. Ее больше волновало другое, почему северянин проявляет столько заботы. В память о Теодории? Или?... Сердце прожгла неожиданная догадка.

— Ингвар, вы до сих пор чувствуете себя обязанным? Вы пришли на помощь после аварии, позаботились, чтобы доставить меня в Торд. Можете считать, что мы в расчете, и кажется, я должна вернуть вам это...

Женщина потянула цепочку, сняв ее вместе с кольцом. Северянин покачал головой.

— Нет, вы неправильно все понимаете. То есть, я конечно, очень обязан вам, но моя помощь продиктована

другими обстоятельствами.

— Какими же?

Ингвар осторожно сжал ее пальцы, поверх кольца.

— Дело в том, что вы... — начал он.

Катрин ощутила дрожь в пальцах, и пожалела, что вообще начала этот разговор.

— ... еще при первой нашей встрече...

Дверь хлопнула, и на пороге появился сияющий Рикард.

— Я так и знал, что ты еще здесь! — на последнем слове он споткнулся, понимая, что появился не вовремя.

Катрин резко выдернула ладонь, и сделала шаг назад. Щеки ее горели.

Под суровым взглядом друга, Рикард смешался, но все — таки договорил:

— Я только хотел сказать, что выручил за ту лошадь вдвое больше, чем она мне обошлась...

Глава 30. Чужие тайны

Появление Рикарда было очень кстати, или некстати. Но после того, как он возник на пороге, атмосфера изменилась. Катрин и Ингвар старались не смотреть друг на друга, а молодой северянин, принялся рассказывать не очень увлекательную историю о том, как он продавал лошадь.

— И тогда он сказал, десять золотых — последняя цена, ну я и не стал спорить. Леди Браст, вы ездили навестить дочь?

Катрин не сразу уловила переломный момент рассказа, и поэтому бесцеремонный вопрос Рикарда ввел ее в замешательство. Тем не менее она ответила.

— Дочерей. У меня их трое.

— Э — эм, да, конечно. Надеюсь они в добром здравии?

— *Рикард, найди себе важные дела, где — нибудь в другом месте.* — подал голос Ингвар.

— *Я только веду светскую беседу, извини, не хотел помешать вашему объяснению, но если я сейчас развернусь и уйду, это будет выглядеть неучтиво.*

Катрин подняла брови.

— Не кажется ли вам, что вести разговоры на своем языке, в присутствии третьего, не отвечает правилам хорошего тона?

— Боюсь, в этом городе правила хорошего тона знакомы только вам, — хмыкнул Рикард, и поспешил перевести разговор, заметив суровый взгляд Ингвара, — Вы так сорвались из города, пару дней назад, словно вас вело дело жизни и смерти. Моего друга тоже беспокоит этот вопрос, но он слишком щепетилен, чтобы спросить напрямую.

По взгляду старшего северянина, Катрин догадалась, что Рикарду сегодня оторвут голову. Медленно и со вкусом. Жаль, что это сделает не она. Но с другой стороны... Вспомнился давний откровенный разговор с падчерицей. Скольких сложностей можно было избежать, имей она привычку разговаривать с другими, а не держать мысли при себе. Может поделиться с северянами? Как никак они имели общие дела с Теодорием, вдруг и им нужно быть настороже?

— Хорошо, — решила женщина, — Я расскажу, но лишь потому, что вам тоже может грозить опасность.

Рикард кашлянул, сдерживая смех, но спустя мгновение его лицо стало почти серьезным.

Катрин начала с того, как она получила письмо из пансиона, и записку от дочери. Рассказывая, женщина старалась придерживаться лишь фактов и событий, не углубляясь в собственные мысли и предположения. Когда она закончила, повисла гнетущая тишина.

— Эта коробочка у вас с собой? — наконец нарушил молчание Ингвар.

— Да, к счастью она не потерялась при аварии.

Женщина принесла маленькую квадратную коробку, и передала ее северянину.

— Не против, если я ее возьму на некоторое время?

Катрин кивнула.

Вмешался Рикард.

— Почему вы выгнали Астра из — за воровства, но не обратились к стражам порядка? Подобные преступления очень сурово караются в Торде, ваш управляющий не избежал бы виселицы.

Женщина нахмурилась, и сжала губы. Не говорить же, что не только воровство стало причиной конфликта.

— *Все ясно, женщины... Милосердные к негодяям, и безжалостные к героям.* — философски заметил Рикард.

В этот раз, Катрин не сдержалась.

— Я выгнала его потому, что он заявился в пьяном виде, и повел себя как недостойный человек! В воровстве я не была еще уверена, а за грубое поведение по отношению к женщине, в Торде, насколько мне известно, не карают. — она невольно сжала кулаки, — А теперь, уже ничего не изменить.

Ингвар резко встал.

— Леди Катрин, вам лучше выкинуть его из головы. Уверен, он больше не сможет представлять угрозу вам или вашим дочерям. Я об этом позабочусь.

В лице северянина проявилось что — то жестоко — упрямое. Взглянув на него, Катрин невольно вспомнила, что жители Эрланга в первую очередь дикари, жестокие и безжалостные. Общась с этими двумя, она успела об этом позабыть. Но сейчас взгляд Ингвара не предвещал ничего хорошего.

Астра оставалось только пожалеть, но, как говорится, сам виноват.

Катрин вела пером над бумагами, и никак не могла сосредоточиться. Виной всему был Рикард, стоявший у окна. Молодой человек пока молчал, но его присутствие сбивало с мыслей. Зачем она вообще позволила ему здесь находиться?

— Рикард, неужели у тебя нет своих дел в городе? — поинтересовалась женщина, надеясь, что северянин поймет намек.

— Леди Браст, мое дело в этом городе, находится при вас, пока не вернется Ингвар.

Как вообще вышло, что она согласилась на это? Неужели Рикард будет постоянно находится здесь? А если его друг задержится? В конце концов, она в состоянии сама о себе позаботиться.

Вспомнилось, как Ингвар задержался вчера вечером, и предупредил, что оставит Рикарда, для безопасности. На возражения северянин признался, что эта мера в первую очередь, чтобы его друг, обладающий горячим нравом, не впутался ни в какую историю. Катрин пришлось согласиться, хотя внутренне она и подозревала подвох.

С другой стороны, почему бы не попытаться извлечь из происходящего пользу?

— Леди Браст, не знаю, что вы задумали, но чувствую, что лично мне ваша улыбка не предвещает ничего хорошего.

Катрин удивленно подняла брови, с чего такая пронизательность? Пожалуй, следует действовать тоньше, чтобы добиться своего.

— Моя улыбка не имеет к вам никакого отношения, Рикард. Я всего лишь вспомнила о своих девочках.

Северянин хмыкнул, но промолчал.

— Леди Эйрика до сих пор носит при себе этот ужасный зуб, что вы ей подарили. И я уже оставила всякую надежду, избавится от него.

— Это древний клык снежного волка, — с возмущением произнес Рикард, — Между прочим, он чуть не стоил мне жизни!

— Поэтому вы решили, что подарить его юной благовоспитанной леди — хорошая идея?

Рикард пожал плечами.

— Мне показалось забавным, что юная леди хочет стать воином. Хотя, боюсь, она уже оставила подобные мысли, и сейчас увлечена только платьями и бантами.

Катрин тяжело вздохнула, если бы так и было...

— Нет? — теперь в голосе северянина зазвучало насмешливое удивление, — Как же так вышло, что несмотря на годы изучения манер и этикета, девочка продолжает мечтать об остром мече и татуировке?

— Что?!

Из головы сразу вылетели мысли о собственных планах, — расспросить Рикарда. О мече, положим, она знала, но чтобы еще и татуировка?!

Катрин бросила взгляд на Рикарда, и поняла, что тот едва сдерживает смех. Вот в чем дело, он просто сказал первое, что пришло в голову, и ему это кажется веселым.

Женщина взяла себя в руки, но ее голос стал чуть более коварным.

— Моя дочь переменит мнение. Теперь, столкнувшись с настоящей опасностью, она оставит детские идеи.

— Леди Браст, Торведий больше не будет представлять опасности, — самодовольно улыбнулся северянин. — Ингвар знает, что делает, о вашем бывшем управляющем можно забыть.

— Но ведь дело не только в Астре, — медовым голосом произнесла Катрин, — Думаю, вы понимаете о чем я.

Рикард бросил на нее быстрый взгляд, но женщина сделала вид, что занята книгой, а ее слова сказаны между делом.

— Я не понимаю, о чем вы, — произнес он заинтересованно, — Но если вы поделитесь...

Катрин покачала головой.

— Не думаю, что вы заслуживаете подобной откровенности.

— Я знаю больше, чем вы можете представить!

— Но уж точно не о делах моего покойного мужа... Тем более, вы так молоды, оставим разговор, ради вашей же безопасности. А еще лучше сменим тему. Как думаете, поставки специй следует ожидать в срок?

Рикард решительно шагнул от окна, и сел за стол, напротив Катрин.

— Откуда вы все узнали?

Женщина мысленно улыбнулась. А этот молодой северянин куда больше похож на ее старшую дочь, чем она думала. Как же просто оказалось вывести его на разговор. Только и требовалось — немного любопытства, и материнского всезнания. Теперь главное не давить, и она узнает все, что захочет. И о делах Теодория, и о странных словах из его последнего письма, и даже о том, что на самом деле привело северян в Торд.

Катрин перевернула еще один лист, делая вид, что не замечает пристального взгляда Рикарда. Тот постучал пальцами по столу.

— Леди Катрин, кто вам все рассказал? А главное когда успели? Вы хотя бы догадались не давать опрометчивых обещаний?

Теперь молодой человек был серьезен, и даже немного испуган. Катрин испытала новое чувство — смесь

азарта и превосходства. Почему она всю жизнь цеплялась только за мораль и общественное мнение? Разве дамам из высшего общества чужды интриги? Как бы не сложилась ее жизнь после, но воспитывалась то она в замке.

Молчание действовало Рикарду на нервы, еще хуже был загадочный вид этой леди, которая прочно заняла сердце его друга.

Нужно срочно найти Ингвара!

Нельзя оставлять леди Катрин ни на минуту!

— эти две мысли столкнулись, и буквально разрывали изнутри.

Какое решение будет более безопасным? Неподчинение приказу — очень серьезный проступок, но если Ингвар вернется, а с леди Катрин что — то случится...

Рикард забыл как дышать. Он решительно встал, затем сел, затем снова встал. Как же так вышло то?

Катрин наблюдала за метаниями северянина, с чувством внутреннего удовлетворения. Значит она права, от нее скрыли что — то крайне важное.

— Леди Браст... — теперь голос звучал почти умоляюще.

— Мне не следует говорить, — произнесла Катрин, с деланным сожалением. — Хотя... Не понимаю, почему Теодорий беспокоился, что я не смогу простить его, узнав правду. Жалею, что он сам мне обо всем не рассказал.

— Вы его совсем не любили? — ошарашенно произнес молодой человек, — Для вас тоже брак был всего навсего удобен?

— Это касалось только нас, — коротко отрезала Катрин, хмуря брови.

— И вы еще считаете, что дикари, это мы, — горько проговорил Рикард. — Когда Теодорий ввязывался в перевозки, он понимал, на какой риск идет, и поэтому сперва взял паузу, подумать. На деле, он использовал это время, чтобы жениться, понимая, что в противном случае его дочь останется полной сиротой. Но чтобы и вы пошли на это... Мне казалось, что благополучие вашей семьи вы ставите выше золота, тем более если на второй чаше весов жизнь.

Катрин ощутила легкий укол совести, Рикард выглядел невеселым, словно разочаровался во всем человечестве. Но женщина не планировала так легко отступать. То, что Теодорий женился на ней по расчету — не било по самолюбию. Можно подумать, она руководствовалась чем — то другим, принимая предложение. Но что за перевозки, которые могут стоить жизни? Явно не специи.

— Рикард, ты слишком молод, и поэтому преувеличиваешь опасность. Я, всего лишь, стремлюсь заработать, чтобы обеспечить своим девочкам достойное будущее, — слова, сказанные наобум, попали точно в цель. Северянин уже не старался сдерживать эмоции.

— И ради этого стоит нарушать законы всех прибрежных государств? Понимаю, в специях удобно закапывать маленькие артефакты, вроде фамильных кубков, или оружие. Да только контрабанда еще никого не доводила до добра.

— Контрабанда? — выдохнула Катрин, побледнев. — Но ведь за это положена смертная казнь.

— Раз вы это понимаете, то почему тогда... — начал Рикард, и осекся, — Вы специально... сделали вид, что знаете... Какой же я... — он запустил пальцы в волосы, — Ингвар меня убьет.

Когда первое потрясение отступило, женщина смогла мыслить более трезво. Ее мужа не повесили, он покинул этот мир без посторонней помощи. Или все же... Почему Теодорий вообще ввязался в это? Хотел заработать еще больше, или его втянули обманом? Почему от него тогда избавились?

— Рикард, — голос женщины стал жестким и холодным, — Рассказывай, по порядку, и все что знаешь, я хочу понять.

— По моему, я и так наговорил лишнего, — угрюмо отозвался северянин.

— Хорошо, — решила отступить Катрин, — Надеюсь, Ингвар окажется более стоворчивым, и ответит на мои вопросы.

— Это бесчестно!

Пожалуй, следовало сменить тон.

— Раз уж я здесь, то хочу знать, с какой стороны могут поджидать неприятности. Мне нужно понять, чего следует остерегаться.

Молодой человек хмурился, но на Катрин это не производило впечатления. И в итоге северянин сдался.

Все началось несколько лет назад, когда Теодорий имел лишь одну монополию — на краски. Это приносило небольшой, но стабильный доход. После смерти жены, он с головой ударился в дела, и сумел получить парную монополию. Он знал, что специи могут приносить баснословное количество золота, и поэтому с радостью выкупил монополию у вдовы прежнего владельца.

Дела шли неплохо, но и не так хорошо, как у предыдущего торговца. Теодорий не понимал, в чем дело, пока с ним не связались мятежники одного из царств великой пустыни. Им требовалось оружие, снаряжение, а взамен они готовы были предложить золотую утварь с тысячелетней историей. Разумеется, это предлагалось не купцу, а тем,

кто передавал оружие. Но владельцу монополии щедро платили за риск. Ведь если бы, на границе кому — то пришло в голову покопаться в специях...

Теодорий был убежден, что помогает благому делу, ведь у власти пустынного царства стояли люди, ранее свергнувшие законного правителя. Его не разубеждали, напротив поддерживали в этом мнении. Быть может, поэтому он продержался так долго. Но мятеж в итоге захлебнулся, и те, кто поставляли оружие, поспешили зачистить следы. А потом, через следующего купца, наладится новая сеть. В конце концов, самым важным в этой игре было не золото, а диковинки из пустынных гробниц.

Под конец Теодорий понимал, к чему все идет, но отказаться уже не мог. Рикард не знал, с кем именно взаимодействовал купец, потому что Ингвар строго запретил соваться. Северяне держались в стороне от основных дел, но время от времени Теодорий нанимал их в качестве сопровождающих. На купца было несколько покушений, долгое время неудачных. В среднем, владельцы монополий на специи, живут лет пять — семь, в зависимости от везения, и от общей обстановки.

Лично леди Катрин ничего не грозит, потому что она женщина, а с женщинами здесь дела не ведут. Тем более, вдовы обычно распродают все, не вдаваясь в дела мужа, а это неплохой способ, для других купцов, урвать свой кусок в виде новых складов и лавок.

— Если мне ничего не грозит, почему Ингвар так обеспокоен моей безопасностью? — не удержалась от вопроса Катрин.

— А это, леди Браст, вы можете спросить у него, я и так рассказал слишком много, — буркнул Рикард, отворачиваясь.

— Это останется между нами. Я умею молчать.

— Вашему слову можно верить, — вздохнул молодой человек. — Только я сам расскажу ему, что вы знаете... от меня. И смиренно приму свою участь.

Теперь Катрин смутилась, по человечески ей стало немного жаль Рикарда, ведь она все равно вытянула бы правду. Но сейчас жалела об этом. Есть правда, которую лучше не знать.

— Я, через пару дней, отправляюсь навестить дочек. Если желаете, можете ехать со мной.

— Можно подумать, у меня есть выбор. Но не надейтесь, что вам удастся вытянуть из меня еще хоть слово!

Глава 31. Ты все еще мой друг?

Планы пришлось пересмотреть. Неожиданно, Катрин стала объектом внимания местных торговцев. Раз в день ее навещал кто — нибудь из купцов, и намеками интересовался, планирует ли вдова уважаемого Теодория продавать монополию, или склад, или лавку? Женщина не давала четкого ответа, обещая подумать ближе к концу сезона. Купцы понимающе кивали, и удалялись, а на их место приходили новые.

Рикард молча нес свой пост, отвечая на любые вопросы крайне осторожно, словно опасаясь, что леди Браст придет в голову продолжить расспросы.

Однако Катрин больше не поднимала разговор на опасную тему, словно и не знала ничего о делах своего мужа. Сейчас ее беспокоило, что она никак не может выбраться из Торда, чтобы навестить девочек, а еще, длительное отсутствие Ингвара. В последнем, правда, женщина не призналась бы даже себе. Все — таки она дочь герцога и вдова купца, а он дикарь из дальних земель, покрытых бесконечными снегами. И зачем он только появился в этом городе? Ей и после самой первой встречи было нелегко его забыть, ну а сейчас, зная, что в любой момент может произойти встреча...

Прошел почти месяц, пока, наконец, женщина смогла собраться в дорогу. Рикард следовал за каретой верхом, и от разговоров продолжал воздерживаться. Карета ехала медленно, но несмотря на это, весь путь Катрин была в напряжении, еще не забылась прошлая авария. К вечеру они прибыли на место.

— Вот видишь, не было необходимости меня сопровождать.

— Леди Браст, это не обсуждается.

— В пансионе есть комнаты, где могут переночевать родители, но тебя не пустят на территорию. Можешь остановиться на ночлег в городе, я оплачу.

— У меня достаточно золота, еще не хватало, чтобы за меня платила женщина!

Катрин подняла бровь, и Рикард смутился.

— То есть, я благодарен вам, но вынужден отказаться.

— Кажется, сопровождение и охрана должны быть оплачены?

— Я это делаю по поручению Ингвара, так что расплачивайтесь с ним.

За последние дни, это был самый длительный разговор между ними. Катрин отступила.

— Хорошо. Завтра весь день я проведу на территории пансиона, а через день — утром, отправляюсь в обратный путь. Постарайся за это время не влипнуть в историю.

Рикард фыркнул.

— Взаимно.

Молодой человек снял комнату через дорогу от пансиона. Хотелось верить, что леди Браст действительно не будет выходить за пределы высокого забора, но лучше быть поблизости. Северянин упустил из виду, что женщина спокойно жила многие годы, не нуждаясь в охране. Но, Рикард уже проштрафился, рассказав Катрин то, что ей знать не следовало. Если с ней еще и что — то случится, то Ингвар точно оторвет ему голову.

С первыми лучами солнца Рикард был уже на ногах. Хозяйка комнат — добродушная пожилая женщина, накормила его завтраком, и долго рассказывала о прежних временах, которые были не чета этим. Северянин терпеливо слушал, но как только старушку отвлекла пришедшая соседка — сбежал, твердо решив, что вернется только ближе к заходу солнца. Еще одного длительного погружения в историю ему просто не выдержать.

У ворот пансиона бодро вышагивал сторож. На улицах было пусто. Не зная куда пойти, Рикард решил обойти забор по кругу, лишь для того, чтобы убедиться — территория безопасна.

В один момент, его внимание привлекло движение среди кустов. Кто — то пытается пробраться за забор? Но нет, всего лишь какая — то воспитанница в дикой пляске размахивает палкой. Заинтересовавшись, он подошел ближе. Девочка самозабвенно размахивала палкой, приседая, и уклоняясь от невидимого противника. Голубой бант сбился набок, и был просто не в состоянии удержать густые непослушные волосы. Каким — то чудом девочка умудрялась не наступать на длинное платье, и при этом двигаться грациозно.

При очередном повороте, юная воительница споткнулась о собственное оружие, и улетела в куст. Не выдержав, Рикард рассмеялся. Девочка тут же вскочила на ноги, и держа палку, как меч, приблизилась к забору. Несколько секунд она настороженно смотрела на незнакомца, затем ее глаза расширились от удивления.

— Рикард?!

Парень смешался. Откуда местная леди знает его имя? Он тоже присмотрелся внимательнее, девочка напоминала куклу. Голубое платье, бант, растрепанные волосы, глаза блестят, лицо горит от недавних упражнений. Взгляд зацепился за единственную деталь, нарушающую общую гармонию — черный шнурок на шее.

— Леди Эйрика? — произнес он неуверенно.

— Можно без всяких леди, — беззаботно отмахнулась девочка, — Рада тебя видеть!

— Я... я тоже. Ты подросла.

— И собираюсь расти дальше, пока не стану ростом с этот забор. У меня тренировка.

— А если кто — то увидит тебя здесь?

— Не — а, я выхожу аккуратно, через окно, возвращаюсь так же. А с этой стороны так рано ходит только городской. Как только он появится, значит скоро проснется город, и надо обратно, в комнату. А ты что здесь забыл?

— У меня дела в этом городе.

— Ясно, как и у всех взрослых. Идите сударь, не буду вас задерживать.

Эйрика отвернулась, и подобрала палку. Рикард рассмеялся.

— Кажется, кто — то все еще собирается стать воином?

— И стану! — вздернула нос девочка, — Видишь же, я упражняюсь, чтобы когда мне в руки попадет настоящий меч, уметь с ним обращаться.

— Меч потяжелее палки будет.

Эйрика подняла бровь, и в этот момент, ее выражение лица очень напомнило выражение ее матери. Сходство было таким явным, что Рикард снова не удержался от улыбки. Девочка подошла к забору совсем близко.

— Рикард, а ведь ты можешь меня научить?

— Как же ты себе это представляешь?

— Ну будешь приходить сюда каждое утро, и показывать приемы, я быстро учусь.

Северянин отчетливо представил себя стоящим у забора, и размахивающим палкой. Ему снова стало смешно.

— Увы, юная леди, завтра утром я покину город, так что не могу давать опрометчивых обещаний.

Эйрика огорченно опустила голову. В сердце Рикарда шевельнулась жалость. Ну вот, расстроил ребенка.

— Эйрика, — протянул он ей руку, — Но я все еще твой друг. Хочешь, я буду иногда тебя навещать?

— Хочу, — глаза девочки загорелись, — Расскажешь мне про свою родину? Мне столько всего хочется узнать об Эрланге!

— Договорились, — кивнул Рикард.

— Тебе лучше идти, скоро пойдет городской, приходи вечером, после заката!

— Но...

Не слушая возражений, девочка сунула палку под куст, и скрылась среди ветвей.

Некоторое время Рикард стоял в растерянности. Не самая лучшая идея — идти сюда после заката. Будь Эйрика лет на пять старше, он бы точно не пришел. Но ведь она всего лишь ребенок, которому скучно, к тому же, вряд ли ее выпустят так поздно.

Когда на улицах зажглись фонари, Рикард все — таки вернулся к забору, окружавшему пансион. Как он и ожидал, девочка не пришла. Можно с чистой совестью возвращаться, но вместо этого, молодой человек прислонился к ограде, и зачем — то принялся ждать.

Спустя некоторое время кусты зашевелились, и из темноты шепотом позвали.

— Рикард, это ты?

— Нет, это ночной дух Хоос, который утаскивает маленьких девочек, бродящих по ночам, — басом отозвался парень.

В ответ раздался смех, и у забора появилась Эрика.

— А куда он их утаскивает, и зачем?

— В холодные пещеры, и превращает там в ледяные статуи, — зловеще произнес Рикард.

— Ааа, очередные сказки, тогда не интересно. Нас мама навестила, пришлось ждать, пока она уйдет к Агате. Она не одобрила бы мою вылазку.

— Могу представить.

Девочка села на траву возле забора, Рикарду пришлось опуститься на мостовую.

— Раз уж я пришел в гости — держи! — и он протянул ей бумажный пакетик.

Эйрика прищурилась.

— Это что?

— Конфеты.

— Ты конечно мой друг, но я не буду брать.

Рикард вопросительно посмотрел на девочку, а потом вспомнил рассказ Катрин об отравленных фруктах. Как — то он не подумал.

— Думаешь, я пришел сюда, чтобы коварно тебя отравить? — он вытащил пару конфет, и отправил их в рот. — Как видишь, вполне съедобные.

Эйрика окинула его оценивающим взглядом, и тоже взяла конфету.

— Открой рот.

— Что? То есть ты мне не веришь?

Закатив глаза, он все — таки съел угощение из ее рук. И показал язык.

— Теперь убедилась? Я все еще не бьюсь в конвульсиях.

Девочка рассмеялась, и взяла еще одну конфету, на этот раз для себя.

— Рикард, а правда, что на твоём острове все жители до сих пор носят шкуры животных?

— Правда, — стараясь сохранить серьёзность, отозвался северянин.

— А где шкура шкура волка, у которого ты отнял этот клык? В Эрланге действительно земля белого цвета? А тебе доводилось видеть небесное сияние?

Рикард, не ожидавший такого потока вопросов — поперхнулся.

— Можешь не на все отвечать, — разрешила девочка, — У меня вопросов много.

— Ты их готовила с последней нашей встречи? Ну хорошо, только давай не так быстро.

Луна прошла половину небосвода, Рикард сидел, прислонившись спиной к забору, и рассказывал. С той стороны так же сидела Эйрика, укутавшись в безразмерный плащ, и смотрела на звездное небо.

Девочка уже почти не задавала вопросов, а только слушала. От рассказов об острове, молодой человек перешел к легендам, к обычаям. Вспомнил, как и ему в детстве рассказывали о коварном Хоосе, и о таинственной Аветте. Делая скидку на возраст, он обходил острые или жестокие моменты мифологии, отчего иногда возникали паузы. Дыхание за спиной становилось более мерным.

Рикард обернулся, и ушипнул слушательницу за бок.

— Эй, чего ты? — возмущенно спросила девочка.

— Кажется, юной леди пора возвращаться в свою комнату.

— Ну пожалуйста, ты же не дорассказал. Куда Аветта дела волшебный лук?

— Выбросила в озеро. Эйрика, если ты здесь уснешь, мне придется перелезть через забор, и за ногу тащить тебя в дом.

Девочка в ответ фыркнула, но все — таки встала. Она сняла плащ, и вернула его владельцу.

— Ты еще придешь?

— Обязательно, когда снова буду в этом городе.

Эйрика сонно улыбнулась, и прислонилась щекой к холодному металлу ограды.

— *Рикард, ты самый хороший друг. Я скучала, и рада, что ты нашелся. Не забывай больше меня.*

Рикард удивленно моргнул. С ним сейчас разговаривали на родном языке? Здесь, на юге Аквилана? Или почудилось?

Девочка уже скрылась в темноте, лишая его возможности переспросить. Но если говорит она, значит и ее мать тоже знает язык Эрланга! Северянин пожегился, то ли от ночной прохлады, то ли от осознания того, сколько он болтал при Катрин. И ведь она даже вида не подавала! Пожалуй, на будущее, следует чаще держать язык за зубами. И выяснить, правда ли эти леди владеют северным языком.

Глава 32. Неожиданное признание

Длинная монотонная дорога утомляла больше, чем повседневные обязанности. Обычно, погруженная с головой в дела, Катрин теряла счет времени. Но стоило остаться с собой наедине, то голову заполняли тяжелые мысли. Она все еще не может забрать девочек...

Вчера Эйрика была весь день оживленной, а сегодня утром, провожая карету, казалась грустной и притихшей. Даже Агата держалась бодрее, хотя обычно все происходило наоборот. Зато падчерице новое место пошло только на пользу. Наверное, всему причиной новообетенная подруга. Когда Катрин заходила пожелать доброй ночи, Селина о чем — то секретничала с соседкой по комнате, и физиономии у девочек были на редкость таинственными. Может и правда, не разлучать их пока.

Мысли повернули в другую сторону. Рикард сегодня тоже какой — то рассеянный. Отвечает невпопад, лицо отсутствующее. Может получил плохие вести? Или что — то с Ингваром. Но не спросишь же напрямую.

Когда же кончится эта дорога...

— Леди Катрин, — кто — то осторожно потянул ее за локоть.

Женщина вздрогнула, и открыла глаза. Приехали? Когда она успела уснуть? Судя по всему — уже поздний вечер.

— Дайте руку.

Не задумываясь, чьей теплой ладони касаются пальцы, вышла из кареты.

От свежего ночного воздуха она окончательно проснулась.

— Ингвар?! — Катрин с трудом удалось сохранить спокойствие. Хорошо, что темнота скрывала порозовевшие щеки.

— Леди Катрин, рад, что вы вернулись! Надеюсь, Рикард не утомил вас своим присутствием?

За спиной обиженно запыхтели, и Ингвар, с видимым сожалением отпустил руки женщины.

— Думаю, вы устали с дороги, позвольте проводить вас до дверей. Мы вернемся утром.

Северяне дождались, пока женщина скроется в доме, и направились в сторону конюшен. Надо оставить лошадь, и поговорить, без свидетелей.

— *Я думал, тебе понадобится меньше времени,* — наконец нарушил молчание Рикард. — *Сумел его найти?*

— *Раз я уже здесь, значит все кончено. У нас состоялась на редкость содержательная беседа, из которой подтвердились почти все наши догадки.*

— *Он действительно хотел отравить дочерей леди Катрин?*

— *Да. Кроме того, смерть Теодория тоже его рук дело. Астр давно уже начал добавлять в его питье настой сердечного корня. Ни вкуса, ни запаха, но если употреблять ежедневно, то даже самое здоровое сердце не справится.*

— *И мы ничего не заметили...* — после недолгого молчания протянул Рикард.

— *Это невозможно было заметить. К тому же, при нас Торведий опасался давать купцу настой, но в последнее время мы пересекались с Теодорием довольно редко. И это развязало негодяю руки. Кстати, у предыдущего владельца монополии, управляющим был тоже Астр.*

— *И ему он тоже помог уйти?*

Ингвар задумчиво кивнул.

— *С Теодорием же, он возился дольше, чем вызвал недовольство своих покровителей. Астр планировал присвоить как можно больше денег, прежде чем леди Катрин заподозрит неладное, а затем залечь на дно.*

— *И залег?* — хмыкнул молодой человек.

— *Теперь точно залег, глубоко и надежно. Не выплывет. Но леди Катрин детали знать не обязательно.*

— *Думаю, она сама догадается.*

— *Не хочу, чтобы она об этом думала. За ее бывшим управляющим тянулось столько грязи, знал бы, избавился бы от него, еще до похорон Теодория.*

— *Но ты не знал,* — философски заметил Рикард, и нахмурился, — *Мне тоже нужно кое в чем признаться...*

Ингвар слушал молча, не перебивая, и они уже добрались до постоянного двора, когда, наконец, молодой человек закончил говорить.

— *Пойми! Я поверил, что она знает, и сам не понимаю, как попался так глупо.*

Старший северянин покачал головой, но от комментариев воздержался. Да и что тут скажешь. Рикард не глуп, но молод, рассудительность придет с возрастом. Надо поговорить с леди Катрин, ведь она даже не предполагает, какой опасности подвергла свою жизнь, узнав правду.

Несмотря на усталость от дороги, Катрин долгое время не могла уснуть. Она лежала, сжимая в пальцах теплое кольцо. Почему ее так обрадовало возвращение Ингвара? Даже мысли о делах отошли на второй план.

Вспомнилось, с какой бережностью он помог выйти из кареты, и щеки подозрительно потеплели. А ведь северянин не случайно проходил, он ждал их возвращения. Хотя какая ему в этом необходимость? Может ли Ингвар быть ею увлечен?

Катрин резко села на кровати, и с неожиданным раздражением спрятала кольцо под подушкой. Кровь отлила от лица. Какие могут быть увлечения, когда ей в скором времени исполнится тридцать? Она мать почти взрослых дочерей, и должна думать о их благополучии, а не о случайных знаках внимания. Молодость прошла, и не стоит вести себя, как глупая влюбленная девчонка. Тем более, невозможно представить, ситуацию, в которой у нее с Ингваром возможно будущее, так зачем же мучить себя? Сердце обиженно заколотилось, но практичный разум взял верх, и Катрин легла, надеясь, что утром Ингвар не придет, и со временем у нее получится его забыть.

Но на утро он все — таки пришел.

— Леди Катрин, надеюсь, мое общество не покажется вам слишком навязчивым.

— Что вы, — женщина улыбнулась, сохраняя внешнее спокойствие, несмотря на решение, она была рада его видеть.

— Рикард наговорил вам много лишнего.

— Я не люблю оставаться в неведении, особенно когда дело касается меня, или моих близких.

— Вы же понимаете, что не стоит демонстрировать свою осведомленность?

Катрин подняла бровь.

— Ингвар, я прекрасно понимаю, что есть вещи, о которых нужно молчать. Порой мне кажется, что и вы переняли местное предубеждение против женщин ведущих торговые дела.

В ответ северянин обезоруживающе улыбнулся, и Катрин не удержалась от ответной улыбки.

Хлопнула дверь.

— Леди Браст! Я так и знал, что вы уже на ногах! Прекрасные пташки всегда первыми встречают рассвет!

На пороге появился Анри Гортель, собственной персоной.

— И как вижу, я сегодня даже не первый. Редкая удача — застать очаровательную даму одну, и на этот раз мне не улыбнулась.

Первое замешательство прошло, и Катрин предложила гостю присесть. Ингвар отошел к окну, и с неудовольствием посмотрел на купца, нарушившего их уединение.

— Катрин, милая, я с чудесными новостями, но могли бы мы побеседовать без свидетелей?

— Сожалею, но я не могу оставить леди Катрин с вами наедине, — произнес Ингвар раньше, чем женщина успела ответить. Она бросила на северянина вопросительный взгляд, и тот едва заметно покачал головой.

— Анри, сказанное вами не выйдет за пределы этой комнаты. Ингвар обеспечивает мою безопасность, и я хотела бы, чтобы он остался здесь, — Катрин мягко улыбнулась, — Что вас привело в столь ранний час?

Анри Гортель снова рассыпался в комплиментах, но когда перешел к сути, заговорил более деловито.

— На днях собирается купеческий совет, я готов представлять там не только свои но и ваши интересы, тем более, они сейчас, во многом схожи.

— Я сама могу представлять свои интересы, уважаемый Анри, можете не беспокоиться.

— Хм... Да, конечно, но на подобные мероприятия женщины не допускаются. Мы решаем важные вопросы, обсуждаем торговые дела. Вам все это будет неинтересно.

Катрин на минуточку задумалась.

— Какая выгода лично для вас?

— Леди Катрин! Быть полезным вам — дороже любой выгоды. Лучшая награда — это взгляд пылающих глаз, и нежная улыбка...

Ингвар коротко кашлянул, и Анри поспешил свернуть хвалебные речи.

— Тем более, мне выгодно, чтобы ваши монополии выкупил мой племянник, и если на совете я буду иметь два голоса, а не один, то шансы на успех значительно возрастут. Ведь без одобрения купеческого совета, вы можете продавать склады, но не право на торговлю.

Женщина потеряла виски, и задумалась. Если ее захотят обвести вокруг пальца, то это не составит труда. Она слишком мало разбирается в местных тонкостях и обычаях. Анри производит впечатление приличного человека, особенно когда оставляет в покое ее внешность и личные качества. А как к ней могут отнестись другие купцы, она помнила по прошлому посещению купеческого центра.

— У меня есть время подумать?

— Разумеется, в вашем распоряжении дня три, или целая неделя. И я бы посоветовал подготовить все бумаги, товарные книги, описи, отчеты. Если все сложится удачно, то сделка может состояться задолго до конца сезона.

— Но мне казалось, что ваш племянник должен прибыть позже?

— Ради этой сделки он отложит другие дела. При моей поддержке он даст вам лучшую цену, и каждый получит то, что желает.

— Я обдумаю, и сообщу о своем решении позднее. — Катрин встала, показывая, что пора заканчивать разговор. Вздохнув, Анри тоже поднялся с места.

— Леди Катрин, может вам будет угодно прогуляться по побережью. Я бы с удовольствием составил вам компанию.

— Благодарю, но сейчас меня ждет много бумажной работы, сами говорите, подготовить надо многое.

Не придумав предлог задержаться, купец с неохотой покинул резиденцию Катрин.

Ингвар проводил его взглядом, далеким от симпатии, затем перевел взгляд на женщину, и его лицо смягчилось.

— Вам стоит принять его предложение, хотя бы для того, чтобы как можно скорее оставить этот город в прошлом.

— Возможно, я так и поступлю, — кивнула Катрин, и не удержалась от вопроса, — Меня привели сюда дела покойного мужа, но что держит в Торде лично вас? Вы не любите местных жителей, не ведете торговлю, не состоите на службе.

— Разве это не очевидно?.. — отвернувшись к окну, он выдержал паузу, а затем произнес глухо, — В этом городе меня держите только вы.

Глава 33. Размолвка

Задавая вопрос, Катрин не ожидала столь прямого ответа. Заметив ее растерянность, Ингвар продолжил.

— Леди Катрин, мои слова вас ни к чему не обязывают. Я здесь, потому что не могу иначе, не желаю оставлять вас одну!

Смутившись, Катрин обхватила себя руками. Сердце колотилось так бешено, что казалось — выпрыгнет из груди. Но ведь она уже все для себя решила еще вчера. Сейчас самое время сказать об этом, и после ее слов, Ингвар выйдет, чтобы теперь уже окончательно исчезнуть из ее жизни.

— Ингвар, я... — Катрин замолчала, мучительно подбирая слова. — Я так не могу.

— Тогда пусть, все пока останется так, как есть. Мне следовало быть сдержаннее, но ведь вы больше всего цените честность? — и мужчина обезоруживающе улыбнулся. Катрин улыбнулась в ответ. Хрупкий мир был восстановлен.

Порой Катрин ловила себя на мысли, что давно уже считает время не днями, а неделями. Разобрать бумаги, по совету Анри — две недели, переехать из Торда ближе к пансиону — еще неделя. Теперь предстояло ждать три — четыре недели, пока состоится сделка. Это время она планировала жить уединенно, прогуливаясь по узким городским улочкам, и каждый день навещая девочек. Как только документы будут подписаны, можно будет всем вернуться домой.

С Ингваром женщина старалась держаться более отстраненно, чтобы не тешить себя напрасными надеждами. Северянин навещал ее раз в несколько дней, они разговаривали на нейтральные темы, но Катрин вежливо переводила разговор, если речь заходила о планах на будущее. Ее будущее — здесь, а его в далеких заснеженных краях. Как вообще вышло, что житель далекой дикой страны занял ее сердце? Но скоро их пути разойдутся навсегда, и надо будет суметь это пережить...

Посещение пансиона было самым важным событием в распорядке дня. Девочки радовались, и спешили поделиться маленькими событиями из своей жизни. Селина и Агата, хоть и скучали, но им нравилось среди сверстниц. Эйрика же держалась особняком, всячески подчеркивая свою независимость.

— Эйрика, у тебя бант растрепался, давай поправлю. — Катрин провела рукой по непослушным волосам девочки, отмечая про себя, что одного банта слишком мало для такой гривы.

— Пусть останется, как есть, — девочка мотнула головой, и волосы упругими прядками рассыпались по плечам. — Мне так больше нравится.

— Будущие воины бантов не носят? — улыбнулась Селина.

Девушка теперь держалась куда увереннее, чем дома, видимо сказывалась новая обстановка, или же, влияние подруги.

— Зато сражаются с кустами, — добавила Агата, весело фыркнув, — Эйрика гроза садовников.

Эйрика вскочила, уязвленная.

— Ха. Ха. Очень смешно. Зато вы две леди, а сами даже пауков боитесь.

— Девочки, что за манеры! — поспешила вмешаться Катрин, желая предупредить ссору.

— Все в порядке, леди Катрин, — произнесла падчерица, — Просто кто — то все не может повзрослеть.

— А кто — то уже повзрослел настолько, что обзавелся женихом! — сердито бросила Эйрика, сузив глаза.

— Я чего — то не знаю? — поинтересовалась женщина, переводя взгляд с Селины, на Эйрику.

Девочки замолчали, но взгляды их были красноречивее любых слов. Пожалуй, стоит разобраться подробнее.

— Эйрика, Агата, оставьте нас. — Дочки нехотя подчинились, падчерица насупилась, и отвела глаза.

— Селина, не хочешь ничего мне рассказать? — Катрин старалась говорить спокойно.

Девушка неуверенно покачала головой.

— Селина, — теперь голос мачехи звучал более настойчиво, — Я все равно узнаю правду, либо от тебя, либо от кого — то другого, но в искаженном виде.

— Вы будете недовольны... — губы падчерицы дрогнули.

Катрин выдохнула. Неужели за брошенным вскользь замечанием Эйрики, скрывается что — то серьезное? Но как можно с кем — то познакомиться, проживая в закрытом пансионе?! Так, что бы она не услышала, надо держать себя в руках.

— Я постараюсь тебя понять. — пообещала женщина, надеясь, что сумеет сохранить спокойствие, каким бы ни было признание.

— Его зовут Марк, он брат моей соседки по комнате. Раяна говорит, что я ему нравлюсь. Он бывает здесь раз в несколько дней.

— А что он говорит лично тебе?

— Нууу... Мы с ним почти не разговаривали. — Селина покраснела, — Но он очень хорош собой, вежлив, служит в посольстве, и пишет музыку.

Катрин подняла брови, её губы тронула легкая улыбка.

— Почему же Эйрика назвала его твоим женихом?

Падчерица пожала плечами.

— Наверное слышала, как мы говорили о нем с Раяной.

— Я поговорю с ней, чтобы поменьше болтала.

Селина расцвела улыбкой. Бросив на неё взгляд, Катрин постаралась сохранить серьезность. Хорошо, что падчерица окончательно выбросила из головы принца, а что касается Марка... Надо узнать, что это за молодой человек.

Лучи восходящего солнца лениво скользили по металлической ограде, чуть задержавшись на двоих, стоящих по разные стороны забора. Девочка поджимала мокрые от росы ноги, но для нее это были мелочи, не стоящие внимания.

— Рикард, а тебе доводилось бывать в морском порту?

Северянин, стоявший по ту сторону хмыкнул.

— А как по — твоему я попал сюда из Эрланга, прыгая по льдинам?

Девочка негромко засмеялась.

— Какой порт самый большой?

— Общий порт Аквилана и Торда считается самым большим в мире. Через него проходят десятки кораблей со всех краев света.

— А сложно попасть на корабль?

— Я бы не сказал, золото делает сговорчивее любого капитана. С чего интерес, желаешь податься в матросы?

Молодой человек внешне оставался серьезным, но Эйрика уловила в его голосе скрытую иронию.

— Пока просто интересуюсь. На будущее.

Рикард рассмеялся.

— Если соберешься пойти в море, ищи корабль с названием — Арведа.

— Почему?

— Его капитан мой хороший знакомый, и не выкинет тебя за борт, в первую же минуту. Знаешь, как говорится, женщина на корабле — к неделе шторма.

Эйрика надулась.

— Ты тоже не воспринимаешь меня всерьез. Но ты мой друг, и я не буду обижаться.

Северянин насмешливо поклонился, приложив руку к груди.

— Я хочу поделиться с тобой одной тайной, но она должна будет остаться между нами. — девочка внезапно оглянулась, и прислушалась. — Кажется мне пора, тогда расскажу завтра. Ты же придешь?

— Как же я могу не прийти, если речь идет о тайне, — подмигнул ей Рикард. — Кто — то должен будет тебя остановить, если ты задумала нечто незаконное.

Эйрика прищурилась, и задержала на молодом человеке взгляд. Тот ощутил, что его предположение недалеко от истины.

Рикард вернулся в съемные комнаты, стараясь не шуметь. Ингвар еще спал, поэтому молодой человек опустил на свою кровать, желая, чтобы его ранняя вылазка осталась незамеченной. Конечно, в утренних прогулках не было ничего предосудительного, но они касались только его. Интересно, что за тайну хочет доверить ему Эйрика? И зачем выпытывала про корабли? Уже не собирается ли она податься в море? Даже в мыслях это предположение казалось нелепым, но от этой боевой девчонки можно ожидать чего угодно.

— Давно у тебя привычка гулять на рассвете? — неожиданно прорезал утреннюю тишину голос друга.

Рикард вздрогнул, но быстро сориентировался.

— Есть что — то манящее в безлюдном городе, когда как не утром можно побыть наедине с собой.

— Раньше ты ходил таким загадочным после встреч со своей дамой сердца. — Ингвар приподнялся на кровати, и внимательно посмотрел на Рикарда, — Неужели у тебя появилось другое увлечение?

Парень фыркнул, и растянувшись на кровати в полный рост, устремил взгляд в потолок.

— Мое сердце, по прежнему надежно занято. А в этом городе я навещаю старого друга.

— Насколько мне известно, здесь нет наших земляков. Или хочешь сказать, что завел дружбу с кем — то из местных?

— Мой друг не из местных. Ты, наверное, не помнишь, леди Эйрика.

— Старшая дочь леди Катрин. Помню ее. Отважная малышка с кухонным ножом. Но она сейчас живет в

закрытом пансионе, только не говори, что ты пробираешься туда тайком.

— Конечно нет! — возмутился молодой северянин, и пересказал обстоятельства встречи, упомянув, что навещал девочку еще пару раз.

— Она забавная, даже удивительно, как ей удалось сохранить характер. Ведь более чем уверен, все эти годы из нее упорно лепили леди.

Ингвар какое — то время молчал, думая о своем, затем спросил,

— Ей должно быть сейчас около пятнадцати лет?

— Тринадцать... Да, точно, она еще говорила, что это несчастливое число, потому что именно в этом возрасте ее заперли в пансионате.

— Рикард... А как она сама воспринимает вашу дружбу?

— Нууу... Расспрашивает про корабли, про оружие, делится маленькими секретами. Мне кажется, я единственный, с кем она может говорить об этом.

— Тебе следует быть осмотрительнее. На континенте другие нравы, и другое воспитание. Здесь можно вступить в брак с шестнадцати лет, а заключить помолвку хоть с рождения. По местным меркам, твой друг, через пару тройку лет, будет считаться взрослой девушкой. И может так выйти, что ее разбитое сердце будет на твоей совести.

— Что ты такое говоришь! — Рикард сел на кровати, отшвырнув подушку, — Ей тринадцать! Она забавная, непосредственная, но при этом всего лишь ребенок!

— Не кричи. — Ингвар тоже сел, и серьезно посмотрел на молодого человека, — Это сейчас она ребенок, но так не будет продолжаться вечно. Ты послужишь ей дурную службу, если привяжешь к себе. Если считаешь себя ее другом, то подумай о ее будущем.

Молодой человек поднял подушку, и прижал к груди, взгляд его потух.

— Ты все понимаешь не так. У нее другие взгляды на жизнь, мне кажется, единственное, что занимает ее сердце, это тяга к приключениям. Я всего лишь, хочу ее поддержать, чтобы она не чувствовала себя одинокой.

— И все — таки, обдумай мои слова. Нельзя жить только сегодняшним днем.

Рикард не ответил. Он не ожидал, что его слова вызовут такую отповедь. Разве можно сравнивать Эйрику с другими леди? Такая, как она не станет забивать голову глупостями, а скорее всего найдет способ жить по своему. И он никогда не будет воспринимать ее как девушку, это просто невозможно!

Тем более у него есть Алионора, хрупкая, нежная, как и положено невесте. Через пару лет, состоится свадьба, и жизнь станет совсем другой. Уносясь мыслями в далекое будущее, парень задремал, так и не вернув подушку под голову.

— Позвольте представиться, Арт Гортель! — молодой человек поклонился, и тут же одарил Катрин улыбкой. — Мой дядюшка о вас самого высокого мнения, и я очень рад с вами познакомиться.

— Взаимно, — Катрин кивнула, с любопытством рассматривая гостя.

Арт был невысоким мужчиной, лет двадцати пяти. Коренастый, с черными волосами и небольшой бородкой, он неумовимо напоминал своего дядюшку. Наверное, в молодости Анри Гортель выглядел точно так же.

— Купеческий совет выразил свое согласие, чтобы именно я купил ваши монополии. Более того, знаю, что вам поступало множество предложений по поводу склада и лавки, но вы еще не приняли решение?

— Вы желаете приобрести все, включая мою резиденцию в Торде? — Катрин лукаво улыбнулась.

— Было бы замечательно! Я как раз намеревался прочно обосноваться, где — нибудь ближе к центру. Так что ваше предложение очень кстати.

Женщина задумалась. Хорошо бы сразу избавиться от всех нитей, связывающих ее с Тордом. Так почему бы не воспользоваться случаем, и не продать все разом? Тем более молодой человек производил приятное впечатление.

Катрин собиралась уже ответить, как сердце кольнуло тяжелым воспоминанием. Неуютная ночь. Тело в гостинной, накрытое с головой. Не обречет ли она этого человека на такую же судьбу? Женщина нахмурилась, и гость уловил перемену настроения.

— Леди Катрин, простите, я что — то не так сказал? Я не силен в манерах, и если мои слова были бестактными, то лишь по незнанию.

— Нет, все в порядке, — выдохнула она, — Мне нужно время подумать.

Ингвар застал Катрин в мрачном расположении духа. Надеясь, что причиной подобного настроения не его визит, он решил спросить, что ее беспокоит. Женщина ответила не сразу. Она долго молчала, кутаясь в легкий платок, и не поворачивая головы от окна.

— Я не могу продать ему дело своего мужа.

— Простите?

Катрин тяжело вздохнула.

— Меня сегодня навещал племянник Анри Гортеля, тот, которому я собиралась продать торговые дела.

— Он произвел на вас неблагоприятное впечатление? — Ингвар попытался понять причину столь мрачной задумчивости.

— Напротив, кажется, он весьма достойный человек. Но Арт еще так молод, если этой сделкой он подпишет себе приговор? Я должна либо отказаться, либо предупредить его!

— Леди Катрин, это невозможно. Никому даже в голову не должно прийти, что вы догадывались о делах своего мужа. Если появятся подозрения, то никто не будет разбираться, как много было вам известно, вас хранит только ваше неведение. Арт — взрослый мужчина, пусть думает своей головой, и сам оценивает риски.

— Как вы можете так говорить! — возмутилась Катрин, — Неужели человеческая жизнь имеет для вас такую малую ценность?

Ингвар задумчиво постучал пальцами по столу, и мысленно взвесил то, что собирался сказать.

— Знаете, почему торговцы избегают вести дела с женщинами? Потому что вами зачастую владеют мимолетные настроения. Вы легко подписали бы бумаги, если бы не встретились с покупателем лицом к лицу. Будь он немолод, дурен собой, груб, он не вызвал бы подобного сочувствия. А ведь кто — то все равно купит вашу монополию, так или иначе вас вынудят ее продать. И у этого человека будет семья, жена, дети, просто вы не будете о них знать. Почему бы не довести дело до конца, и не забыть бы о нем? Предоставьте другим жить своим умом...

Поэтому я и не хотел, чтобы вы знали детали, — подвел итог мужчина, — Незнание уберегло бы вас от лишних душевных терзаний.

Катрин обхватила себя за локти, и закусил губу. Человеку, выросшему в жестокой холодной стране, легко так говорить. Не ему потом жить с грузом вины, за чужую судьбу.

— Оставьте меня, — бесцветным голосом попросила женщина.

— Леди Катрин, — северянин сделал шаг, и взял ее за руки, — Я не хотел задеть вас, просто поймите, что...

Катрин отдернула руки, и скрестила их на груди.

— Оставьте меня, — повторила она, — Мне нужно побыть одной.

Глава 34. Жених

Светловолосая девушка опустилась на край кровати, и скинув туфли, поджала под себя ноги. Селина сидела в глубокой задумчивости, обняв колени. Первая девушка обернулась на дверь, желая убедиться, что их никто не услышит, а затем спросила шепотом:

— Как твоя мачеха, не ругалась?

Селина покачала головой.

— Я видела, как она уходила сегодня утром, такая строгая леди, я даже ее немного побаиваюсь.

Вторая девушка улыбнулась, и придвинулась ближе к подруге.

— Я тоже раньше ее боялась, но леди Катрин не злая, она просто... — и Селина развела руками, — Слишком серьезно относится к приличиям что ли...

Раяна фыркнула,

— Да, все взрослые такие. Придают слишком много внимания манерам. Сами придумали эти правила, и сами же мучаются. Вот Марк тоже.

— Что Марк? — заинтересовалась Селина, понижая голос.

— Говорит, прежде чем общаться с тобой, должен заручиться согласием твоего опекуна. А сам твоими делами интересуется больше, чем моими.

Девушки рассмеялись.

Селина познакомилась с Марком, когда тот навещал свою сестру в лазарете, после злополучных сладостей. Им удалось перекинуться только парой слов, и после этого он надежно поселился в ее мыслях. Масло в огонь добавили слова Раяны о том, что ее брат заинтересован, и возможно даже влюблен.

К сожалению, по правилам пансиона, нельзя выходить к чужим гостям, но когда Марк навещал сестру, Селине удавалось украдкой его увидеть, и этого оказалось достаточно, чтобы увлечься всерьез.

Раяна поощряла интерес брата к подруге, и поддерживала Селину в мысли, что ее чувство взаимно. Как было бы здорово, если бы эти двое поженились, и тогда они вместе вернулись бы домой, в поместье, где зажили бы одной семьей. Девушка давно бы устроила им свидание, но все дело портили моральные принципы брата. Тот стоял на том, что не будет дарить напрасных надежд, не поговорив с опекуном Селины.

Постучав, в комнату зашла Амелия. Девушки тут же вскочили на ноги, сидеть на кроватях днем — не разрешалось. Леди Веста заметила смятое покрывало, и покачала головой.

— Кажется, кто — то совсем забыл о прогулке. Вам уже давно пора быть на первом этаже, с другими воспитанницами.

Девушкам пришлось последовать за наставницей. Как самые старшие, они пользовались большей свободой, но общий распорядок — един для всех. Тем более, болтать можно и на улице, главное, держаться подальше от чужих ушей.

Потратив остаток дня на размышления, Катрин решила, что в словах Ингвара есть смысл. Она действительно не может думать обо всех и каждом. В конце концов, у Арта есть дядюшка, с большим опытом в купеческих делах, как — нибудь справятся. В душе шевельнулось раскаяние. Зря она так, с Ингваром.

Следующий день шел своим чередом. Как обычно, с утра она навестила девочек, а после, планировала отправить письмо Арту. Не стоит тянуть с согласием. Но в ее планы ненавязчиво вмешались. У ворот пансиона ее догнал молодой мужчина.

— Прошу прощения, леди Браст. Мы не представлены друг другу, но могли бы вы уделить мне несколько минут?

Катрин остановилась, и с удивлением посмотрела на незнакомца. Все — таки чем южнее, тем более вольные нравы. Тем не менее стоит выслушать, тоже племянник одного из купцов?

— Мое имя Марк Ривс, я служу при посольстве его величества.

В голове пронеслись некоторые факты, сопоставить которые не составило труда.

— Вы брат Раяны, подруги моей дочери?

— Все верно, леди Браст, — мужчина коротко поклонился, — Насколько мне известно, вы являетесь единственным опекуном Селины?

— Допустим.

Марк волновался, но Катрин не спешила поддерживать беседу.

— Если бы вы позволили мне, навещать еще и вашу дочь, в качестве... в качестве...

— В качестве жениха? — иронично спросила женщина, но мужчина серьезно подтвердил ее слова.

Катрин огляделась, и вздохнула, улица не самое удобное место для подобных разговоров. С другой стороны, не

приглашать же его к себе. Как — то, слушая падчерицу, она представляла юношу, а не мужчину примерно своего возраста.

— Уважаемый лэйд Ривс, чтобы давать подобное согласие, я должна знать о вас чуть больше.

— Да, конечно, леди Брост. Если вы позволите проводить вас, то я с удовольствием отвечу на любые вопросы.

На самом деле Катрин планировала прогуляться в одиночестве, но разве будущее дочерей не должно быть на первом месте? Без особого удовольствия, она все же разрешила себя проводить.

Марк был старше своей сестры на десять лет. Его отец был младшим, из семи сыновей одного графа, поэтому не наследовал титул, но получил от своего отца неплохое поместье на границе Ирландии и Данбора.

В тот год, когда молодой человек только поступил на службу, родителей унесла лихорадка, и ему пришлось взять на себя воспитание семилетней сестры. Братья отца не стремились поддерживать родственные связи, поэтому Марк и Раяна остались совсем одни. Первое время юноша пытался брать сестру с собой, или нанимать ей няню. Но когда его перевели в этот город, он узнал о возможности, оставить сестру в закрытом пансионе, где бы она была под присмотром и в безопасности.

Раяна была согласна жить где угодно, лишь бы ближе к старшему брату. Марку приходится самому управлять поместьем, совмещая это с государственной службой, чтобы лет через десять получить титул барона. В таком графике почти невозможно найти себе жену, по крайней мере он так считал, пока не столкнулся с Селиной.

Девушка показалась ему на редкость очаровательной, и он решил попытаться счастья. Тем более, что Раяна расписывала свою подругу в самых ярких красках, не жалея похвал. И Марк утвердился во мнении, что Селина самая достойная девушка из тех, что он встречал.

Катрин слушала, стараясь не отвлекаться на свои мысли. Конечно, Марк не аристократ, но стоит ли уже гнаться за высшим обществом? Падчерице семнадцать, и если не выдать ее замуж за два — три года, то девушку ждет невеселая участь старой девы.

Мужчина производил неплохое впечатление, настроен серьезно, имеет перспективы на мелкий титул. А лично у нее перестанет болеть голова хоть об одной подопечной.

— Леди Катрин разрешила! Представляешь? — Селина впорхнула в комнату, и плотно притворила дверь.

— Что? — отвлеклась Раяна, перебиравшая в этот момент краски, и решая, какие из них совсем засохли.

— Твой брат разговаривал с моей мачехой, и та дала согласие, на наше общение! А сегодня она предупредила об этом леди Амелию!

Вторая девушка тут же отбросила свои дела, и радостно захлопала в ладоши.

— Как здорово! — но через миг, улыбка пропала с ее лица, — Как жаль, что он обещал быть теперь только через три дня... Как же это невыносимо долго.

Селина села рядом с подругой, и покрутила в пальцах баночку из под краски.

— Только о чем я буду с ним говорить? Он такой взрослый, умный, у меня не хватит смелости произнести ни слова.

— А это не так важно, — беззаботно отмахнулась Раяна, — Первое время я буду говорить за троих, пока вы привыкнете друг к другу. А потом ты и сама поймешь, что Марк не такой страшный, и перестанешь стесняться.

В дверь постучали, и в комнате возникла леди Амелия. Она цепким взглядом окинула воспитанниц, и убедившись, что в этот раз они чинно сидят на стульях, произнесла:

— Леди Раяна, ваш брат ожидает в комнате для гостей. Леди Селина, ваша матушка разрешила вам сопровождать подругу, когда ее навещают гости.

Просияв, девушки переглянулись, и наставнице пришлось добавить, чуть более строгим голосом:

— Только не забывайте о приличиях, юные леди!

Следуя за леди Вестой, Раяна все — таки не утерпела, и шепнула на ухо подруге,

— Вот видишь, он не утерпел, и специально пришел раньше, чтобы увидиться с тобой!

Как только девушки появились в зале для гостей, Марк крепко обнял младшую сестру, а затем поцеловал руку Селине. Та зарделась от смущения.

Раяна, верная своему слову, тут же принялась болтать о всякой ерунде. Ее подруга пока сидела молча, вспыхивая всякий раз, когда ловила на себе взгляд Марка. Мужчина пока тоже был немногословен. Давая своей сестре выговориться, он украдкой рассматривал Селину, находя ту все более милой. Замечая ее смущение, он не торопился втягивать девушку в разговор, давая той привыкнуть. Только один раз Марк не удержался, и воспользовавшись короткой паузой спросил,

— Леди Селина, а вы любите музыку?

— Да, очень. Но я не владею музыкальными инструментами, — едва произнесла она, не решаясь поднять взгляд.

— Зато она просто восхитительно поет! — тут же поспешила на выручку подруга. — Я ни у кого еще не слышала столь чудесного и чистого голоса!

— Надеюсь, и мне выпадет удача услышать, как вы поете, — улыбнулся мужчина, и вновь обратился к сестре, не желая вводить Селину в еще большее смущение.

Спустя час, прогуливаясь по широкой аллее, девушки негромко обсуждали свои впечатления.

— Я больше не выйду! Это было просто ужасно, твой брат наверняка решил, что у меня не в порядке с головой. Я смотрела на него, и забывала, как произносить слова.

— Зато он не сводил с тебя глаз, — поделилась наблюдением Раяна, — Он тоже мало говорил, сидит, сейчас, наверное, и сокрушается, вдруг ты подумала, что у него не в порядке с головой!

Не удержавшись, девушки рассмеялись.

Мимо с независимым видом прошла Эйрика. Взгляд девочки ничего не отражал, и Селина встревожилась.

— Эйрика, с тобой все в порядке? Ты хорошо себя чувствуешь?

Сводная сестра окинула ее безразличным взглядом, и не удостоив ответом, отвернулась.

— Какая — то она странная последнее время. Ходит задумчивая, почти не ест, хотя раньше на аппетит не жаловалась, не хочет разговаривать ни со мной, ни с Агатой. — с тревогой поделилась Селина.

— Может, ее кто — то обидел? Мне тоже кажется, что она последние дни сама не своя.

— Не знаю, хотя, она ни за что не скажет. Это в ее характере замкнуться, обидевшись на весь мир. Лучше к ней не лезть, пока она в таком настроении.

Эйрика шагала по аллее, удерживая локтями палку для осанки. По правде говоря, ей этот прибор был ни к чему, уж осанка у девочки была безупречной, но не ходить же с пустыми руками. Она очень ждала встречи с Рикардом, чтобы поделиться своей тайной, но он не пришел. Ни в тот день, ни на следующий. А ведь так хотелось увидеть, как он удивится, узнав, о ее планах. Ведь никто даже не догадывается!

Однако, наверное, ему это совсем не интересно. Зря она считала его своим другом. Ну и пусть. Эйрика судорожно вздохнула. Воин должен быть сильным, а она сильная, и смелая, и решительная. И друзья ей не нужны. Совсем.

Глава 35. Не ошибка

— Поставьте, пожалуйста, еще подпись здесь, и здесь. — канцелярист с крючковатым носом ткнул пальцем в верхний угол листа. Катрин молча подчинилась. Вот и все, с завтрашнего дня, в Торде ей ничего не принадлежит. Арт Гортель действительно дал за монополии и склады очень хорошую цену. Настолько хорошую, что перебить ее не сумел никто из купцов. Анри немного посетовал, что жаль заканчивать знакомство со столь приятной дамой, и выразил надежду, что они еще встретятся. Катрин мило кивнула, мысленно скрестив пальцы. Она планировала забыть этот город как страшный сон.

Они договорились, что Арт перечислит ей золотые, четыремя равными частями, одна часть раз в три месяца. И женщина решила, что ей это на руку. В конце концов, денег пока достаточно. Первая четверть дохода пойдет на приданое Селине, вторую и третью четверть она отложит для своих дочерей, а последнюю вложит в меблированные комнаты.

Кстати, о падчерице. Катрин задумалась, не слишком ли рано дала разрешение Марку ухаживать за Селиной. У них уже шло дело к помолвке, а ведь они знакомы всего ничего.

— Леди Катрин! — женщина обернулась. В этот раз северянин был пешком, и как ни странно, один. Зато, все в том же неизменном плаще. Катрин уже не в первый раз задумалась, как он переносит жаркое солнце, в столь плотной одежде.

— Ингвар, рада тебя видеть! — о размолвке она решила не вспоминать, какой толк, если это одна из последних встреч, если не самая последняя...

Какое — то время они шли молча. Мужчина не торопился, подстраиваясь под ее шаг, Катрин не спешила нарушать тишину, стараясь запечатать прогулку, глубоко в сердце. Так они дошли до перекрестка.

— Леди Катрин, — северянин наконец нарушил молчание, — Было бы большой дерзостью с моей стороны, пригласить вас к себе, но я бы хотел с вами переговорить.

— Мы можем зайти ко мне, — помедлив ответила Катрин, — Права на свой дом в Торде, я утрачу лишь через день.

Они ступили в прохладу бревенчатых стен, и Ингвар снял капюшон. Женщина украдкой разглядывала его лицо. Ей до покалывания в пальцах, захотелось коснуться его щеки, но она поспешила отогнать странное желание. Ингвар задержался у окна, затем сел напротив Катрин.

— Вы можете не больше не беспокоиться насчет Арта Гортеля. Он предупрежден, и теперь любое решение будет исключительно на его совести.

— Но вы же говорили, что это очень опасно, — Катрин понизила голос до шепота.

— Он узнал это не от вас, так что можете не беспокоиться, — и заметив ее тревожный взгляд, легко улыбнулся, — Поверьте, на ваше имя не пало даже тени подозрения. Арт достаточно смыслит в торговых делах, чтобы выбрать свой путь. Постарайтесь забыть об этом.

Катрин, помедлив, кивнула. Внутренний узел немного ослабил свою хватку.

— Вы рискнули жизнью, ради моего спокойствия? — ее голос дрогнул.

Ингвар поднял бровь, повторяя ее мимику, и снова улыбнулся.

— Звучит героически, но на деле, я мог сделать это раньше, не вступая с вами в бессмысленные споры. Разве может что — то грозить жителю дикой холодной страны?

Женщина смутилась, и закусила губу.

— Леди Катрин, оставим это в прошлом. Я искал вас по другому поводу, только не смотрите так испуганно. Все утро думал, как начать разговор, а сейчас все слова кажутся неподходящими.

— Скажите самую суть. А если не можете, начните с самого начала, — предложила Катрин. Ей было не столько важно, что собирался сказать северянин, сколько хотелось сидеть напротив, слушая его голос.

— Хм... Сначала... Если вас не утомит, я готов вести рассказ, хоть с великой зимы, длившейся тысячелетия, но так мне никогда не перейти к сути. Поэтому начну с более близких событий.

На моей родине, когда юноше исполняется семнадцать, он отправляется странствовать по свету. Чтобы, как у нас принято считать, остудить горячую кровь. За это время мы обходим полмира, служим на кораблях, и в охране, набираемся военного опыта в царствах великой пустыни. С возрастом кровь остывает, и родная земля начинает тянуть с невероятной силой. Лет через десять странствий, мы возвращаемся на родину, чтобы больше никогда не покидать ее, предоставляя молодым право испробовать этот мир на прочность.

Несколько лет назад, я взял под покровительство юношу с нашего острова, чтобы он освоился с новыми обычаями. Но в первые же дни, этот несдержанный на язык молодой человек сумел найти неприятности на наши головы.

Катрин улыбнулась, догадываясь, о ком идет речь, А Ингвар продолжил.

— По иронии судьбы, в стычке пострадал самый опытный воин, но зато это охладило пыл местных

молодчиков, которые хотя бы оказались знакомы с законами. Рикард, еще не зная различий между нашими и вашими обычаями, притащил меня в первый попавшийся дом. Решив, что раз он заперт — значит пустует.

Мне кажется, что сама богиня Аветта, проложила ему путь под ваш кров. К сожалению, рана еще доставила мне немало неприятностей, поэтому я продолжительное время оставался в столице, попутно улаживая малоинтересные дела.

Когда же столичный лекарь выпустил меня из своих цепких рук, я поспешил в Валену, чтобы еще раз увидеть вас. Но прибыл ровно в тот день, когда вы стали женой более везучего человека.

Я долгое время убеждал себя, что меня ведет лишь благодарность за спасенную жизнь. Ведь вы не только остановили кровь, но и промыли рану настолько хорошо, что она не отравила мою кровь. В противном случае, мне бы не добраться до столицы.

Когда вы вышли замуж, я решил, что самое разумное — забыть вас. Но мне не удалось этого сделать. Когда жизнь вашего мужа трагически оборвалась, я винил себя, что не смог этого предотвратить. И проявить к вам внимание в этот момент, было бы в высшей степени бесчестно.

Но ведь жизнь продолжается. Обязательства заставляют меня вернуться на родину, и в то же время я не могу оставить вас. Катрин, я не могу надеяться, чтобы вы полюбили меня столь же сильно, как я вас. Но несмотря на это, прошу вас — стать моей женой. Можете подойти к этому браку со всей вашей практичностью, выдвинуть любые условия, позвольте только быть с вами рядом.

Катрин прерывисто вздохнула, и сжала пальцы. Она чувствовала, к чему идет разговор, но ей не хватило мужества, прервать северянина до того, как будут сказаны последние слова. Теперь же требовалось дать ответ.

В душе шевельнулось желание, закрыть глаза на все условности и принятые нормы. Вечная благопристойность не сделает ее счастливой. А вот мужчина, который смотрит на нее горящим взглядом, и рядом с которым так надежно... Однако мысль о дочках отрезвила ее. Смогут ли девочки прижиться в чужой холодной стране, привыкнуть к иным обычаям? В первую очередь она мать, и не может быть такой эгоистичной.

Неведомым образом, Ингвар уловил мысли, отразившиеся в ее глазах.

— В Эрланге ваших дочерей примут, как моих. И повзрослев, они смогут выбрать себе мужей из самых достойных сыновей северной земли.

Женщина покачала головой.

— Ингвар, я...

Северянин крепко сжал ее руки.

— Не давайте ответ сейчас. Я не буду торопить вас. Обдумайте, прежде чем принять решение.

Он осторожно коснулся губами ее пальцев, и вышел.

День близился к вечеру, а Катрин все так же сидела, сжимая пальцами перстень с теплым янтарем. За эти часы она передумала многое, но впервые окончательное решение давалось с таким трудом. На одной чаше весов была ее собственная жизнь, будущее счастье, возможность каждый день видеть обращенные к ней любящие глаза. А на другой, вся жизнь здесь, имя, благополучие, а главное — понятное будущее для ее дочек.

Это в юности можно сорваться на край света, по велению души. Но как начинать все заново в середине жизни? И тем более, своими руками разрушить положение в местном обществе, которое выстраивалось многие годы.

Катрин до боли сжала кольцо, ощущая, как гладкий камень впивается в кожу. Она не сможет. Чтобы отправиться в далекий холодный край, нужна смелость, которой у нее больше нет. В пятнадцать лет, она могла решиться сбежать из дома, и выйти замуж за случайного незнакомого человека, который сбил ее на карете. Сейчас на ней ответственность не только за себя, но и за всю свою маленькую семью, и разве может она поступиться их интересами, в угоду своим?

Женщина опустила лицо в ладони, собирая остатки мужества на еще одну встречу, теперь уже точно — последнюю.

Насколько она помнила, северяне снимали комнаты в паре улиц от порта. Это деревянное здание, одно из немногих в Торде, имело второй этаж. Несмотря на удобное расположение, комнаты тут сдавали далеко не всем, и дело было даже не в деньгах, а в личном отношении владельца дома.

На первом этаже, в паре шагов от двери, за высоким столом сидел взъерошенный подросток. Катрин направилась к нему.

— Здесь проживает Ингвар Орн, мой старый знакомый. Я бы хотела его увидеть.

Парнишка пару раз сонно моргнул, словно осмысливая, что от него требуется. Женщина положила на стол пару золотых.

— Ааа... Северянин. Его комната на втором этаже, третья слева. — и паренек махнул рукой в сторону лестницы.

Катрин расценила этот жест, как разрешение пройти. Конечно, не стоит незамужней женщине самой приходить к одинокому мужчине, но она и так дважды вдова, и сейчас ей не до условностей.

— Только его нет, ушел около получаса назад... Но вы можете подождать в комнате, северяне редко запирают дверь.

Подошедшая, уже было, к лестнице, Катрин замешкалась. В смысле, подождать в его комнате? Здесь и правда так наплевательски относятся к малейшим мерам предосторожности? Но спустя миг сомнений, она все — таки поднялась наверх. Если уйти сейчас, то второй раз, ей уже просто не хватит решимости.

Дверь, и правда оказалась не заперта. На всякий случай, женщина постучала, но ожидаемо, ответа не получила. В комнате никого не было. Катрин опустила на лавку у окна, и с любопытством огляделась.

Почему — то она ожидала, что комната северянина должна напоминать берлогу. Шкуры на полу и стенах, оружие, паутина по углам... — здесь всего этого не было. Напротив, если бы не общая аскетичность, ей бы и в голову не пришло, что тут живет мужчина.

Узкая кровать у дальней стены — безупречно заправлена. Бумаги и письменные принадлежности на столе лежат в полном порядке. Ни пыли, ни грязи. Лавка, на которой она сидела, застелена мешковиной. Даже тонкие занавески на окнах, отличались чистотой.

В комнате неуловимо пахло сухими травами и мятой. Взгляд женщины привлекло странное украшение, у изголовья кровати. Не удержавшись, она подошла ближе. В круглой деревянной раме, причудливо переплетался узор из разноцветных нитей. Центр круга, и пересечение нитей украшались янтарными бусинами. Все вместе это выглядело красиво, и завораживающе.

В задумчивости, она провела пальцем по розовой нитке, соединяющей две бусины, затем коснулась голубой нити, которая тоже заканчивалась каплей янтаря. Внешне одинаковые нитки, казались совершенно разными на ощупь.

— Это Коос, переплетение судеб людей и богов, из которых рождаются новые миры. — неожиданно раздался за спиной глубокий звучный голос.

Катрин отдернула руку, и обернулась. Она совсем не слышала, как открылась дверь.

На пороге стоял Ингвар. Катрин смутилась, на какой — то миг позабыв, что привело её сюда.

— Молодой человек, у дверей, сказал, что я могу подождать в вашей комнате...

— Катрин, — северянин решительным шагом пересек комнату, и заключил её руки в свои. — Мой дом, мое сердце, мои корабли, в равной степени ваши. Раз вы здесь, значит я могу надеяться...

— Ингвар... — женщина попыталась отстраниться, но северянин только крепче сжал её руки. — Нет. Я пришла, чтобы попрощаться, я не готова, не могу иначе.

Мужчина всматривался в её лицо, словно надеясь по глазам прочесть больше, чем было сказано.

— Вы говорите не от сердца, — тихо произнес он, — Вас пугают иные обычаи, другой уклад жизни? Поверьте, моя земля не такая дикая, как принято здесь считать.

Катрин отвернулась, закусив губу. Болезненный ком в горле мешал говорить.

— Здесь мой дом, моё будущее. Благополучие моих детей. Я не готова менять это на неизвестность, — она замолчала, не в силах больше произнести ни слова.

Северянин, наконец, отпустил ее руки, и сделал шаг назад. Взгляд его потух, и теперь он смотрел поверх головы Катрин.

— Мне следовало догадаться самому, и не растить в душе лишние надежды. Простите, что заставил вас терзаться. Я вижу, что ваше сердце болит не меньше моего, и сожалею, что стал этому причиной...

Поддаваясь внезапному порыву, Катрин, впервые, сама сократила расстояние между ними, и прижалась к широкой груди мужчины. Только так она могла скрыть горячие дорожки слез, предательски стекающих по щекам.

Ингвар на миг замер, а затем бережно сомкнул руки, заключая женщину в свои объятия. Катрин казалось, что ее изнутри колотит озноб, ужасный холод, от которого ей никогда не избавиться. Она немного отстранилась, и ледяными пальцами коснулась щеки северянина. Его кожа была неожиданно горячей.

Мужчина вглядывался в ее лицо, желая запомнить до мельчайших черточек. Длинные темные ресницы, изогнутые брови, глаза, еще влажные от слез. Он мягко провел по ее щеке, словно удивляясь тонкой, и необычайно нежной коже, и не удержавшись, коснулся губами ее губ.

От неожиданности Катрин зажмурилась, но сама потянулась к северянину, отвечая на поцелуй. Условности и принятые нормы были забыты. Были лишь они двое...

Катрин открыла глаза. За окном расплзался предрассветный сумрак в ожидании первых солнечных лучей. Женщина встала, и стараясь не шуметь, подобрала с пола одежду. Зашнуровывая непослушными пальцами платье, она смотрела на плетеные узоры над кроватью, затем перевела взгляд на Ингвара. Таким она его и запомнит, безмятежно спящим, с выбивающимися прядями светлых волос.

В голове царила спокойная ясность.

Она сохранит эту ночь в своем сердце, и никогда не будет жалеть о том, что произошло. Неслышно ступая, Катрин подошла к столу, и написала на листе бумаги несколько слов. Затем, немного подумав, сняла с шеи цепочку, и положила ее вместе с кольцом поверх непросохших строчек.

Парнишка, на первом этаже, безмятежно спал, опираясь щекой на твердые доски стола, и не видел, как гостья, неслышно покинула этот дом. Дремавший на козлах извозчик, с недоумением посмотрел на даму с растрепанными волосами, которая пожелала отправиться в дорогу именно сейчас. Путь не близкий, но золотой тоже на дороге не валяется. Непрерывно зевая, он тронул лошадей, и карета начала мерное движение, прочь из Торда.

Глава 36. Следующий этап

Спустя несколько часов утомительная дорога оказалась позади. Еще утром Катрин казалось, что жизнь теперь станет пресной и бесцветной. Какой и была раньше, просто она предпочитала этого не замечать. Однако сейчас, женщина не могла не признать, что она переживет и это. В любом случае, жизнь продолжается, а для душевных ран, время — лучший лекарь.

Опуская губку в холодную воду, она смывала с себя пыль дороги, прикосновения прошлой ночи, собственную тоску. В дверь постучали.

— Леди Браст, вас желает видеть молодой господин, — раздался голос хозяйки меблированных комнат.

Катрин закусила губу. Неужели Ингвар все — таки последовал за ней? Но кажется, она ясно дала понять, что их пути расходятся. Еще одной встречи ее сердцу не выдержать.

— Передайте молодому господину, что я сегодня не желаю никого видеть.

За дверью послышались удаляющиеся шаги.

Закончив водные процедуры, женщина почувствовала себя бодрее, и принялась облачаться в свежее платье. По привычке она потянулась к кольцу, но на полпути рука остановилась, бессильно опустившись.

Снова раздался стук в дверь.

— Леди Браст, молодой человек настаивает, что ему нужно вас увидеть.

Катрин замешкалась. Обычно Ингвар не искал встречи слишком настойчиво, он просто появлялся рядом, словно из ниоткуда, когда она шла по своим делам.

— Хорошо, передайте ему, что я скоро спущусь.

Женщина не спеша разгладила волосы, и привычно скрутила их в низкий пучок. Не удержавшись, она бросила взгляд в зеркало. На непривычно бледном лице, горящие глаза выделялись черными углями. Немного пощипав щеки, чтобы придать лицу более здоровый оттенок, она спустилась по лестнице.

Хоть Катрин и не ожидала увидеть северянина, внутри немного кольнуло, что встречи действительно искал не он.

— Марк? Чем обязана?

— Леди Браст! — мужчина тут же вскочил на ноги, и коротко поклонился. — Я приходил вчера, но мне сказали, что вы отлучились из города.

— Мне нужно было уладить некоторые дела, — ответила Катрин, не вдаваясь в детали. — И так, я вас слушаю.

— Леди Браст, вы знаете, какие чувства я питаю к вашей подопечной. На днях я осмелился предложить девушке руку и сердце, и вчера она дала свое согласие.

Это известие вызвало у Катрин меньше эмоций, чем она ожидала. В душе женщина была готова к подобному повороту, хотя надеялась, что все произойдет не так быстро.

— Разве вы не должны были заручиться моим согласием, прежде чем предпринимать столь серьезный шаг?

— Разумеется, но... Я думал... Раз вы разрешили навещать Селину, значит, не имеете ничего против... — Марк потупился. Как он мог совершить такую оплошность, ведь знает же правила.

Женщина смягчилась, и махнула рукой. Что сделано — то сделано. Может и к лучшему, что все разрешилось без ее непосредственного участия.

— Хоть вы и нарушили порядок вещей, но так и быть, я позволяю вам жениться на моей воспитаннице.

Мужчина покраснел, но выдохнул с заметным облегчением. Катрин встала, показывая, что разговор окончен. Но, кажется, жениху Селины было еще что сказать.

— Леди Браст, не сочтите меня назойливым, но не следует ли нам обсудить организационные моменты?

Женщина вернулась на место, и сложив руки перед собой, выжидающе посмотрела на собеседника, всем видом показывая, что слушает. Чуть сбиваясь, Марк заговорил.

— Моя служба здесь продлится до весны, до этого срока я могу покинуть город не более, чем на день. Затем меня переведут в родной город, где я продолжу служить на благо короне. Между переводами мне будет дан небольшой отпуск, но я не уверен, что за столь короткое время возможно подготовить торжество.

Катрин подперла щеку ладонью, и устало посмотрела на мужчину.

— Я сегодня проделала долгий путь, и очень устала. Буду признательна, если скажете напрямую, что вам требуется от меня.

— В паре дней пути отсюда, мое поместье. Если бы вы нашли возможным отправиться туда вместе с моей сестрой, невестой, и младшими сестрами Селины, и взять на себя организацию...

— Вы хотите сказать, что предоставите свой дом леди, о которой ничего не знаете, и более того, отпустите с этой леди свою сестру — единственного близкого человека? Проблема тут даже не в вопросах морали, а в банальной безопасности. Как мужчина, состоящий на государственной службе, может быть таким беспечным?

Женщина произносила слова медленно, убеждаясь, что каждое из них достигает своей цели.

— Но я думал, что раз вы опекун моей невесты... Жена ее отца...

— То, по умолчанию, порядочный человек заслуживающий доверия? — иронично спросила Катрин.

— Леди Селина вас очень уважает, и высоко ценит. — Марк не решался поднять глаза на женщину, понимая, что разговор принял не совсем тот оборот, что он ожидал.

Катрин вздохнула.

— Мне нужно обдумать ваши слова. О своем решении — сообщу позже. А пока, кажется, вам пора.

Поклонившись, Марк поспешил уйти. Катрин постучала пальцами по столу. Ничего нового. Наивно было полагать, что с продажей торгового дела, можно будет отвлечься от забот. Кажется, заботы только начинаются...

Новость о том, что сразу четыре воспитанницы покидают ее пансион, необычайно огорчила леди Маер. Она попыталась уговорить Катрин оставить хотя бы младших дочерей, но не преуспела. И теперь девочки собирали вещи, прощались с подругами, и готовились отправиться в путь.

Неожиданно для себя, Катрин поняла, что привыкла к длительным переездам, по крайней мере дорогу она переносила намного легче, чем ее подопечные, которые успели устать всего спустя день пути.

Селина и Раяна уже не перешептывались, а смотрели в окно, терпеливо ожидая, пока дорога подойдет к концу. Агата время от времени засыпала, уткнувшись в материнское плечо, а просыпаясь, спрашивала, долго ли еще ехать.

И только Эйрика вела себя как истинная леди. Она молча сидела, выпрямив спину, и держала себя так, словно находится на не очень интересном приеме. Селина попыталась пошутить, над чрезмерно серьезным видом сводной сестры, но Эйрика ответила ей с чувством глубокого внутреннего достоинства.

Катрин присмотрелась к девочке повнимательнее. Неужели старшая дочка успела так повзрослеть за последние месяцы? Куда делся непоседливый нрав? Прежняя Эйрика крутилась бы на сидении, задавая тысячу вопросов, и вслух мечтая о будущих подвигах и приключениях. Эта же, напротив, вела себя спокойно, даже более взросло, чем Селина. Не кроется ли здесь какой — то подвох?

Но женщина поспешила отогнать смутные подозрения. Просто дочь наконец — то повзрослела. И те манеры, что вкладывались в девочку годами, дали свои плоды. Перед ней была настоящая юная леди, и это не могло не радовать.

Двухэтажный дом, с большими окнами утопал в зелени. За ним начинался большой сад, а дальше, по словам Раяны, располагались земли, за которые крестьяне регулярно платили аренду.

Навстречу прибывшим, вышла невысокая женщина, на местный манер одетая в темно — коричневое платье, и в тугом сером чепце. Она поклонилась, и обратилась к Раяне, ожидая распоряжений.

— Леди Браст, это Эмма, она следит за домом и порядком, в наше отсутствие.

— Эмма, леди Браст прибыла, чтобы заняться организацией свадьбы моего брата. Ее распоряжения должны в точности исполняться, так сказал Марк.

Пожилая женщина снова поклонилась, не произнося ни слова.

Катрин не могла не отметить, что за этим домом действительно следили. В нежилых комнатах мебель была закрыта чехлами, но даже здесь, судя по всему, регулярно проводилась уборка. Женщина подошла к окну, и окинула долгим взглядом фруктовые деревья, которые начинались сразу за домом. Не так уж и плохо, хотя и непривычно. Главное, чтобы здесь понравилось Селине, а что до нее, то после свадьбы она не собиралась здесь задерживаться.

В дверь постучали, и на пороге появилась Раяна.

— Леди Катрин, вещи уже занесли в комнаты, теперь нужно распорядиться, чтобы готовили обед.

Катрин оторвалась от окна, и с любопытством посмотрела на девушку.

— Распорядись, ты же здесь хозяйка.

Раяна смутилась.

— Да, но... Я не умею. Когда мы приезжали сюда с Марком, распорядился он... А я даже не знаю, как это происходит. Эмма говорит, что кухарка ждет моих указаний, но каких? Разве нельзя просто приготовить обед, как обычно.

Катрин вздохнула.

— Что ж, пойдем учиться распорядиться, и позови Селину, надеюсь совместными усилиями вы справитесь.

Кухарка оказалась молодой полной женщиной, с веселыми ямочками на щеках. И довольно толковой, на взгляд Катрин. Обед и без лишних указаний был почти готов, но следовало решить, какие продукты закупить, в каком количестве, и согласовать меню, которое устроит прибывших.

Раяна и Селина вопросительно посмотрели на Катрин.

— Селина, неужели забыла, как ведутся подобные дела? — легко улыбнувшись, поинтересовалась мачеха.

— Ну... Здесь же, наверное все по другому? — неуверенно произнесла падчерица.

— Ничего подобного. Особой разницы нет, а если и есть, ты быстро поймешь, что к чему.

С подсказками, и советами, девушки все — таки справились с поставленной задачей, и покинули кухню смущенные, но довольные собой.

— Уух, какая все — таки леди Катрин строгая, но как же она во всем разбирается! — выдохнула Раяна, когда их уже не могли слышать.

— Представь, как воспитывают аристократок, если они знают и умеют вообще все. Леди Катрин же тоже росла в замке.

— По мне, так это ужас какой — то. Как хорошо, что мы родились не в таких важных семьях. Подумай только, сколько бы пришлось учиться!

Девушки переглянулись, и весело фыркнули.

Глава 37. Предсвадебные хлопоты

Как и ко всем делам в своей жизни, к подготовке свадьбы падчерицы, Катрин подошла со всей ответственностью. Несмотря на два брака, лично в ее жизни ни разу не было, ни белого платья, ни настоящего торжества. Однако, в целом женщина представляла, как все должно быть устроено. И для начала следовало составить план действий.

— У вас есть родные, которых вы бы хотели пригласить?

Раяна переминалась с ноги на ногу.

— У нас вроде есть дяди, но это лучше Марк знает, да и вряд ли они ответят на приглашение.

— Я бы хотела, чтобы Марта тоже была... — тихо произнесла Селина.

— Само собой, я уже отписала Нитте, чтобы она помогла Марте собраться в дорогу. В ее возрасте, такой длинный путь займет больше времени. Но думаю, она обязательно прибудет, — ответила Катрин, надеясь про себя, что на обратную дорогу кухарка уже не решится.

С гостями, со стороны невесты, было все более чем ясно. Мачеха, сестры и верная Марта. А вот со второй половиной гостей — со стороны жениха, такой ясности не наблюдалось. Раяна так и не смогла дать четкий ответ, и Катрин поставила мысленную заметку, написать Марку. Или, еще лучше, чтобы жених сам решил вопрос с приглашениями, сообщив лишь, сколько человек ждать.

Пока решался вопрос с гостями, следовало позаботиться и о нарядах. Катрин пришлось собрать все свои моральные силы, чтобы вывезти девочек в центр ближайшего города, на снятие мерок. И почему здесь нет обычая, приглашать подмастерьев на дом?

После долгих споров с модисткой относительно фасона, выбрали изящное белое платье, с кружевными вставками. Селина почти не вмешивалась в обсуждение, позволив принимать решение за нее. А вот Раяна заявила, что хочет золотисто — желтое платье, под цвет волос.

— И я буду в нем, как солнышко.

— Может все — таки зеленое? Ближе к изумрудному, чтобы сочеталось с цветом твоих глаз? — дипломатично предложила Катрин.

— Но ведь желтый, такой теплый цвет, — неуверенно возразила Раяна. Леди Катрин все еще вызывала у нее трепет.

— Пусть будет в желтом, — вмешалась Эйрика, — Как блин с маслом, и веснушки так лучше заметны.

За последние дни, это был один из немногих случаев, когда девочка заговорила, но мать поспешила урезонить ее.

— Эйрика, что за слова! Может лучше подумаешь над своим нарядом? И оставишь за Раяной право, прокомментировать твой выбор в таком же тоне?

Вопреки обыкновению, девочка не надулась, а спокойно посмотрела на мать, подняв бровь.

— Самое красивое платье пусть будет у невесты. Мне подойдет любое, чем проще, тем лучше.

— Эйрика, а я хочу, чтобы мои сестры были в красивых платьях, — вмешалась Селина, стоящая на низкой табуретке, с поднятыми руками. — Неужели ты не хочешь выглядеть, как аристократка?

— Селина, — произнесла девочка, снисходительно глядя на сводную сестру, — Когда буду выходить замуж я, тогда пусть мне и шьют богатое и роскошное платье. А сейчас нет смысла, тратить на это золотые.

— Когда ты будешь выходить замуж? — развеселилась девушка. — Ты? Замуж? В тебя что вселилось, Эйрика? Неужели твои планы на будущее приняли более мирный вид?

Девочка не сочла нужным отвечать. Она подняла руки, позволив снять мерки с талии, и повторила, что платье должно быть неброским.

Катрин решила не спорить. Для нее, сегодняшний день стал настоящим испытанием на прочность. А ведь еще предстояло заказать украшения для невесты, новые туфельки.

Платье для Агаты было выбрано совместными усилиями Селины и Раяны. Им непременно хотелось, чтобы девочка была одета, как настоящая леди, в очень пышное платье, и с этим Катрин тоже спорить не стала. Себе она выбрала строгий закрытый наряд, в синих оттенках. Не ярко, но и не слишком мрачно для свадьбы.

После некоторых раздумий, Раяна согласилась на зеленое платье. Конечно больше хотелось желтое, но почему бы не довериться вкусу леди Катрин.

Пришло письмо от Марка, он сообщал, что пригласит двух друзей детства, и одного юношу, с которым вместе служит. О родственниках не было ни слова, и Катрин решила, что это не ее заботы.

Время летело с ужасающей скоростью. До свадьбы — месяц. Уже позади остались две примерки платьев, и через пару недель следовало ехать за готовыми. Прибыла Марта, вызвав неподдельный восторг Селины.

Несмотря на уговоры, пожилая женщина заняла привычное место на кухне, потеснив местную кухарку, с

которой, они вроде, даже сумели найти общий язык.

Катрин было не до Марты. Следовало украсить дом, подготовить гостевые спальни, составить меню. Вопреки ожиданиям, помощницы из девчонок были никакие, и под вечер Катрин падала в кровать, выбившись из сил. Она теряла счет, сколько раз приходилось ездить в ближайший город и обратно. Сколько всего нужно было посчитать, заказать, проверить. Вести дела в Торде было ощутимо легче, но даже подумать об этом не хватало времени.

Участие жениха было исключительно финансовым. И у Катрин иногда проскальзывала мысль, что она тоже предпочла бы откупиться деньгами, лишь бы кто — то взял часть забот на себя.

Местная кухня была изобильна, но не отвечала вкусам Катрин. Фрукты сами по себе хороши, но кто придумал запекать птицу с грушами? Или добавлять в тушеные овощи зеленые яблоки. Женщину мутило от одного вида запеченных фруктов, но видимо, на вкусах местных жителей сказывалось обилие садов.

Второй напастью стал тмин. Им щедро сдабривали мясо, некоторые блюда, и даже хлеб. Спустя пару недель, даже один запах этой специи стал вызывать стойкое отвращение. Пришлось распорядиться, чтобы ей готовили отдельно, простое пресное мясо, без тмина, а самое главное, без фруктов.

Из домочадцев только Эйрика разделяла вкусы матери. Правда обилие специй она не замечала, но вот печеные фрукты... Даже при виде этих рыхлых кусочков на тарелке, к горлу подкатывал противный ком. Да и вся эта кисло — сладкая еда, по мнению девочки, была так себе. Почему нельзя питаться просто, без соусов, специй? Мясо, рыба, хлеб, сыры — хороши сами по себе, а если пытаются перебить вкус, значит прячут тухлятину. Но свои мнением она предпочитала не делиться.

В один из дней, женщину после завтрака выловила Раяна.

— Леди Катрин, а когда мы поедем забирать платье?

— Через две недели, как и оговорено, — не останавливаясь ответила Катрин, которая в этот момент проверяла сервировочные салфетки.

— Так прошло уже две недели, и один день.

Женщина распрямилась, и прикинув мысленно даты, охнула. Она совсем потеряла счет дням. Однако, как можно было забыть про платье невесты! Это не Валена, записок с напоминаниями ждать не приходится. Пришлось отложить часть дел, и отправляться в салон модистки.

Свадебное платье выглядело очаровательно. Не было лишних деталей, которые бы отвлекали от лица девушки, напротив, каждый элемент только подчеркивал природную красоту невесты.

Селина смотрела на себя в зеркало, и боялась дышать, слишком волшебным было отражение. Даже первое бальное платье не шло ни в какое сравнение с этим чудом. И в этом наряде, она проведет свой самый счастливый день!

Катрин тоже осталась довольна, падчерице платье было к лицу, главное проследить, чтобы оно дожило до торжества. Оставалось надеяться, что девушке теперь хватит жизненного опыта, не бежать в платье на кухню.

Подошла очередь остальных девочек примерить наряды. Агата, в пышном платье, походила на облачко, вызвав умиление Селины. Эйрика выглядела проще, но держалась с таким достоинством, что казалась старше своих лет.

Больше всего восторженных восклицаний, было от Раяны. Она крутилась перед зеркалом в нежно — изумрудном платье, и не могла успокоиться. Кто бы мог подумать, что зеленое ей так к лицу? Решено, теперь все платья будут зелеными, и комната, ленты для волос.

А вот Катрин, ее торжественное платье, не пришлось по душе. Да, красиво, изящно, но сидит неудобно. Кажется, она совсем отвыкла от подобных нарядов. Да еще девушка — служанка, видимо желая угодить, затянула корсет на совесть, да так, что для каждого вдоха приходилось делать усилие.

К счастью, примерка подошла к концу, большие коробки с платьями погрузили в карету, и теперь одной заботой стало меньше.

— Сегодня приедет Марк!

Взявшись за руки, Селина и Раяна закружились по комнате. Их неподдельная радость передалась и Агате, которая тут же была принята в общий круг.

— Эйрика, иди к нам? — Селина на миг отпустила подругу, и протянула руку сводной сестре.

Сидевшая у окна Эйрика, на миг оторвалась от книги, и покачала головой.

— Спасибо, но предпочту остаться на своем месте.

— Когда ты успела стать такой серьезной?

— Тогда же, когда вы успели стать такими легкомысленными, — в тон ей ответила девочка. И с усиленным вниманием погрузилась в книгу, демонстрируя, что ей нет дела до разных глупостей.

Раяна бросила взгляд на обложку. Там золотыми буквами красовалось название, — “Навигация по звездам”.

— Разве тебе это интересно?

— Разумеется, — ответила Эйрика, и встала, — Но пожалуй продолжу чтение в более тихом месте. Не отвлекайтесь.

— И какая муха ее укусила? — удивилась Селина.

— Не бери в голову, просто строит из себя взрослую. Лучше побежали на второй этаж, оттуда хорошо видно дорогу, и мы сразу заметим, когда приедет карета!

Но заболтавшись, карету они все — таки пропустили, и пришли в себя, только когда долгожданный гость появился на пороге комнаты.

— Марк! — первой вскочила Раяна, и собралась было броситься навстречу брату, но в последний момент передумала, — Сперва ты должен обнять невесту!

Селина порозовела и тоже подошла ближе. Жених был по сердцу, но преодолеть смущение, в его присутствии, пока не удавалось. Улыбнувшись, Марк притянул к себе хрупкую девушку, на миг ощутив, как колотится ее сердце.

Первые минуты встречи прошли, и пора было всем спуститься в столовую. Раяна засыпала брата вопросами, от которых Марк шутя отбивался. Селина пока молчала, незаметно любуясь женихом. Как же так вышло, что больше года назад, после бала, ей казалось, что жизнь кончена, и ничего больше не будет? А ведь жизнь только начинается. Как же все — таки хорошо, что принц так ее и не нашел...

Катрин стояла у окна, вдыхая прохладный ночной воздух. Завтра ее падчерица выйдет замуж. И наконец — то можно будет вернуться домой. Здесь было неплохо, но более жаркий климат, местная кухня и обычаи — порядком ее утомили. Настроения праздника не было, только чудовищная усталость, и желание выспаться.

Однако были и положительные стороны. Погруженная в предсвадебные хлопоты, она почти не думала об Ингваре. Точнее думала, но как — то отстраненно, заставляя себя переключаться на более близкие вещи. Наверняка, северянин проделал уже большую часть пути до Эрланга, и быть может, тоже иногда вспоминает о ней.

Может, она все — таки поторопилась с решением? Женщина закусила губу. Нет. Она поступила верно, как и должна была. Пусть любовь и счастье достаются юным, беззаботным девушкам, вроде Селины. А ее молодость успела пройти за бесконечными заботами. И теперь, для нее счастье заключается лишь в одном — в благополучии дочерей.

Глава 38. Свадьба

С первыми лучами солнца Катрин уже была на ногах. Впервые, за последние недели, она позволила себе не спеша выпить чай, наслаждаясь утренней тишиной. Неужели, скоро наступит размеренная спокойная жизнь, лишенная суеты? Даже не верится. Она вернется в родной город, вместе с дочками, и жизнь станет такой, какой была несколько лет назад, до брака. Правда, теперь у нее будет замужняя дочь, а еще — благосостояние. По крайней мере, медяки считать не придется.

Скоро начнет просыпаться дом, а пока, можно еще раз проверить, что все готово к празднику. Двигаясь плавно и бесшумно, женщина обошла гостевые комнаты, заглянула на кухню, где проснувшиеся кухарки, только разводили печь, заменила воду в вазе с цветами, и пришла к выводу, что все, и в самом деле, готово.

На сборы невесты отводилась первая половина дня. В обед прибывали гости со стороны жениха, а также чиновник, чей выезд, Катрин оплатила отдельно. В саду уже была готова арка, украшенная белыми цветами, под которой молодые, через несколько часов принесут свои клятвы.

Марка, совместными усилиями, выгнали на первый этаж, чтобы он ненароком не увидел невесту, и теперь мужчина скучал там, в полном одиночестве, ожидая приезда гостей.

На втором этаже стояла атмосфера общей торжественности. Первым делом, следовало облачить невесту в свадебное платье. Селина стояла бледная, от волнения, и только поворачивалась, следуя указаниям мачехи. Одевание происходило послойно, с большим вниманием к каждой детали, и казалось, что этим деталям не будет конца.

— Может, к платью приколоть розу? — предложила Раяна, любуясь подругой, — Я быстро, сбегая в сад.

— Нет, нет! — решительно заявила Катрин, выпроваживая помощниц, — Цветы будут лишними. К тому же, остается не так много времени, а вам тоже пора переодеться.

Девочки надулись, но спорить бессмысленно, пришлось подчиниться.

Катрин накинула на плечи падчерицы платок, чтобы не испортить платье, и принялась разбирать волосы девушки на отдельные пряди. Пришло время заняться прической.

— Принято, чтобы волосы невесты, перед свадьбой, убирала старшая родственница, по женской линии, — пояснила она.

— Может, все — таки Раяна поможет? Вам ведь тоже нужно успеть переодеться?

Катрин неуловимо улыбнулась, начиная плетение.

— Я успею, мне нет смысла долго прихорашиваться, как юным особам. К тому же, я хотела поговорить с тобой, без свидетелей.

Селина напряглась, и машинально выпрямила спину. Неужели она успела сделать что — то не так?

Мачеха, тем временем, продолжала.

— Сегодня, ты выходишь замуж, и станешь частью другой семьи. Брак накладывает многочисленные обязанности на обоих супругов, но есть еще одна сторона семейной жизни, к которой ты должна быть готова...

Катрин говорила, переплетая пряди волос, и подкалывая локоны шпильками. Селина постепенно заливалась краской, опустив взгляд на сплетенные пальцы.

— Леди Катрин, вы же говорите не всерьез? — после небольшой паузы пробормотала девушка, не решаясь поднять взгляд.

Женщина хмыкнула, не отрываясь от работы.

— Если тебе это не по душе, то свадьбу еще не поздно отменить. А вот когда вы обменяетесь клятвами — пути назад не будет.

Селина неуверенно покачала головой, но промолчала.

— Когда я выходила замуж в первый раз, со мной никто об этом не разговаривал. Но все же лучше знать, чем оставаться в неведении. Мой совет — пока не думай об этом. Ты выходишь замуж за того, кто тебе по сердцу, и все может оказаться не так, как ты это сейчас воспринимаешь.

Распахнулась дверь, и на пороге появилась Раяна, в любимившемся зеленом платье. Глаза её блестели, а волосы все еще находились в беспорядке.

— Там уже гости прибыли, Марк помогает им разместиться!

— Мы уже почти закончили, — произнесла Катрин, поправляя тонкую прядь, обрамляющую лицо невесты.

Раяна заметила, что щеки подруги пылают, но при леди Катрин не решилась спросить Селину, в чем дело. К счастью строгая леди, закончив с прической, отправилась в свою комнату, и Раяна тут же подседа к подруге поближе.

— Селина, какая же ты все — таки красавица! — восхищенно произнесла она, рассматривая будущую сестру, — Слово принцесса! — и оглянувшись на дверь, шепотом добавила, — Только слишком задумчивая... Что

случилось?

Девушка тоже оглянулась на дверь, и закусила губу. Стоит ли делиться с Раяной? Не зря, наверное, мачеха предпочла говорить без посторонних ушей. Но с другой стороны, Раяна ее подруга, и они договаривались, что между ними не будет тайн. Да и обсуждать подобные вещи с подругой, все — таки легче. Селина смущенно кашлянула, и пересказала разговор с мачехой.

— Глупости какие, — рассмеялась Раяна, но через миг задумалась, — Хотя леди Катрин не из тех, кто стал бы так шутить. Она, всегда говорит только серьезно... Хочешь, я скажу Марку, что ты всегда будешь спать только в моей комнате?

Теперь уже Селина не удержалась от смешка.

Продолжить разговор им помешал стук в дверь.

— Нельзя! Нельзя смотреть на невесту! — всполошилась Раяна, бросаясь к двери.

— Не слишком и хотелось, — раздался из — за двери голос Эйрики. — Мама велела передать, что ждет вас на первом этаже. Пора начинать.

Солнечные лучи отражались от гладкой ткани свадебного платья, из — за чего невеста казалась окутанной сиянием. Она медленно шла по ковровой дорожке, расстеленной прямо поверх травы. Впереди, у арки, уже ждал жених. Ей казалось, что сердце колотится слишком громко, заглушая внешние звуки, и пение птиц. Раяна ободряюще улыбнулась, но девушка сейчас не видела ничего и никого. Слишком велико было волнение.

Жених сделал шаг навстречу, и протянул руку, пальцы Селины были ледяными. Марк не мог оторвать от невесты восхищенного взгляда. Девушка и раньше была мила, а сейчас, вовсе казалась неземным созданием.

В звенящей тишине, особенно громко зазвучали слова чиновника, который не проникаясь моментом, просто выполнял свою работу. Молодые повторяли слова клятвы, не сосредотачиваясь на смысле, они сейчас видели только друг друга.

Катрин смотрела на них, с растущем чувством нежности. Пусть Селина ей не родная, но все же дочь. Как же хорошо, что девушка встретила того, кто смотрит на нее горящим взглядом, так же, как и на саму Катрин смотрел... — усилием воли она заставила себя не продолжать мысль, но по щеке скатилась слеза. Нет, вовсе не из — за воспоминаний, скорее причиной была торжественность и трогательность момента.

Марк осторожно поцеловал свою, теперь уже жену, после чего раздались аплодисменты, и пришла пора поздравлений. Официальная часть закончилась.

— Леди Катрин, позвольте за вами поухаживать? — обаятельно улыбаясь, один из друзей жениха, придвинул блюдо, и положил на тарелку женщине запеченное мясо, и немного рагу.

Катрин медленно выдохнула, и нашла в себе силы, с милой улыбкой поблагодарить молодого человека, уже не в первый раз убеждаясь, что в местном обществе, правила хорошего тона знают на редкость выборочно.

Она украдкой взглянула на тарелку, но аппетита так и не появилось. Напротив, от запаха специй сводило скулы, приходилось ровно дышать, чтобы сдержать приступ тошноты. Сказывалась, видимо, многодневная усталость.

Придавала сил лишь мысль о том, что основные хлопоты подошли к концу. Еще пару дней можно пожить здесь, в качестве гостей, а затем — домой. И уже дома придется окунуться в новые заботы, идея о сдаче комнат требовала воплощения, а значит, тихая, спокойная жизнь, наступит не скоро.

Праздник продолжался, Раяна заняла музыкальный инструмент, и Марк тут же воспользовался случаем, чтобы пригласить молодую жену на танец. Селина держалась уже намного бодрее, и танцевала заметно лучше жениха. Один из молодых людей пригласил на танец Эйрику, и та, с видимой неохотой согласилась.

Катрин сменила за роялем Раяну, чтобы девушка могла тоже принять участие в танцах. Несмотря на то, что последний раз женщине доводилось играть очень давно, стоило сесть за инструмент, как пальцы сами вспомнили движения. В атмосфере общего веселья никто не замечал невольных ошибок в нотах, но Катрин чувствовала, что игра идет не так гладко, как раньше. Мелькнула даже мысль, что нужно возобновить занятия музыкой, но внутренний голос напомнил, что вряд ли она сумеет выделить для этого свободное время.

После танцев, завязался оживленный разговор, и Катрин незаметно покинула общий зал, она и так сделала больше, чем должна была.

Несмотря на бесконечную усталость, сон никак не хотел приходиться. Женщина лежала, укрывшись одеялом, и прислушиваясь к собственному сердцебиению. Внутреннее беспокойство не отступало, хотя для него и не было внешних причин. Дверь тихо скрипнула.

— Еще не спишь?

— Не сплю, — шепотом отозвалась Катрин, узнавая голос Эйрики. — А вот тебе давно пора. Кажется, уже

глубокая ночь.

— Не такая уж глубокая, — ответила девочка, присаживаясь на кровать матери, — Все совсем недавно разошлись по комнатам. Можно, я посижу тут, с тобой?

Катрин приподнялась, и внимательно посмотрела на Эйрику. Та выглядела задумчивой, и немного огорченной.

— Тебя что — то тревожит?

— Все в порядке. Просто захотелось побыть рядом.

— Скоро все будет, как прежде, — пообещала Катрин, — Мы вернемся домой, и снова будем жить втроем. Ходить на прогулки, читать книги. Как тогда, до моего брака с Теодорием.

Эйрика тихо вздохнула, и погладила мать по руке.

— Засыпай, ты наверное очень устала.

Катрин, в ответ, сжала руку дочери. Наступившая тишина не тяготила, напротив, к чему были слова, если и так все понятно. Одни мысли, в голове, сменяли другие, и незаметно для себя, женщина погрузилась в сон.

Девочка еще какое — то время сидела, прислушиваясь к мерному дыханию матери, чувствуя, как сжимается горло от сдерживаемых слез. Она тихо наклонилась, и коснулась руки Катрин губами.

— Я люблю тебя, мама. Надеюсь, ты когда — нибудь сумеешь меня простить...

Глава 39. "Такая жизнь не для меня"

По выработавшейся привычке, Катрин проснулась на рассвете. Но в этот раз, ее разбудило острое чувство голода. Вспомнив, что за вчерашний день, она ограничилась лишь чашкой утреннего чая, женщина решила спуститься на кухню. Все равно, гости проснутся поздно, и завтрак будут подавать ближе к обеду.

Во всем доме стояла сонная тишина. Проходя, Катрин поправила подвявший букет в вазе, надо не забыть, сменить для него воду. Но позже, после завтрака.

На кухне день тоже только начинался. Уже пахла дымом затопленная печь. Молодая кухарка перебирала яблоки, а Марта что — то негромко рассказывала ей, утирая глаза уголком фартука. Завидев леди Катрин, обе вскочили на ноги. Женщина не успела произнести и слова, как к ней на шею бросилась Марта.

— Леди Катрин, голубушка! Я и не чаяла, что доживу до такого счастливого события! — бормотала она, всхлипывая. — Вы всегда так пеклись о Селинушке, и жениха ей хорошего нашли, доброго, порядочного, богатого!

От неожиданности Катрин замерла, не сразу находясь, что ответить, однако кухарке и не требовался ответ. Она выпустила опешившую леди, и продолжала.

— Селина же как цветочек росла, я боялась, зачахнет вдали от дома, а ей новое место по сердцу пришлось. И подруга у нее хорошая, а уж муж то! Говорит мне вчера, — “Марта, к чему тебе по королевству мотаться, оставайся жить в нашем доме, и Селина скучать не будет, и тебе спокойнее.” Вот он какой человек, и о спокойствии жены заботится, и обо мне, старухе, не забыл. А уж вы, все в заботах крутились, благополучие моей девочки устраивая, а я еще и сердилась на вас, дура старая! Простите меня! Не всякая родная мать столько ради деток сделает, сколько вы ради Селины старались!

От переизбытка эмоций, дальше Марта говорить не смогла, закрыв лицо мокрым от слез фартуком. Катрин, наконец, смогла усадить ее на место.

— Все же хорошо, Марта, — неуверенно произнесла она, не зная, как реагировать на столь бурные эмоции, — И Марк правильно говорит, вам рядом с Селиной спокойнее будет. Оставайтесь, только слезы лить не надо, а то еще хозяева дома решат, что вам здесь плохо.

В ответ на ее слова, Марта ожесточенно принялась тереть глаза фартуком, от чего, и без того красное лицо, стало совсем бордовым.

— Мне здесь не плохо, а слезы от радости. Селина, девочка моя, теперь замужняя дама, а ведь когда — то я ее на руках качала, совсем крошкой!

Забыв о том, что хотела подкрепиться, Катрин поспешила покинуть кухню. Меньше всего ей хотелось утешать Марту, хорошо, что та остается здесь.

Немного подумав, женщина отправилась прогуляться по саду. Не так уж тут и плохо, особенно, когда не надо куда спешить. А завтра — в дорогу. Несколько томительных дней, и они будут дома! Катрин не знала, радуется ли ее, возвращение в тихое “болото”. Последние месяцы были наполнены событиями, но стоит вернуться в город, как наступит привычная, размеренная, скучная жизнь.

Женщина вздохнула. Интересно, северяне уже достигли Эрланга? Скорее всего да, и теперь даже случайная встреча невозможна... Стало грустно, но это была уже не тоска, а привычная печаль. Почему Ингвар не родился на ее земле, или почему они не встретились пятнадцать лет назад, когда она была совсем свободна... Какой смысл думать об этом, и тем более жалеть. Жизнь продолжается.

— Леди Катрин, вот вы где! — из — за деревьев показалась раскрасневшаяся Раяна. — Уже все встали, обед собирают. Марта сказала, что вы в саду, вот Марк и отправил меня за вами.

— Я думала, что гости поднимутся гораздо позже, — произнесла Катрин, направляясь к дому, вместе с девушкой.

— Некуда позже, и так обед чуть не проспали, — весело объяснила Раяна, — А ведь еще катания!

Катрин задумчиво кивнула. Катания, на второй день свадьбы, были чисто местной традицией. Новоиспеченные супруги, в сопровождении друзей, должны были проехать под тремя арками, и через три моста, и каждый раз следовало бросать в окно монету. Смысл этой традиции был непонятен, но женщину вполне устраивало, что ее участия не требуется.

На стол еще не накрыли, но почти все обитатели дома уже собрались на первом этаже. Шло веселое обсуждение, где искать третий мост, так как прошлый смыло половодьем. При виде Катрин, молодые люди дружно кивнули, и стали держать себя более сдержано.

Агата что — то негромко пересказывала Селине, и та, улыбаясь кивала. Катрин окинула внимательным взглядом присутствующих.

— Одна Эйрика еще спит?

— Я сейчас ее разбужу, — Раяна весело устремилась к лестнице, но Катрин поспешила ее остановить.

— Время еще есть, я сама схожу за ней.

Старшей дочери, действительно, доставалось меньше всего внимания, и женщина хотела начать это исправлять. Наверное, Эйрика вчера засиделась у нее слишком долго, и поэтому сейчас просто не услышала, как просыпается дом.

Катрин поднялась по лестнице, и постучала, на случай, если девочка уже поднялась. Ответа не было. Тогда женщина неслышно приоткрыла дверь, и вошла в комнату.

С первого же взгляда стало ясно, что Эйрики здесь нет. Кровать была заправлена, но шторы закрыты. Неужели дочь встала еще до рассвета? Если так, то может поискать ее в библиотеке, куда еще она могла отправиться в такую рань?

Катрин торопливо спустилась по лестнице.

— В библиотеке никого не было... — растерянно произнес Марк, — Я заходил туда утром.

— Может она гуляет в саду? — предположила Раяна, — Помните, она и в пансионе выбиралась на прогулку, чуть свет.

— Я бы ее там заметила, — севшим голосом отозвалась Катрин. Сердце сжалось от липкой тревоги.

— Значит она все — таки обнаружила чердак, — веселым голосом заметила Селина. — Помните, как у нас дома, наверное сидит там, с какой — нибудь книжкой, вот и не услышала, что все встали.

Ее слова немного разрядили обстановку.

— В самом деле, — проговорил Марк, — Раяна, посмотри на чердаке, Дик, Алекс, проверьте гостевые комнаты. Витор, обойдешь еще раз сад? А мы заглянем на кухню, и на второй этаж. Никуда она не могла деться, дальше дома.

Катрин кивнула, но мрачное предчувствие не покидало. Почему — то казалось, что поиски не увенчаются успехом. Так, собственно и вышло.

— Она не могла специально спрятаться? — неуверенно предположил Алекс, — Чтобы побыть одной, например.

— На нее не похоже, — задумалась Селина, — Но она вполне могла уснуть, где — нибудь с книжкой. Последнее время она читала так много, словно собралась пойти в преподаватели.

После недолгих раздумий, было решено, еще раз тщательно обыскать комнату. Хотя очевидно, что Эйрики там нет, но вдруг появятся зацепки, где ее искать.

Комната оставалась все так же пуста. От приоткрытого окна тянуло легким сквозняком, Раяна решительным движением раздвинула шторы, и солнечные лучи тут же рассыпались по комнате. Прятаться тут было решительно негде.

Агата даже заглянула под кровать, но разумеется, сестра там не отыскалась, зато обнаружился тонкий лист.

На сероватой бумаге, торопливым убористым почерком теснились строчки.

“Вся эта жизнь, с приличиями и правилами — не для меня. Я отправляюсь путешествовать, чтобы самой увидеть все те чудеса, о которых пишут в книгах. Мама, если ты это читаешь, не сердись, но из меня никогда бы не вышло такой леди, как ты. Агата, можешь забрать мои ленты, мне они больше не нужны. Селина, прости, что не осталась на второй день. Искать меня не нужно, когда — нибудь вернусь сама. Я вас люблю. Эйрика.”

В груди резко отдалось болью, Катрин попыталась сделать вдох, но не смогла. Все вокруг начало расплываться. Стоявшая ближе всех, Раяна, первой успела подхватить леди Катрин, прежде чем ту покинуло сознание.

Глава 40. Возвращение домой

Закончив считать пульс, лекарь достал из сумки пару баночек из темно — зеленого стекла. Задумчиво взвесив их, он открыл ту, что поменьше, и добавил несколько капель в воду.

— Не очень приятно на вкус, леди, но нужно выпить полностью.

Катрин взяла чашку в руки, пальцы еще дрожали. С усилием сделала пару глотков и закашлялась. Вкус был омерзительный, масляный, приторно — горький. Однако ноющая боль в груди отступила, дышать стало легче.

— Спасибо, — она вернула чашку лекарю. — Мне лучше.

Пожилой лекарь замешкался, складывая баночки обратно, в сумку, а затем с сочувствием посмотрел на Катрин.

— Если не будете себя беречь, второй раз лекарство может и не помочь. Вам нужно больше отдыхать, и не в коем случае не волноваться. Надеюсь вы понимаете, насколько это вредно сейчас? Еще, я рекомендовал бы вам чаще совершать прогулки на свежем воздухе, желательно в утреннее и вечернее время.

Женщина кивнула, слабость постепенно начинала отпускать.

— И если появятся малейшие жалобы, то сразу присылайте за мной. Прозвучит бестактно, но сами понимаете, ваш возраст...

Катрин еще раз кивнула, закусив губу. Замечание про возраст все — таки немного задело ее самолюбие. Тридцать лет, это не пятьдесят, но очевидно, окружающие воспринимают ее уже как немолодую даму.

Лекарь ушел, а женщина еще какое — то время сидела на узком диване, приходя в себя. К ней заглянула Селина.

— Леди Браст, как вы себя чувствуете? Может воды, или принести что —нибудь? Вы же так и не позавтракали.

— Спасибо, но я сама спущусь вниз. — Катрин встала, преодолевая головокружение, — Надо что — то предпринимать.

— Вам сейчас лучше отдохнуть, Марк уже предпринял все, для того, чтобы вернуть Эйрику. Его друзья отправились по окрестным дорогам, а он сам поехал в город. К вечеру Эйрика окажется дома. Кто —нибудь точно заметил бы юную леди, путешествующую в одиночестве. Быть может ее уже нашли, и теперь они едут к дому.

Слова падчерицы немного ободрили Катрин, но тревога не исчезла. Ей всегда казалось, что дочь должна перерасти наивные детские мечты о путешествиях. К тому же, последнее время Эйрика вела себя на редкость серьезно, и благовоспитано. Неужели она и впрямь все это время собиралась сбежать?

И это желание посидеть с матерью, перед сном, на самом деле было прощанием. Почему она ничего не заподозрила! Не присмотрелась к дочке внимательнее, не вывела на разговор?

Сердце снова забилося чаще, и Катрин постаралась отвлечься на другие мысли. Эйрику найдут. Селина права, невозможно не заметить юную леди, путешествующую в одиночестве. Вряд ли девочка нанимала карету, а пешком далеко не уйдешь за одну ночь.

Первым вернулся Алекс, и обнаружив, что остальных еще нет, немного смутился.

— Я проехал до излучины реки, расспросил жителей тех деревень, девочка никто не заметил. Значит, куда бы она ни собралась, ее путь лежит не в Данбор.

Теперь следовало дожидаться остальных. Дик и Витор вернулись позже, но и их поездки не увенчались успехом. По южной дороге, к Иркадии, довольно оживленное движение, но там пост королевской стражи, и многие кареты тщательно проверяются. Однако, одиноко странствующих особ не было. Расспросы серобников — жителей окрестных деревень, ни к чему не привели. Там обычно чужих примечали сразу, но в этот раз никого, по словам местных, не было.

Вся надежда оставалась на Марка. Ближе к вечеру вернулся и он. Вместе с мужчиной приехал глава стражей порядка. Тот тщательно осмотрел комнату Эйрики, заглядывая в каждый уголок, затем внимательно прочитал записку, и задумчиво почесал кончик носа.

— Хм... Юная леди, очевидно, покинула дом по доброй воле. Накануне она ни с кем не ссорилась?

— Нет, — сердито отозвалась Раяна, — У нас в доме был праздник, и она веселилась, как и все.

— Может она упоминала о своих планах? Или вела себя подозрительно?

— Если бы она обмолвилась, что собирается сбежать, то ей никто не дал бы этого сделать, — нахмурилась Селина, — Но Эйрика, последнее время проводила за книгами, даже дом покидала редко.

Стража порядка этот факт заинтересовал, и он потребовал показать книги, которые читала девочка. Всем пришлось поднапрячь память, вспоминая обложки, и вскоре, на столе выросла приличная стопка книг.

— Жизнь растений, обитатели южных морей, сказки лесных народов, биографии странников, ого! И даже навигация по звездам. Боюсь, но это нам не поможет. Судя по всему, девочка всего лишь рассматривала яркие картинки. Не могу представить юную леди, которая бы всерьез заинтересовалась подобным.

Марк пролистал “Навигацию по звездам”, картинок в ней почти не было. В глубокой задумчивости он вернул

книгу на место.

— Осмелюсь предположить, что девочка могла сбежать, питая сердечную привязанность. — страж порядка постучал пальцами по столу, — Юные леди бывают весьма легкомысленны, и она вполне могла увлечься.

— Как вы смеете! — выдохнула Катрин, — Ей нет еще и четырнадцати! Последнее, что интересует мою дочь, это сердечные привязанности.

— Вы рассуждаете, как все матери, — снисходительно ответил страж. — Но поверьте моему опыту, не так много причин, по которым юные девушки сбегают из дома. Обычно это одно из двух, или ссора в семье, или великая любовь. В первом случае возвращаются быстро, во втором... Ну положим, чуть позже, когда научатся более трезво смотреть на жизнь.

— Как понимаю, искать вы не намерены? — спросил Марк, нахмурившись. — Придется поднять вопрос о том, как стража порядка исполняет свои обязанности.

— Юная леди покинула дом по своей воле, — резонно ответил страж, — Будь подозрения, что ее похитили, тогда другой разговор. Однако я сообщу приметы девочки, и если кто — то заметит ее, то мы сразу дадим вам знать. А сейчас, вынужден откланяться.

Катрин до боли сцепила пальцы. Куда могла бы отправиться Эйрика? Зная ее характер — куда угодно. К счастью, в королевстве достаточно безопасно, и есть шанс, что с ней ничего плохого не случится. А вдруг она решила самостоятельно вернуться домой? Не в сопровождении, а одна. Эйрика знала, что после свадьбы, они должны отправиться в Валену. Так почему бы ей не поехать туда первой?

— Леди Катрин? — негромко позвала ее Селина, заметив, что мачеха полностью отстранилась от развернувшихся обсуждений.

— Мы должны вернуться домой!

Теперь все посмотрели на нее с непониманием, и некоторым беспокойством. Женщине не было до этого дела, но все же она сочла нужным пояснить.

— Эйрика знала, что через пару дней мы возвращаемся домой. Скорее всего, она решила поехать раньше, чтобы прибыть первой. В ее глазах это может считаться настоящим путешествием и приключением. Моя дочь не так глупа, чтобы отправиться в неизвестность. А значит, я тоже должна поспешить домой, и быть может удастся перехватить ее еще в дороге.

На пару минут повисла пауза.

— Но, не лучше ли тогда отправиться кому — нибудь из нас, — осторожно предположил Витор, — День мы потеряли, но дорога к столице одна, и мы можем нагнать ее довольно быстро.

— Часть пути она может проделать пешком, скрываясь. Но если моя догадка верна, то спустя некоторое время она вернется домой.

— Мне кажется, — задумчиво проговорил Марк, — Леди Катрин права. Лучше, чтобы кто — то был в Валене, на случай, если девочка объявится. А мы, тем временем, продолжим поиски здесь. Дальше границ ей все равно не скрыться.

Сборы были недолгими. Основная часть вещей так или иначе оставалась в Валене, поэтому ехать предполагалось почти налегке, взяв, лишь самое необходимое. Более тщательно собирались вещи Агаты, все — таки девочка подросла за последний год, и ей в чем — то нужно было ходить, пока не пошьют новые платья.

Катрин собиралась ехать тем же днем, но переночевать, и отправиться в дорогу с утра, было разумнее. Ее душа рвалась вперед, и стоило больших трудов сдерживать раздражение, из — за задержки.

Небольшой городок жил своей размеренной жизнью. Погруженные в собственные заботы, местные жители, не стремились к переменам. Им вполне хватало мелких незначительных событий, чтобы было о чем посудачить на рынке, или в кругу друзей. Возвращение старой знакомой тоже не прошло незамеченным.

После некоторых размышлений, Катрин решила остановиться в прежнем доме, где жила до свадьбы. Дом Теодория казался слишком большим, чтобы жить там вдвоем. Да и усилий по содержанию требовал больше. К тому же, находясь ближе к центру города, можно было быстрее получать вести с разных частей королевства.

Катрин прошла в свою комнату, и огляделась. Здесь все осталось почти таким же, как и в день ее свадьбы с Теодорием. Хорошо, что находясь в браке, она не забывала, про утопавший в зелени домик, и теперь он по — прежнему был в пригодном для жизни состоянии. Надо только нанять пару слуг для уборки, и перевезти сюда вещи из купеческого дома.

Необходимость деятельности приглушала тревогу, и заставляла переключиться на более близкие дела. Следует привести в порядок жилье, а когда Эйрика вернется, заняться покупкой подходящих комнат, под сдачу. Пусть старшая дочь тоже примет участие. Новые обязанности хорошо могут отвлечь от всяких глупостей.

Первые дни женщина потратила на обустройство быта и поиск служанки. Прежняя девушка, что раньше

оставалась в помощь Марте, по — прежнему присматривала за купеческим домом. Катрин не решилась закрыть его совсем, предполагая, что вернувшись, Эйрика может направиться туда. Но уверенности не было, дочь могла и поспешить к старому дому, с которым связаны многие детские воспоминания.

Пришло первое письмо от Марка. Поиски пока шли без особого успеха. Он побывал в городе, где находится пансион, но ничего нового не выяснил. Витор, направлявшийся в Торд, по своим делам, пообещал быть на связи. Маловероятно, что Эйрика появится в Торде, но стоит проверять все варианты.

Катрин старалась сдерживать беспокойство, однако порой ее одолевали сомнения. Быть может, не стоило уезжать, а нужно было самой объезжать окрестности в поисках дочери? Но в письме, Марк просил оставаться на месте. Поиски ведутся, и кто — то должен встретить беглянку, если та объявится в родном городе.

Пока не оставалось ничего другого, как заниматься бытом, и возобновить давно прерванные уроки с младшей дочерью. Помня о просьбе Селины, Агата старалась держаться бодро, чтобы лишний раз не расстраивать маму, ведь той и так приходится непросто.

Катрин сидела за столом, составляя математические задания для Агаты. Это занятие успокаивало, и позволяло отвлечься от тяжелых мыслей. В дверь постучали. Женщина выронила перо. Постоянное ожидание вестей от дочери, сделало ее слишком восприимчивой. Но в этот раз, гость не имел никакого отношения к девочке. На пороге появилась Нитта.

— Леди Катрин! — глаза девушки сияли от радости, — Я услышала, что вы вернулись, и просто не могла не навестить вас!

— Нитта, — женщина тепло улыбнулась, — Конечно проходи! Я рада, что ты нас не забыла!

Катрин не лукавила, ей действительно было приятно, что девушка заглянула в гости. Заодно можно узнать местные новости. Сама женщина пока избегала посещать городской рынок, не желая становиться объектом повышенного внимания.

Слушая бывшую служанку, Катрин убеждалась, что в городе действительно ничего интересного не происходило. Все как обычно, те же люди, те же сплетни. Нитта была далека от зажиточной части граждан, поэтому знала в основном то, что мельком слышала на местном рынке.

В жизни самой девушки, важных событий было больше. Томми открыл свою мастерскую, и даже взял ученика. Беспризорного мальчишку, с улицы, который вызвался носить сумку, за кусок хлеба в день. Сердце Нитты не выдержало, и выяснив, что ребенок круглый сирота, она убедила мужа, взять того в подмастерья.

Томми поддался на уговоры, мальчишке выделили угол, место за столом, и приставили к самой простой работе — собирать обрезки, и носить сумку. Правда старый мастер укорял, что негоже брать в ученики того, кто не может оплатить обучение, но Томми не стал менять решение, да и паренек был толковым.

На вопросы Нитты, об Эйрике и Селине, женщина уклончиво ответила, что падчерица вышла замуж, а Эйрика осталась у сводной сестры погостить. Катрин не хотела распространяться о побеге дочери. Конечно, Нитта не станет разносить сплетни, но чем меньше людей здесь об этом знают, тем лучше.

Девушка держалась теперь по другому, увереннее, но в то же время, ее движения стали более плавными и грациозными. Катрин испытала некоторую гордость, хоть она и не занималась воспитанием бывшей служанки, но заметно, что Нитта все — таки переняла некоторые манеры.

Еще женщина заметила, что девушка поправилась, стала более округлой, однако свои предположения пока оставила при себе. Со временем, и так все станет ясно. Конечно, такой леди, как Катрин, не пристало водить близкое знакомство с семьей сапожника, но Нитта давно стала не чужим человеком, поэтому Катрин пригласила девушку, бывать у них, как выдастся возможность. И это приглашение прозвучало от чистого сердца.

Над городом давно опустилась ночь, Катрин лежала без сна, пытаясь понять, что же именно вызвало неясную тревогу. Не отпускало чувство, что она упустила нечто важное, такое, что имеет огромное значение, и это явно не было связано с Эйрикой.

Ворочаясь, женщина перебирала в памяти события прошедшего дня. Уроки с Агатой, встреча с Ниттой... Что же ее так зацепило, может рассказ бывшей служанки о мальчике подмастерье? Нет, дело в чем — то другом. Катрин снова закрыла глаза, и попыталась отпустить посторонние мысли. В памяти промелькнула заметная округлость, в области талии, Нитта определенно ждет ребенка, хоть и не сказала об этом. Ребенка!

Катрин резко села на кровати, чувствуя, как ее бросило в холодный пот. Она недоверчиво коснулась собственного живота. Теперь мысли замелькали с молниеносной скоростью. Утренние недомогания, постоянная слабость, раздражительность, и еще несколько сопутствующих примет. Но это же невозможно?

Женщина плотнее укуталась в одеяло, и попыталась успокоиться. Последние месяцы были слишком напряженными, и потребовали всех моральных и физических сил. Она просто очень устала, только и всего. За

несколько лет супружеской жизни, у них с Теодорием не было общих детей, а значит, одна единственная ночь не послужила бы причиной...

Неожиданно, вспомнились слова доктора о том, что ей сейчас нужно избегать волнений, и намек на ее возраст. Он предполагал, или догадался... и был уверен, что женщина и так знает о своем положении?

В ее возрасте, при наличии взрослой замужней дочери, да еще и вне брака... Выдержка оставила ее, и уткнувшись лицом в подушку Катрин разрыдалась.

Глава 41. Общественное мнение

На городском рынке, как всегда, царило всеобщее оживление. Продавались товары, время от времени, вспыхивали споры по поводу качества или цены. Старые знакомые, сталкиваясь в извилистых проходах между рядами, не отказывали себе в удовольствии поболтать о насущных делах. Последние недели были бедны на события, поэтому возвращение леди Браст вызывало удвоенный интерес.

Ко всеобщему разочарованию женщина пока не спешила появляться в свете, но это не помешало ей стать центральной фигурой последних сплетен.

— Вы слышали, леди Браст все — таки выдала дочку Теодория замуж! Специально увезла ее подальше, чтобы жених не догадался, что у невесты было не все в порядке с головой.

— А мне кажется, что Селина, последние годы вела себя вполне достойно.

— Потому что находилась под постоянным надзором мачехи. А теперь жениха ждет большой сюрприз, когда он поймет, что невеста не приспособлена к самостоятельной жизни!

— Еще и родную дочь оставила, специально, чтобы та за сводной сестрицей приглядывала.

— Как же так? Катрин была привязана к своим дочерям. Все время, все внимание только им.

— Это на публику, чтобы показать, какая она хорошая мать...

— А вы знаете, что я давеча узнала? — одна из местных дам оглянулась, и понизила голос. — Леди Катрин дочек в пансионе оставила, а сама вела разгульную жизнь в Торде.

— Не может быть! Она же ездила туда, чтобы закончить дела покойного мужа!

— Только для вида, мои дорогие, только для вида, — нараспев произнесла дама, и продолжила, желая посвятить окружающих во все подробности. — Супруг моей племянницы тоже ведет торговые дела. Он то и рассказал, о самоуверенной дамочке, которая дни напролет разгуливала по городу в обществе разных мужчин, и даже северных дикарей! По описанию, я сразу догадалась, что это наша “благовоспитанная” леди. — последние слова прозвучали с нескрываемой иронией.

— Но леди Браст всегда была образцом добродетели и благовоспитанности. — раздался несмелый голос, в поддержку старой знакомой.

— Скорее чопорности и надменности. Строила из себя тут аристократку в изгнании, а как только подвернулась возможность, позволила себе путаться со всякими!

— Сложно представить, что леди Браст позволила бы себе подобное поведение.

— Помяните мое слово, еще увидите, как верны мои слова. И чего она так резво вернулась, потому что хвост прижали?

— Еще и на люди не показывается, значит есть, что скрывать.

— Очевидно же, порочные связи имеют свои последствия, вот и носа не кажет.

— Ну, подобное предположение звучит чересчур смело.

Однако случайно высказанное предположение, уже пошло гулять из сплетни в сплетню, обрастая новыми подробностями. Не все, из тех, кто знал Катрин, готовы были поверить в смелые обвинения в непорядочности, но ведь слухи не рождаются на пустом месте?

Катрин пока пребывала в неведении насчет городских настроений. Неожиданное открытие посеяло в душе смятение, и теперь она все чаще замирала, прислушиваясь к внутренним ощущениям, пытаясь осознать безысходность своего положения. Старые платья уже не удавалось зашнуровать так же туго, как прежде, хотя женщина продолжала старательно утягиваться, чтобы скрыть чуть наметившийся живот.

Нельзя было рассчитывать, что ее уединение продлится вечно. Рано или поздно придется показываться на улицах города, и Катрин понимала, что ее репутация окажется похороненной, как только живот станет слишком очевиден.

Нитта была единственной гостьей, которую ждали в маленьком доме, однако, как выяснилось, существовала и другая леди, желавшая нанести визит.

— Леди Дашес? — удивленно выдохнула Катрин, когда пожилая дама появилась на пороге ее дома. — Чем обязана такой чести?

Особой радости женщина не испытывала, опасаясь, что гостя заметит лишнее. Однако, эта леди во многом влияла на мнение горожан, так что следовало держаться как можно учтивее.

— Что вы, не беспокойтесь, я всего лишь заглянула на правах старой знакомой. Вас давно не было видно в нашем городе. — леди Дашес присела на край дивана, и мельком окинула взглядом скромную обстановку.

— Мне следовало закончить дела покойного мужа, — ответила Катрин, прислушиваясь к внутреннему напряжению. Интуиция подсказывала, что почтенная леди просто так бы не пришла. Не в обычае, у местных, приходить без приглашения.

— Вашей хватке можно только позавидовать. И с торговлей управились, и падчерицу замуж выдали.

Катрин подняла бровь, с легкой улыбкой заметила:

— Остается лишь удивляться, как быстро подробности частной жизни становятся достоянием общественности.

— Вокруг куда больше глаз, чем мы обычно замечаем, — туманно произнесла леди Дашес, — Могу ли я говорить с вами начистоту?

— Разумеется. — внешне женщина оставалась беспристрастной, даже взглядом не выдавая растущего беспокойства.

— Вы снова свободная женщина, хотя, простите за прямоту, уже не столь молодая. Ни в чем не хочу вас упрекнуть, но свобода порой кружит голову, и заставляет забыть о воспитании, и о приличиях.

— Вы не могли бы выражаться яснее? — в голосе Катрин зазвенели ледяные нотки.

— Как пожелаете, — теперь гостья оставила напускную доброжелательность, и заговорила более деловитым тоном. — Здесь вам не столица, и тем более не Торд, с его разнuzданными нравами. Конечно, к вдовушкам общество настроено более лояльно, но ведь следует сохранять хотя бы внешние приличия! Когда вы были моложе, то прекрасно с этим справлялись, даже тень не падала на ваше имя. Но не думаете же вы, что после второго брака можете позволить себе относиться с пренебрежением к моральным устоям?

— Что вы имеете в виду? — Катрин нахмурилась, не считая нужным скрывать свое настроение.

— Я имею в виду, что вы были слишком неосторожны, — терпеливо объяснила леди Дашес, — Теперь я вижу, что слухи не преувеличены, и скоро ваше положение станет слишком заметным. Позвольте дружеский совет, избавьтесь от плода, пока не поздно, и старательно изображайте горе, по почившему мужу. Со временем, слухи о вашей, *якобы* беременности забудутся, хотя небольшое пятно на имени и останется, но кто без греха.

— Я обдумаю ваши слова, — устало произнесла Катрин, — А сейчас извините, мне нужно отдохнуть.

— У меня тоже есть более важные дела. Советую вам не затягивать. Уже сейчас заметно, что вы поправились, дальше будет только хуже. Счастливо оставаться.

Царственно кивнув, леди Дашес покинула дом “отступницы”.

По щекам Катрин пошли красные пятна. Раз уж почтенная леди осчастливила ее своим визитом, несложно представить, какого рода сплетни гуляют в городе. Не исключено, что гостья хотела лично удостовериться, насколько слухи соответствуют истине.

Нужно самой выйти в город, чтобы сплетники увидели, что никакого живота нет и в помине, а потом она решит, как дальше быть.

Перед выходом из дома, Катрин настолько туго затянула платье, что ребра протестующе заныли, но сцепив зубы, она предпочла не замечать подобного неудобства. Это не на весь день, только отнести самой письмо, и возможно заглянуть на рынок. Не стоит прятаться в четырех стенах, ей всегда удавалось преодолеть трудности, удастся и сейчас.

На улице решимость немного сдала свои позиции. Катрин не могла не замечать некоторой отстраненности горожан. Алия Швель, беседуя с некой дамой, даже не удостоила старую знакомую ответом на приветствие. Еще одна леди, поспешно перешла на другую сторону улицы, виновато избегая взгляда Катрин.

Путь до почтовой службы стал настоящим испытанием на прочность. Женщина шла плотно сжав губы, и гордо держа голову. В конце концов, когда она впервые прибыла в этот город, ей не было дела до местных жителей. Так что не стоит принимать их пренебрежение близко к сердцу.

Отправив письмо, Катрин решила возвращаться домой, не посещая рынок, но спонтанное желание заставило ее изменить свои планы. Почему бы не купить медовые плюшки, как тогда, несколько лет назад, когда приходилось рассчитывать на крайне скромный бюджет. Эйрики нет, но пусть хотя бы Агата порадует, вспомнив детство. Женщина решительно направилась к хлебной лавке, стараясь не замечать косых взглядов.

Над дверью прозвенел колокольчик, и дородная хозяйка пекарни, на миг отвлеклась от приятной беседы с одной из покупательниц, нацепив приветливую улыбку для следующего посетителя. Однако увидев, кто появился на пороге, недовольно поморщилась, и вернулась к прерванному разговору.

— Добрый день, Дара, — вежливо улыбнулась Катрин.

Но ответа так и не получила. Стараясь не показывать, что ее задело молчание, женщина подошла к прилавок, и окинула взглядом свежую выпечку.

— Мне пожалуйста медовые плюшки, — произнесла она уже более отстраненным, равнодушным тоном.

Ее слова снова остались без внимания. Хозяйка пекарни без зазрения совести продолжала диалог со второй дамой. До Катрин донеслись обрывки фраз.

— ...кого только не приходится обслуживать... постыдилась бы... да я лучше останусь без выручки, чем буду привечать в своей лавке всяких...

Кровь прилила к щекам Катрин, она сделала вдох, чтобы высказать Даре все, что думает по поводу ее

болтливому языку и прочих сплетен, но осеклась. Неужели она собралась опуститься до подобных разборок? Чтобы местные еще год разносили, как она устроила скандал в пекарне? Катрин медленно выдохнула, и вышла из лавки.

Внутри все кипело, но внешне она оставалась невозмутимой. Женщина шла домой, сохраняя надменный вид до тех пор, пока за ее спиной не закрылась входная дверь. Остатки выдержки она потратила на то, чтобы позвать с кухни служанку, и отправить ту к лекарю, за травками.

Не ради общественного мнения. Нет. Катрин и раньше не очень любила большую часть горожан. Дело в другом, свои ошибки надо исправлять, любой ценой. От еще одного неверного решения хуже уже не будет...

Глава 42. От отчаяния — к надежде

На столе стояла чашка с остывшим мутно — зеленым пойлом. Нужно было выпить одним глотком, как лекарство, однако Катрин не могла заставить себя. Уже несколько раз она подносила злополучное питье к губам, но каждый раз рука предательски начинала дрожать, и женщина возвращала чашку на место.

Сколько не тяни, выпить все равно придется... Или попросить служанку заварить заново? В раздумьях женщина подошла к окну, и долго смотрела на ясный солнечный день. Затем, разозлившись на себя, она снова взяла чашку в руки. Мутный настой уже начал покрываться белесой пленкой. С неожиданной силой Катрин запустила чашку в стену, та обиженно звякнула, и распалась на острые осколки.

Двигаясь, как в полусне, женщина опустила на постель, и завернувшись в одеяло, отвернулась лицом к стене. Ей стало абсолютно все равно, что будет дальше. Она слышала, как появившаяся служанка торопливо собирает осколки и вытирает остатки травяного чая, а затем наступила тишина.

Из — за плотно задернутых штор невозможно было понять, день сейчас, или ночь. Глубокое безразличие ко всему настолько завладело душой Катрин, что она не могла заставить себя встать, или принимать пищу. Иногда, остатками сознания, вспоминала, что, кажется, надо было о ком — то заботиться, что — то делать, но эти мысли не имели глубины. Женщина погрузилась в странное состояние между сном и бодрствованием, и терпеливо ожидала, когда наступит полное забвение. Порой, она даже желала окончательно погрузиться в мягкую тьму, которая наконец освободит ее от внешнего мира.

Коротким просветлением стало появление Нитты. Девушка долго о чем — то уговаривала ее, но Катрин не прилагала усилий, чтобы осмысливать слова. Лишь упоминание Агаты, заставило ее вспомнить нечто важное.

— Нитта... — голос был чужим, и звучал, как со стороны, — У меня под подушкой письмо, и адрес. Когда все закончится, отправь письмо Селине, и присмотри за Агатой до того времени, пока ее не заберут.

— Леди Катрин, — голос девушки задрожал, — Прошу вас, не говорите так. Не обрекайте Эйрику и Агату быть сиротами. Постарайтесь жить, хотя бы для них.

Но Катрин, потратившая силы на последнюю фразу, только закрыла глаза. Нитта не понимает... Пусть лучше дочери вырастут совсем без матери, и ее бесчестье не ляжет пятном на их репутации.

Девушка продолжала уговаривать, утешать, но ее слова разбивались о стену безразличия. Катрин снова ушла в себя, и больше ни на что не реагировала.

С тяжелым сердцем Нитта спустилась на первый этаж. На глаза ей попала Агата, сидевшая в полном одиночестве за столом, и переписывавшая строчки из книги сказок. Девушка села рядом, и приобняла ту за плечи.

— Ты была у мамы? — спросила девочка, не отрывая взгляда от серого листа. — Она теперь никого не хочет видеть, даже меня.

У Нитты защемило сердце от тоски, но она нашла в себе силы не показывать беспокойство.

— Леди Катрин заболела, но она обязательно выздоровеет, и все будет по — прежнему, — девушка постаралась, чтобы ее голос звучал убедительно.

— Почему она тогда не вызывает лекаря?

— Лекарь может излечить не от всех болезней... Твоей маме нужно отдыхать, набираться сил, и все будет хорошо.

Нитта ощутила, как к щекам прилил жар, но не говорить же малышке правду. Пока еще есть надежда, что леди Катрин справится... Она же всегда была сильнее обстоятельств, неужели в этот раз уступит?

Агата продолжила молча выводить строчки, губы ее дрожали. Девочка каждое утро заходила к матери, но та спала, и не слышала этого. А еще мама больше не спускалась вниз, и ужинать приходилось в одиночестве. Конечно, девушка с кухни относилась по добром, но Агата пока не смогла привыкнуть к ней. Хорошо, что время от времени заходила Нитта, единственный человек, оставшийся от прежней жизни. Селина далеко, Эйрика отправилась в свои странствия, а о ней все позабыли.

А ведь раньше, когда они еще жили здесь, Эйрика все время была рядом. Помогала, смешила, рассказывала веселые истории, и обещала, что всегда сумеет защитить, как настоящий воин. Сейчас же, когда так одиноко, старшей сестры рядом нет... И никого нет. Агате оставалось только придерживаться заведенного порядка, писать строчки, придумывать себе задачки, и самой же решать их, перечитывать любимую книгу сказок. Быть может, если делать все то, что они делали раньше, то жизнь наладится сама собой?

Нитта старалась навещать леди Катрин чаще. Она уговаривала женщину поесть, или выйти на прогулку, но тщетно. Давно все для себя решив, Катрин не хотела жить, и медленно угасала. Однако, какие — то остатки жизненных сил не давали уйти окончательно, привязывая душу к телу невидимыми нитями.

Теряла надежду и Агата, если раньше девочке казалось, что все еще может наладиться, то теперь она понимала,

что прежней жизни уже не будет. Убедил в этом случайно услышанный разговор Нитты и служанки с кухни. Из их слов стало ясно, что мама больна настолько тяжело, что не сумеет помочь даже лекарь. Была бы здесь Эйрика, она точно бы нашла выход. Вспомнилось, что сестра рассказывала, что у нее есть друг с севера, настоящий воин. А вот у Агаты совсем не было друзей. Где — то в другой части королевства жила Селина, добрая и внимательная, но сейчас и она была слишком далеко чтобы помочь.

В один из дней девочка сидела в комнате старшей сестры. Тут до сих пор каждая вещь носила отпечаток характера Эйрики, и Агата все чаще заходила сюда, чтобы пережить одиночество. Неожиданно, ее внимание привлек шум с первого этажа. Она осторожно подошла к лестнице, укрываясь за периллами, чтобы оставаться незамеченной. Какой — то громила спорил с их служанкой.

— Мне нужно увидеть леди Катрин! — суровым голосом заявлял он.

Агата сжалась в своем укрытии, зачем этому человеку понадобилась ее мама?

— Еще раз вам повторяю, леди Катрин никого не принимает! — девушку немного трясло, но она продолжала стоять на своем.

— У меня для нее крайне важные вести! — мужчина и не думал отступить, — Она сейчас дома?

— Послушайте, леди никого не принимает. Скажите, какое дело вас привело, и я передам... Когда она будет в настроении.

Мужчина нахмурился, на миг Агате показалось, что он сейчас просто отодвинет кухарку с пути, и сам поднимется наверх. Но он этого не сделал, а с удвоенной настойчивостью принялся уговаривать девушку, позвать леди Катрин.

Служанка тоже не собиралась отступать, решив для начала посоветоваться с Ниттой. Нельзя же пускать незнакомца к госпоже, когда та в таком виде, да и вряд ли существуют вести, что вернули бы леди Катрин интерес к жизни.

— Леди сейчас немного нездоровится, — сдаваясь произнесла служанка, — Я передам, что вы заходили, и если она сочтет нужным вас увидеть...

— Что с ней? — перебил мужчина, делая шаг вперед.

Девушка смешалась, и помедлив ответила.

— Ничего серьезного. Но пока она никого не принимает.

— Хорошо, передайте леди Катрин, что я остановлюсь в таверне у площади. Мое имя Ингвар, я буду ждать от нее записки, когда она согласится со мной встретиться.

Служанка кивнула, с заметным облегчением. Девушка боялась, что не сумеет остановить неожиданного гостя. Все — таки дикари с севера вряд ли понимают правила хорошего тона. Приличный человек не будет так рваться туда, куда его не звали.

Агата исподтишка разглядывала незнакомца, очень высокий, наверное даже выше мамы. В плаще, светлые волосы собраны на затылке. Если верить рассказам Эйрики, так вроде выглядят северяне. И у старшей сестры тоже друг — житель севера, а что, если этот человек знает, где сейчас Эйрика? И может помочь ее найти? Не затем ли он пришел сюда?

Мужчина тем, временем, развернулся, и вышел за дверь. Решение нужно было принимать за считанные секунды. Страшно вот так, просто, заговорить с чужим человеком, но разве не хуже вовсе не предпринять ни одной попытки?

Девочка буквально слетела с лестницы, и бросилась на улицу, надо было просто попытаться, только спросить...

Неведомым образом северянин услышал, как хлопнула дверь, и обернулся. Он с удивлением посмотрел на девочку, которая пробежала несколько шагов, и внезапно остановилась, с крайне испуганным видом.

Оказавшись на улице, Агата подрастеряла свою решимость, но было уже поздно, незнакомец заметил ее, и теперь ждал, что она скажет. Однако голос перестал слушаться.

Ингвар несколько мгновений с удивлением смотрел на девочку, а потом его лицо просветлело от догадки. Присев, чтобы их глаза оказались примерно на одном уровне, он первым начал разговор.

— Как понимаю, юная леди, это ваша сестра вознамерилась стать воином, ради чего покинула свою семью?

— Вы знаете об Эйрике? — в глазах Агаты загорелась надежда, — Мне очень надо ее найти, это важно!

Мужчина улыбнулся, но не очень весело.

— Боюсь, что Эйрика не намерена возвращаться домой, но я просто обязан сообщить леди Катрин, где сейчас ее дочь. Эта отважная особа, доставила нам некоторые неприятности, но все — таки добилась своего.

— Не понимаю, — губы Агаты дрогнули, — Она далеко? Сейчас, когда так нужна здесь?

Почуввав неладное, Ингвар нахмурился, но девочка уже отвернулась, едва сдерживая слезы. Так велика была надежда, что Эйрика где — то здесь, с северянином, и тем больнее ударило осознание, что это не так.

— Скажи по порядку, что случилось, — Ингвар старался говорить мягко, чтобы не испугать ребенка, — Если твоя старшая сестра должна быть здесь, я могу привезти ее против воли, хотя это и обернется смертельной обидой, и новым побегом. Может, я могу чем — то помочь?

Агата шмыгнула носом, не уверенная, что можно верить этому человеку. Но он знаком с Эйрикой, и если сестра узнает о маме, то сама примчится, где бы сейчас не находилась. Сбиваясь, и глотая слезы, девочка сбивчиво заговорила о том, что знала. Что мама смертельно больна, и давно не выходит из комнаты, что ее не сумеет вылечить ни один лекарь, и что если бы рядом была Эйрика, то она бы точно придумала, как помочь.

Ингвар дернулся, и сжал девочке плечо.

— Она в доме?

— На втором этаже, в своей комнате...

Шумно выдохнув, северянин распрямился, и поспешил обратно в дом. Вновь преградившая путь служанка, была бесцеремонно отодвинута в сторону. Она еще хотела попытаться остановить мужчину, но ее отвлекла Агата, которая все всхлипывала не в силах остановиться.

Глава 43. Право на счастье

Мужчина распахнул дверь, и на миг ему показалось, что он ошибся, и попал в нежилую комнату. Из — за плотно задернутых штор здесь было сумрачно, а еще тихо. Но внутреннее чутье, которое обычно не подводило, заставило его задержаться, и осмотреться внимательнее.

Взгляд тут же выхватил тонкую фигурку хозяйки комнаты. Та никак не отреагировала на внезапного посетителя, продолжая лежать лицом к стене.

Почти не дыша, Ингвар сделал пару шагов. От желания окликнуть Катрин, его удерживал лишь страх, не получить ответ. Северянин неслышно приблизился, и прислушался, чуткий слух уловил еле слышное дыхание, и сердце, пропустив удар, забило чаще.

— Леди Катрин, — наконец он позвал ее, но шепотом, чтобы не испугать внезапным появлением.

Женщина с трудом поднялась, и села на кровати, плотно завернувшись в одеяло. Глаза уже привыкли к сумраку, и Ингвар сумел различить, как сильно изменилось такое милое сердцу лицо. Щеки запали, черты обострились, а некогда горящие жизнью глаза, теперь были абсолютно пустыми.

По коже пробежал озноб, он же мог ничего и не узнать, если бы не внешние обстоятельства, или не успеть... Как он вообще позволил ей уйти тогда, зачем всерьез принял эту нелепую записку, с просьбой забыть ее? Больше подобной глупости он не совершит, и не позволит Катрин снова исчезнуть из его жизни, даже если для этого придется вырвать ее из лап смерти.

— Катрин, милая! — мужчина осторожно опустился на край кровати, не отрывая беспокойного взгляда, от лица женщины. — На моих кораблях есть лекарь, из царств великой пустыни. Он умеет исцелять почти все известные недуги. Я сейчас же пошлю за ним, и его привезут так быстро, насколько это возможно. Только прошу тебя, не сдавайся, я каждый миг буду рядом, мы вместе сумеем справиться.

Ингвар говорил горячо, от всего сердца, и на миг что — то во взгляде женщины изменилось. Она протянула руку, и коснулась северянина ледяными пальцами. Тот тут же сжал ее ладони, желая согреть.

— Мне уже не помогут лекари, — с трудом выговорила Катрин, — Но я рада, что увидела тебя еще раз. Даже если это только очередное наваждение.

— Не говори так! Пусть, местные не смыслят в лекарском деле, но жители пустынь далеко шагнули в искусстве врачевания. — он осторожно выпустил ее руку, — Я отлучусь лишь для того, чтобы передать послание, и вернусь к тебе.

— Не надо, — преодолевая слабость, женщина перехватила его ладонь, заставляя остановиться. — Я и так знаю, что со мной, как знаю и то, что врачевание тут бессильно.

Последние слова отняли силы, Ингвар успел только придержать ее за плечи, помогая опуститься на подушки. Некоторое время Катрин ровно дышала, собираясь с духом, и преодолевая очередное головокружение. Северянин бросил быстрый взгляд на дверь, он не может оставить Катрин одну, но с передачей послания справится и служанка.

— Я оставлю тебя, лишь на минуту, а потом все будет хорошо.

— Постой! — в этот раз звук голоса отозвался болью в ребрах и темными пятнами в глазах. Катрин закусила губу, и решила признаться. Скорее всего, ей осталось не так много, стоит ли теперь бояться условностей. Ингвар понимал ее раньше, поймет и сейчас, почему она должна оставить этот мир. Мысли давались с трудом, и окончательное решение появилось как вспышка, скорее на подсознании.

Ингвар что — то сказал про лекаря, и женщине пришлось слабо сжать пальцы, чтобы он ее услышал.

— Открой окно...

Яркий дневной свет ослепил, перебил дыхание, и вызвал легкий приступ дурноты, но Катрин еще ощущала остатки фамильного упорства, которые заменяли ей сейчас силу духа.

— Помоги встать...

— Тебе нужно оставаться в постели, пока тебя не осмотрит лекарь, — твердо заявил Ингвар, но его слова не достигли своей цели.

Увидев, что женщина пытается подняться сама, он вынужден был поспешить ей на помощь. При свете дня Катрин казалась мертвенно бледной, и резко похудевшей. Ингвар знал о болезнях, которые доводят человека до такого состояния, но гнал эти мысли прочь, не желая даже думать об этом.

Опираясь на руки Ингвара, Катрин, впервые за долгое время, коснулась живота, который стал уже совсем очевиден. Наверное, все дело в ее природной стройности, и поэтому изменения стали проявляться раньше.

Северянин с непониманием смотрел, как женщина сложила ладони на животе, и замерла, к чему — то прислушиваясь, но через миг его накрыло осознание. Дыхание перехватило, и только необходимость поддерживать женщину, помогла ему самому устоять на ногах.

Он помог женщине вернуться в постель, и, прежде чем укрыть ее, позволил себе бережное прикосновение,

которое окончательно убедило его в своей догадке.

— Теперь ты понимаешь, почему я не могу дальше жить. Общество не прощает женщинам подобного отступничества, и раз я не могу избавиться от ребенка, значит должна уйти вместе с ним...

Для Ингвара, беременность Катрин стала настолько волнующим открытием, что до него не сразу дошел смысл произнесенных слов.

— Ты хочешь сказать...

Женщина закрыла глаза, на ответ сил не хватило. Последнее, что она услышала перед тем, как погрузиться в забытье — звук хлопнувшей двери.

Неизвестно, сколько времени ей довелось пролежать в мягкой обволакивающей темноте, но в этот раз она пришла в себя от того, что кто — то обтирал ее лицо мокрой губкой.

С усилием Катрин открыла глаза, и обнаружила, что уже наступил вечер. На краю ее кровати сидел Ингвар.

— Значит ты решила, что уморить себя голодом лучшее решение? — обычно размеренный спокойный голос теперь звучал жестко и сухо. — Не попыталась связаться со мной, осталась верной своей привычке решать все самостоятельно? Готова была пойти на то, чтобы оставить старших детей сиротами? В этом варварском королевстве, где они никак не защищены законом?

Его неожиданно резкий тон подействовал, как ведро холодной воды.

— Не тебе судить, чего стоило мне это решение. — в этот раз, здоровая злость придавала сил, и Катрин даже смогла сесть на кровати. — Все, что связано с моей жизнью, решать только мне, и никому другому.

— Ошибаешься, — Ингвар отвернулся, чтобы женщина не увидела его лица, — Теперь решать будем вместе... или только я.

Он потянулся к прикроватному столику, и взял чашку.

— Для начала тебе все — таки нужно поесть, даже если мне придется кормить тебя силой.

Катрин сжала губы, и отвернувшись, северянин решительным движением взял ее за подбородок, и развернул к себе.

— Ну же, ты будешь выглядеть глупо, если мне и правда придется заставлять тебя есть.

Женщина бросила на него испепеляющий взгляд, но вынуждена была подчиниться. Теплый бульон вызвал ноющую боль в ребрах, и заставил, стиснув зубы, откинуться на подушки.

— Не так плохо, — заметил Ингвар, возвращая чашку на место, — Тебе все равно пока нельзя много, слишком давно ты отказываешься от пищи. Понадобится какое — то время, чтобы поставить тебя на ноги.

— Неужели ты не понимаешь, что я не хочу этого? — сквозь зубы произнесла Катрин, борясь с тошнотой.

— Пока не будем об этом, — ровным тоном ответил Ингвар, — Потом можешь высказать мне все, что накопится в твоей душе, а до тех пор, набирайся сил.

Катрин снова отвернулась, но через пару часов северянин снова заставил ее выпить немного бульона. Следующие несколько дней растянулись в бесконечное противостояние. Женщина злилась, ненавидела себя за свое состояние, но ничего не могла поделать, Ингвар не обращал ни малейшего внимания на ее нежелание принимать пищу.

Прибыл пожилой мужчина, с короткой белой бородой, и смуглой кожей. Он долго слушал дыхание через трубку, просил сжимать, разжимать ладони, считал пульс, расспрашивал о самочувствии. Катрин нехотя отвечала, понимая, что ее все равно не оставят в покое.

Затем лекарь ушел в другую часть комнаты, и долго о чем — то разговаривал с Ингваром. Северянин хмурился, задавал вопросы, но лекарь только отрицательно качал головой. От последних слов пожилого мужчины, лицо Ингвара просветлело, он переспросил еще раз, чтобы убедиться наверняка. Лекарь коротко кивнул, и вышел.

— О чем вы разговаривали? — требовательно спросила Катрин, кутаясь в одеяло.

— Уверена, что хочешь знать? — Ингвар пытался сохранить серьезное лицо, но сияющие глаза выдавали его с головой.

— Это касается меня.

Она даже не спрашивала, — утверждала. Вряд ли северянин притащил лекаря с другой части света, чтобы обсудить погоду

Последнее время Катрин чувствовала себя гораздо лучше. Пусть она пока не могла есть ничего, кроме жидких каш, и размятых овощей, но здоровье уже уверенно возвращалось на оставленные позиции. Сложно предаваться тоске, когда тебя ни на минуту не оставляют в покое, кормят с ложечки, заставляют прогуливаться по комнате, окружают заботой.

— Катрин, я обязательно тебе все расскажу, но может ты сперва хочешь увидеть Агату?

— Агату? — после секундного замешательства, женщина выдохнула.

Конечно, как она могла забыть про младшую дочь? Почему позволила себе эту слабость, сколько переживаний доставила малышке!

Когда в комнату вошла девочка, Ингвар тактично скрылся за дверью. Агата неуверенно сделала пару шагов, взглядываясь в бледное, похудевшее лицо матери, а затем бросилась к ней на шею.

Сердце Катрин сжалось от чувства вины и раскаяния, она уткнулась в волосы дочери, не в силах сдержать слезы. Агата жалась к ней, как озябший зверек, впервые добравшийся до тепла.

— Мам, пожалуйста, не плачь, тебе нельзя расстраиваться, — бормотала она, сама глотая слезы.

Они просидели так довольно долго, прижимаясь друг к другу, как после долгой разлуки. Пережив первые эмоции, постепенно успокоились, и Катрин внимательно осмотрела дочку. От ее взгляда не укрылись ни темные круги под глазами, ни слишком серьезный вид девочки, в душе снова защемило от чувства вины.

— Агата, девочка моя, прости... Я не должна была так оставлять тебя, и думать только о себе, — прошептала Катрин, снова притягивая к себе дочь

— Все в порядке, мама. Теперь ты поправляешься, и у нас снова все будет хорошо. — убежденно ответила девочка.

Женщина кивнула, ощутив, как к горлу снова подступает ком. Из — за беременности, слабости, никак не удавалось сохранить эмоции под контролем. И какое оно дальше будет, это будущее...

— Ты окрепнешь, и мы поплывем на большом корабле. Дядя Ингвар рассказывал, что...

— Дядя? — недоуменно переспросила Катрин, удивленная, что ее застенчивая младшая дочь успела найти общий язык с северянином.

— Так в Эрланге называют старших, — охотно пояснила Агата, и продолжила, — ... рассказывал, что у них снежинки не летают в воздухе, как у нас, а покрывают землю огромными холмами, и дети скатываются с этих холмов на полозьях. Мы будем жить в огромном доме, а потом к нам обязательно приплывет Эйрика...

— Эйрика? — дернулась Катрин? — От нее есть вести? Она нашлась?

— Ой, — девочка зажала себе рот ладонями, — Я не должна была говорить. Дядя Ингвар сказал, что лучше, если ты узнаешь от него...

— Что узнаю? Агата! — голос женщины смягчился, — у тебя же не было от меня секретов?

Девочка потупилась, щеки залились румянцем. Катрин вздохнула, и решила пока не давить на девочку, а устроить допрос северянину.

Избегая опасной темы, Агата переключилась на более близкие события, и принялась рассказывать матери о своих делах, как она читала книги, переписывала строчки, и даже сумела сшить платье своей старой кукле.

Катрин слушала ее со всем вниманием, но мысли то и дело перескакивали на свое. Что Ингвар знает про Эйрику? Или его слова — лишь попытка утешить Агату? Как, за столь короткий срок, северянин успел настолько вызвать доверие дочки, что та готова плыть в холодную неизвестную страну, полагаясь лишь на его слова? И самое главное, как ей самой вести себя с ним?

Агата уже давно ушла спать, а Катрин все лежала, в глубокой задумчивости. Она твердо решила выпытать у северянина, что ему известно об Эйрике, но, как назло, мужчина куда — то ушел. Служанка сообщила, что северянин не предупредил, когда вернется, но приказал девушке проследить, чтобы Катрин поужинала.

Без особого удовольствия, но и без возражений, женщина съела несколько ложек каши, и отодвинула чашку подальше от себя. С какой стати она вообще позволила этому дикарю командовать в своем доме?

Катрин признавала, что кривит душой. Рядом с Ингваром возвращалось желание жить, отпускала тревога о будущем, и сейчас, когда он отправился неизвестно куда, его не хватало особенно остро.

На столе горела свеча, тускло освещая комнату. Катрин металась в беспокойном сне. Тревожные образы сменялись один за другим, *тетка — научиха с брезгливостью на лице, выговаривала девочке, что ей никогда не стать настоящей аристократкой. Неожиданно тетка превратилась в леди Дашес, которая указывала на нее пальцем, натравливая толпу. Женщина вздрагивала от хлестких слов, и презрительных взглядов, преследовавших повсюду. Ее гнали к обрыву...*

— Катрин...

Знакомый голос, и теплые руки, словно из ледяной воды, выдернули ее из тяжелого сна. Спросонок, женщина непонимающе взглядывалась в лицо мужчины, еще не до конца понимая, что уже проснулась.

Северянин притянул ее к себе, бережно обнимая. Катрин тяжело дышала, чувствуя, как липнут пряди волос, к мокрому от пота вискам. Придя в себя, она нашла силы, отстраниться первой.

— Ты только вернулся? — произнесла она первое, что пришло в голову.

— Были важные дела, — уклончиво ответил Ингвар, не сводя с нее внимательного взгляда. — Теперь можешь спать спокойно, я рядом.

Однако сон уже отступил. Катрин вспомнила, что решила расспросить северянина, и не собиралась

откладывать это до утра. Наткнувшись на ее упрямый взгляд, Ингвар хмыкнул.

— Как понимаю, спать ты не собираешься.

— Я хотела лишь спросить... Ты что — то слышал про Эйрику?

Мужчина не удивился, только покачал головой.

— Следовало догадаться, что Агата не удержится, чтобы не поделиться с тобой столь важной вестью.

— Почему ты не сказал мне сразу? — нахмурилась Катрин.

— В тот момент, когда ты лежала едва живая? Или после, когда только начала приходить в себя? Лекарь посоветовал пока оградить тебя от лишних переживаний, поэтому я решил отложить этот разговор.

— Ингвар, мне необходимо знать, где Эйрика, что с ней! — теперь голос Катрин звучал умоляюще.

Северянин вздохнул, но после небольшой паузы начал рассказывать.

Все началось с того, что откладывалось отплытие в Эрланг. Корабли были готовы, товары загружены, но лекарь из великой пустыни, собиравшийся перебраться на север, задерживался. Ингвар решил не торопиться с отплытием, так как лекарь стоил того, чтобы его дождаться.

В один из дней, к нему обратился странный паренек, желающий наняться на корабль. Ингвар предупредил, что не берет сторонних людей, но мальчишка не отступал. Он так рвался в море, что северянин решил помочь ему устроиться на корабль знакомого капитана. Того самого, что должен был привезти лекаря, и под чьим началом теперь служил Рикард.

Мальчишка был слишком юн, чтобы работать грузчиком, и слишком воспитан, чтобы выпрашивать монеты у прохожих, и Ингвар давал ему несложную работу, потому что брать еду просто так, тот отказывался, но заметно было, что мальчишка голодает.

Прибыл корабль, капитан согласился дать пареньку шанс, и все шло довольно неплохо, пока не появился Рикард. Его столкновение с мальчишкой, стало для обоих настоящим шоком. А затем, не меньшее потрясение ждало Ингвара, когда он узнал, кто перед ним.

Поняв, что ее раскрыли, Эйрика попыталась сбежать, и северяне потратили несколько дней, чтобы отыскать ее в Торде. Она собиралась отсидеться, и снова попытаться пробраться на корабль. После долгих споров, было решено, оставить все как есть. Эйрика, под видом мальчишки, послужит пару лет на корабле, под бдительным присмотром Рикарда, а затем вернется к семье. Ни Рикарда, ни Эйрику, этот вариант не устроил, так как девочка хотела полной свободы, а мужчина не собирался становиться нянькой. Однако им пришлось подчиниться слову Ингвара.

— И ты отпустил ее?! Не заставил вернуться домой! — Катрин разволновалась, — Корабль не лучшее место, для юной леди! А если вскроется правда, что с ней будет?!

— Катрин, успокойся. Я понимаю твою тревогу, но уверяю, ничего дурного с твоей дочерью не произойдет. Рикард присмотрит за ней, и проследит, чтобы с Эйрикой не случилось ничего дурного.

— Как ты мог принять такое решение, отпустить ее в море!

Северянин крепко сжал руки женщины.

— Она сама приняла это решение. Я бы мог применить силу, и привезти ее к тебе, против воли. Только уверен, она сбежала бы снова, и попыталась бы опять пробраться на корабль, подвергая себя большей опасности. Пусть лучше остается под присмотром человека, которому я доверяю, и с которым могу держать некоторую связь.

Катрин уткнулась лицом в ладони. Ингвар верно понимал, Эйрика всегда была упрямицей, и все равно добилась бы своего. Но как же тяжело принять это.

— Пусть испытает свои силы, и убедится, что море, это не только романтика, но и тяжелый труд. А потом, Рикард лично привезет ее к нам.

— К нам? — женщина недоуменно подняла бровь, вопросительно посмотрела на северянина, и наткнулась на чуть насмешливый взгляд.

— Через пару недель мы отплываем в Эрланг, я хочу, чтобы мой сын родился на родной земле. — твердо заявил Ингвар.

— У меня будет дочь.

— Хорошо, я хочу, чтобы моя дочь родилась на родной земле.

Катрин закрыла глаза, и отвернулась, понимая, что спорить бесполезно. Засыпая, она чувствовала, как Ингвар сидит рядом, держа ее за руку.

Северянин смотрел на мирно спящую женщину, любясь правильными чертами ее лица. Она жива, их ребенок жив, и продолжает расти. Лекарь посоветовал плыть сейчас, пока море спокойно, уверяя, что морское путешествие не повредит женщине.

В чем — то Рикард оказался прав, надо было давно увезти Катрин на север, позволить ей своими глазами увидеть его родную землю, и дать убедиться, что холодный край не такой дикий, как принято здесь считать.

Глава 44. Новый мир

Уже три недели вокруг было только море, и низко нависшее звездное небо по ночам. Корабль шел полным ходом, и чем дальше позади оставалось родное королевство, тем холоднее становился воздух.

Дни перед отъездом выдались насыщенными на события, и тем удивительнее, что Катрин почти не пришлось принимать участия в общей суете. Вещи собирала служанка, почту забирала и привозила Нитта, и даже чиновник с некоторыми документами прибыл сам.

Выплаты за торговое дело Теодория, и купеческий дом переходили Селине, Катрин оставила за собой только этот старый домик, и некоторое количество золотых, хотя понимала, почти наверняка, она сюда уже точно не вернется.

Впереди ждал новый неизвестный мир, который пугал, но в равной мере вызывал любопытство. На корабле было довольно неплохо, обращались с ней уважительно, а Агата умудрилась за несколько дней стать всеобщей любимицей.

Как — то, покинув каюту, женщина с удивлением обнаружила, что ее дочь, которая прежде сторонилась чужих людей, сидела на чьем — то расстеленном плаще, и читала вслух книгу сказок, старательно переводя ее на северный язык, для своих слушателей. Иногда, когда у нее возникали затруднения, кто — то из моряков помогал подобрать нужные слова.

— На нашей земле принято любить и баловать детей, пояснил Ингвар, на молчаливый вопрос Катрин.

Помнится, женщину немного удивил тот факт, что у северных дикарей какое — то особенное отношение к детству. Однако объяснялось это просто. В семьях рождается мало детей, а вот живут северяне нередко дольше ста лет, и зачастую выходит, что на одного ребенка приходится до трех поколений взрослых.

Да и в целом, обычаи на севере заметно отличался от южных королевств. Браки заключались ближе к двадцати пяти годам, или раньше, но обязательно жених и невеста должны быть старше двадцати лет. Это соблюдалось строго. Мужчина мог привезти себе жену из другой земли, но если она младше нужного возраста, то до “совершеннолетия” ей приходилось жить в приемной семье.

Ингвар старался ответить на все вопросы Катрин, понимая, что той придется привыкать к совершенно новому укладу жизни. Он готов был сделать все, чтобы женщина не пожалела, что отправилась на север.

Катрин успела порядком устать, от длительного путешествия, и внутреннее беспокойство отступало, перед желанием ступить на твердую землю. По словам Ингвара, они почти прибыли. Теперь он не мог проводить столько же времени с ней, потому что все были заняты на верхней части корабля. Сама женщина не выходила из каюты, где сидела закутавшись в теплый плащ. Ей еще не доводилось сталкиваться с таким сильным холодом.

Даже Агата теперь предпочитала сидеть с матерью, иногда только высовываясь наружу, и с любопытством приглядываясь к происходящему. Ей очень хотелось разглядеть белые холмы, но увы, это пока не представлялось возможным. Да и ходить в огромном, как одеяло, плаще — неудобно. Приходилось ждать, пока корабль причалит.

В каюте появился Ингвар. Раскрасневшийся, и очень довольный, он сгрузил на узкую кровать пушистую одежду, которая, судя по всему, была сшита из шкур животных.

— Леди, вам придется последовать примеру дикарей, и облачиться в шкуры, чтобы не замерзнуть, — в глазах его плясали веселые огоньки.

В первую очередь, мужчина помог одеться Агате. Катрин пока настороженно присматривалась. Длинные, до колен обшитые мехом ботинки, меховой халат, и такая же шапка смотрелись на девочке довольно необычно, хотя и придавали ей особое очарование. Не удержавшись, Агата тут же поспешила наверх, желая убедиться, что теперь и правда можно не бояться холода. Катрин и Ингвар остались одни.

Северянин притянул к себе женщину, и она ощутила, как от его кожи исходит жар. Казалось, что он не только не мерзнет, но и вовсе не замечает, пробирающего холода.

— Ты готова? — спросил он, взглядываясь в ее лицо, своими поразительно синими глазами.

Женщина неуверенно кивнула.

Непривычные одежды были тяжелыми, гораздо тяжелее, чем роскошные бальные платья, но в то же время, они надежно оберегали от царящего вокруг холода.

— Никогда бы не подумала, что однажды мне придется носить шкуры животных, — задумчиво заметила Катрин.

— У нас они называются шубы, — улыбнулся Ингвар, и заметил, — Тебе очень к лицу.

Женщина улыбнулась, наверное, в глазах местных, эта одежда ценится больше изысканных платьев.

Вернулась Агата, щеки ее были покрыты розовым румянцем, а поверх шубы в два ряда переливались бусы из янтаря.

— Там столько людей, — выдохнула она, — И земля белая — белая.

Ударил колокол. Ингвар сжал пальцы Катрин.

— Нам пора.

Яркий белый свет ослеплял, заставляя слезиться глаза. Катрин казалось, что она не смогла бы сделать и нескольких шагов, если бы ее не вел под руку Ингвар.

Когда глаза привыкли к ослепляющей белизне, ее ожидало новое открытие. На берегу собралось огромное количество народа. Женщина не знала, сколько человек проживает в Эрланге, но казалось, что все они сейчас встречали прибывшие корабли.

Стоило ступить на землю, как шум приветствий стал просто оглушительным. Катрин плотнее прижалась к северянину, зачем все эти люди собрались здесь? Может их привело желание посмотреть на чужестранку, которую привез их соотечественник?

Толпы людей стояли по бокам, образуя бесконечно длинный коридор, и женщина не сразу заметила, что по этому коридору, им навстречу шла пожилая пара.

Мужчина был высок, с широкими плечами, короткой белой бородой, и такими же синими глазами, что и у Ингвара. Невысокая женщина едва доходила ему до плеча, ее шуба и шапка были расшиты янтарными бусинами. Морщинки, возле глаз, придавали ей добродушное выражение, и наводили на мысль, что в молодости женщина много смеялась, или отличалась веселым нравом.

Когда они поравнялись, Ингвар на миг выпустил руку Катрин, и опустившись на колени, коснулся лбом нижней части шубы матери. Ты поспешила поднять сына, и заключить его в объятия.

— Родной мой, вернулся! — на глазах женщины выступили слезы, от избытка эмоций, — Столько лет прошло...

Толпа уважительно притихла. Катрин стояла, прижимая к себе Агату.

Когда мать немного успокоилась, мужчина шагнул к отцу, и крепко сжал его руки. В этот раз обошлось без слез и причитаний, но заметно было, что и пожилой северянин очень рад видеть сына.

Ингвар снова приобнял Катрин, и теперь внимание его родителей обратилось к ней.

Первым заговорил пожилой мужчина.

— Сын мой! Представь нашей земле свою избранницу, твой народ должен знать, в честь кого будет осушать кубки, на грядущем празднестве!

Его звучный, громкий голос, заставил Катрин вздрогнуть. Меньше всего происходящее походило на тихую семейную встречу.

— Жители Эрланга, — теперь голос Ингвара звучал так же громко, как и у его отца, — Позвольте представить вам мою будущую супругу — Катрин! Мать моей дочери, — он поднял на руки Агату, чтобы ее было видно дальним рядам людей. Не ожидавшая подобного, девочка испуганно вцепилась в него, и перевела дух, только вернувшись на землю.

— И мать моего ребенка, который пока ждет своего часа! — закончил он.

Толпа снова разразилась радостными криками, аплодисментами, которые сливались в общий шум.

— Прежде, люди нашей земли следовали за нами, теперь же наш черед следовать за своим сыном. — произнес пожилой северянин, пропуская сына с невестой вперед.

Катрин шла под руку с Ингваром, среди всеобщих приветствий. У нее было множество вопросов, но северянин гладил ее пальцы, призывая к терпению. Да и разве можно поговорить, когда вокруг царит такой шум?

Идти пришлось не слишком долго. Толпа буквально вынесла их на широкую площадь, во главе которой стоял... Катрин определила его про себя, как дворец, но здание не являлось дворцом, с привычной точки зрения. Деревянное сооружение было искусно украшено резьбой, и отличалось обилием архитектурных деталей. Если присмотреться, создавалось впечатление, что постройка состоит из отдельных зданий, соединенных между собой переходами.

Внутри царило такое же оживление, что и снаружи. Пришлось миновать два зала, пока в третьем, с ними не остались только родители Ингвара.

— Я рад, что родная земля, наконец притянула твое сердце, хотя ты и задержался дольше положенного. — пожилой мужчина похлопал сына по плечу, и развернулся к Катрин. — И так же рад видеть тебя, на земле моих предков. Мое имя Ольгерд, я прежний князь Эрланга. Моя жена, солнце северных земель — Ильгерда.

Катрин коротко поклонилась. Она начинала уставать, но не хотела показывать подступающую слабость. Ингвар бросил на нее беспокойный взгляд, однако женщина тихо сжала его пальцы, словно желая сказать, что все в порядке.

Ольгерд завел с сыном разговор, что лучше всего совершить брачный обряд сегодня, чтобы молодые сразу заняли полагающуюся им половину детинца.

— С ума сошли! — возмутилась Ильгерда, — Невеста только с корабля, едва на ногах держится, а вы желаете ее еще и на гуляния вытащить? Дайте ей хоть отдохнуть с дороги.

— Катрин, будет так, как ты скажешь? — под внимательным взглядом Ингвара, женщина на миг задумалась.

— Тебе придется какое — то время жить на нашей половине, и перейти на половину Ингвара, можешь только после заключения брака. Да и народные гуляния придется устраивать еще раз, — задумчиво произнес пожилой мужчина, словно подталкивая Катрин к верному решению.

— Ольгерд! — возмутилась его жена.

Катрин улыбнулась уголками губ, понимая намек. Рядом с Ингваром, она будет чувствовать себя спокойнее, а значит, стоит набраться сил, и пережить этот день, со всеми его событиями.

Их свадьба отличалась от прежних торжеств, которые знала женщина. По — прежнему не было белого платья, зато мужчина, с которым она связывала свою жизнь, смотрел на нее горящими влюбленными глазами.

Человек, в белоснежном одеянии, произнес над ними короткую речь, затем новобрачные отпили по очереди из одного кубка, какой — то пряно — сладковатый напиток, и под всеобщее ликование, Ингвар поцеловал свою жену.

Потом они сидели на высоких резных, деревянных креслах, выслушивая бесконечные пожелания и поздравления. Под конец Катрин решила, что поступила опрометчиво, соглашаясь вступить в брак в этот же день. Усталость давала о себе знать, и держалась женщина уже не на силе духа, а на одном чистом упорстве.

Заметив побледневшее лицо жены, Ингвар поспешно встал, и Катрин поднялась за ним, уже не вполне осознанно. Под взглядом сына, Ольгерд перетянул внимание гостей на себя, позволив молодым удалиться.

Женщина еще успела почувствовать, как северянин подхватил ее на руки, и понес через длинные коридоры, но конец пути терялся где — то на грани сознания.

Глава 45. Семья

Сперва Ингвару крепко досталось от лекаря. Как могло прийти в голову взрослому, серьезному человеку, тащить беременную женщину на всеобщие гуляния? Тем более, когда она еще до конца не оправилась от истощения. После длительного морского путешествия пациентке требовался отдых и покой, а не немедленная свадьба.

Лекарь был еще корректен в своих словах, а вот после нагоняя от матери, уши горели не только у Ингвара, но и у его отца.

— Додумались! Один седую бороду нажил, а ума, как у животинки дворовой! Дела хотел поскорее на сына спихнуть? Да если моя невестка внука скинет, я вам обоим это попомню. Мужчины! Что с корабля, что на бал — все едино. Дали бы хоть невесте обвыкнуться на новом месте, али боялся, что сбежит от тебя, твоя ненаглядная? Ладно, отец твой, но самому — то не совестно?!

Мирно спавшая Катрин, и не подозревала, какая буря пронеслась над головой ее супруга. В комнате пахло сухими травами, а главное, было тепло и уютно, так что, когда женщина открыла глаза, она чувствовала себя на редкость выспавшейся и отдохнувшей.

Добравшись до края широкой кровати, занимавшей едва ли не треть комнаты, Катрин коснулась босыми ногами пола, и огляделась. Уютно... И в то же время ничего лишнего. Узкие, вытянутые окна, под ними добротная деревянная лавка, застеленная плетеной тканью. Пара стульев, стол. На второй лавке, что стояла ближе к двери, разложено платье.

Женщина поспешила одеться. Без особых усилий, она довольно быстро разобралась, как носить местную одежду, которая отличалась многослойностью, но при этом свободным кроем. Непривычно, но самое главное — тепло. Больше любопытства вызвала местная домашняя обувь, которая показалась смесью чулок и туфель. Благо, ее полностью скрывала длинная юбка.

Теперь предстояло выяснить, где разместили Агату, и где комната Ингвара. Да и в целом познакомиться с новым жилищем. Катрин чувствовала себя бодрой, и в ее душе снова поселилась потребность деятельности. Раз уж предстоит жить здесь, то значит, нужно узнать этот мир поближе.

За пределами комнаты ее встретил короткий коридор, с парой широких окон, и лестница ведущая вниз. Спустившись, женщина оказалась в квадратном зале, с высокими окнами. Здесь тоже было безлюдно. После пары переходов, и лестниц, она, неожиданно для себя, оказалась в очередном коридоре, который завершался не дверью, а полукруглой аркой. С той стороны доносились голоса, и Катрин показалось, что она различает голос младшей дочери.

В полукруглом зале, на лавке у окна сидела пожилая женщина, перед странного вида инструментом. Под боком у нее пристроилась Агата, замороженно глядя, как белые волокна шерсти превращаются в нити. Они тихо о чем — то переговаривались.

Катрин удивленно подняла бровь, младшая дочь, которая обычно сторонилась посторонних людей, сделала удивительное исключение для жителей Эрланга. Вот и сейчас, она держится так, словно знакома с матерью Ингвара несколько лет.

Ильгерда подняла глаза, и заметив невестку, приветливо улыбнулась. Катрин приблизилась, еще не зная, как лучше держаться. Агата соскочила с лавки, и обняла мать, глаза девочки сияли.

— Агата, милая, не кликнешь ли Ельгу, чтобы обед собирала? — обратилась к ней пожилая женщина, когда девочка, наконец, выпустила мать.

Та улыбнулась в ответ, и скрылась за дверью, напротив арки.

— Присаживайся, в ногах правды нет.

Катрин послушно опустилась на лавку.

— Ты на мужа моего обиды не держи, он хотел как лучше. Да дела торопится сыну передать, чтобы как сойдет снег, мы смогли перебраться на священную гору, поближе к родителям.

— Простите? — Катрин считала, что неплохо знает северный язык, но сейчас возникли сомнения, что она правильно поняла смысл сказанного.

— Отцу его, Рёрику, сотый год миновал, он все ждет, когда и мы, на священную гору взойдем, чтобы хранить память предков. Да только прежде, власть должна сыну перейти, чтобы мы свободу получили.

Ильгерда взглянула на непонимающее лицо невестки, и ее губы тронула улыбка. Хорошую себе жену сын нашел, высокую, статную, речь разумеет. Только вот тихая слишком, а чтобы детинцем управлять, характер должен иметься немалый. Да ничего, характер дело наживное.

— Я же тоже не на этой земле родилась, хоть уже и более полувека тут моя родина.

— Вы из южных земель? — решила подать голос Катрин.

— Не из самых южных, конечно, из королевства Аквилан. Вижу, и ты оттуда родом? — пронизательно заметила Ильгерда.

Катрин кивнула.

— Только я покинула родину в очень юном возрасте. Кажется, мне тогда только миновало пятнадцать лет... Я родилась в королевской семье, мой младший брат должен был в свое время занять престол, а меня сговорили за принца из Данбора.

Помню, стояла сырая осенняя погода, я ехала в сопровождении служанок, и почти все время ревела. Жених, которого мне довелось видеть мельком, вызывал отвращение, нравы соседнего королевства претили всей моей душе, но послушаться отца я не могла.

Меня охраняла большая свита, в том числе несколько жителей Эрланга, которые во все времена считались лучшими воинами. Один юноша заметил, что я почти все время горюю, и нашел возможность перекинуться со мной парой слов. Я призналась ему, что по прибытии, собираюсь броситься с башни, только чтобы не вступать в ненавистный союз. Во мне тогда говорила молодость, и отчаянная решимость.

Однако молодой северянин проникся ко мне сочувствием, и выкрал, обставив это, как несчастный случай. Мы некоторое время скитались в лесу, а потом он привез меня на свою родину. За что... — пожилая женщина хмыкнула, — получил плетей от своего отца. Все — таки раньше нравы были более суровыми. Однако, его родители оставили меня жить у себя, а он снова покинул остров.

Никогда в жизни, даже в королевском дворце, я никогда не была настолько счастлива и свободна, как здесь. Его мать отнеслась ко мне, как к родной дочери, обучила языку и обычаям. А спустя десять лет, тот юноша вернулся, уже став мужчиной, и я стала его женой.

Ни одного дня я не жалела, что моя жизнь сложилась именно так, а не иначе. Здесь, в отличие, от юга, очень суровая природа, и это заставляет людей, особенно тепло относиться друг к другу.

Ильгерда говорила, продолжая прясть. Незаметно для себя, Катрин втянулась в разговор, и тоже немного рассказала о себе. Вернулась Агата, сообщив, что в соседней комнате им уже собрали обед.

За столом разговор продолжился. С матерью Ингвара было легко, она излучала столько доброжелательности, что Катрин поняла, почему младшая дочь так тянется к пожилой женщине.

После обеда они вернулись в прежний зал. Не выпуская пряжу из рук, Ильгерда увлеклась, рассказывая местные легенды о богах, и сотворении северной земли. Катрин слушала, помогая сматывать нитки. В голове пронеслась мысль, что Эйрика оценила бы местные сказки, и сердце сжалось. Где там сейчас ее старшая дочь, все ли с ней в порядке?...

Под вечер вернулся Ингвар, с белыми от снега волосами и плечами. Он отыскал супругу на половине матери, и Катрин с удивлением обнаружила, что день почти пролетел.

— Тебе не следовало покидать постель, — мягко упрекнул он жену, когда они остались одни.

— А тебе не следовало оставлять меня одну, в незнакомом месте, — парировала Катрин.

Ингвар смугился.

— В моем доме ты в полной безопасности, я думал, что ты посвятишь весь день отдыху.

Женщина подняла бровь, и внимательно посмотрела на мужа. Синие глаза смеялись, и она тоже позволила себе улыбку. Мужчина притянул Катрин к себе.

— Я бы с радостью взял тебя сегодня с собой, но тебе следовало отдохнуть. Особенно после вчерашнего.

Они вернулись в комнату Катрин. Заметив, как по хозяйски располагается Ингвар, женщина задалась вопросом, а в своей ли комнате она провела ночь. Неожиданно выяснилось, что обычно супруги делят одни покои на двоих.

— Неужели здесь недостаток свободных комнат? — удивилась женщина.

— У нас так принято. Мы женимся на тех, кого любим, и нам нет нужды прятаться друг от друга по разным комнатам.

Катрин не стала спорить, у нее и без того, за день накопилось немало вопросов. Может и к лучшему, что северянин не сможет сбежать к себе, так как она намеревалась утолить свое любопытство, и попытаться понять этот странный, по — своему устроенный мир.

— Твой отец вчера сказал, что он князь, это что — то вроде титула?

— Да, как король, в южных королевствах, но у нас власть держится не на армии, а на уважении, и любви народа.

Женщина слушала, и Ингвар продолжил.

— Княжеский титул обязывает следить за порядком на своей земле, вершить суд, поддерживать традиции. Это нелегкий труд, но крайне почетный. Теперь, когда у меня есть жена, отец передаст власть мне, а сам получит свободу. Мы вынуждены будем продолжить его дело, пока кто — то из наших детей не обзаведется семьей. Тогда

уже я передам княжеский венец сыну, или мужу своей дочери, и они продолжат поддерживать порядок в Эрланге.

— Твоя мать сказала, что отец твоего отца живет на священной горе?

— Да, передав власть моему отцу, великий Рёрик со своей женой перебрались в поселение мудрых. Там, на священной горе живут самые уважаемые жители Эрланга, они ведут хронику ушедших событий, и изучают опыт прошлых поколений. Когда наш сын обзаведется своей семьей, мы тоже получим право присоединиться к моим родителям, и познать древнюю мудрость.

— Наверное, мне нужно больше времени, чтобы понять это... — произнесла Катрин, неуверенная, что вообще сумеет разобраться в местном мировоззрении.

— Это события будущих лет, а сейчас, гораздо ценнее настоящее.

Ингвар притянул жену к себе, и коснулся губами ее губ. Катрин ответила, чувствуя, как гулко колотится в груди сердце.

Лето подходило к концу, стояли сухие и теплые дни. Катрин с некоторой завистью наблюдала за жителями Эрланга, которые разгуливали в легких свободных одеждах. Сама она провела все лето, кутаясь в теплый плащ, иногда с сожалением отмечая, что носила бы и шубу, хотя и не принято в это время года.

Ребенок рос, и по настоянию лекаря, женщине приходилось совершать длительные пешие прогулки, чтобы получить достаточное количество солнечного тепла. Ее непременно сопровождал Ингвар, которому приходилось ради этого откладывать некоторые дела, но мужчине и в голову бы не пришло оставить Катрин без присмотра, особенно сейчас, когда живот заметно выдавался даже в платье свободного кроя.

Местные жители были настроены доброжелательно. Во время прогулок, мужчины время от времени подходили к Ингвару, перекинуться парой слов, и Катрин могла свободно участвовать в разговоре, хотя и предпочитала больше слушать. Авторитет, которым пользовался ее муж, не мог не удивлять.

— Это потому, что отец моего отца — великий Рёрик, — смеясь объяснил Ингвар, когда женщина пыталась понять природу особого уважения к их семье.

— Он был великий воин, или корабел, а быть может лекарь? — попыталась догадаться Катрин, которая уже примерно разбиралась в местном устройстве общества.

Северянин замедлил шаг, бережно придерживая жену под руку.

— Великий Рёрик, это человек, который вновь обратил на нашу землю благоволение богов, — серьезно произнес Ингвар.

Катрин ждала, она уже привыкла, что здесь любая история о прошлом — это быль, звучавшая, как сказка. Мужчина задумался, он и сам знал события минувших лет, по рассказам родителей. Отец отца, великий Рёрик, мало говорил о прошлом, предпочитая настоящее.

— Давно, около ста лет назад, на нашем острове царили суровые, скорее даже жестокие нравы, — начал Ингвар свой рассказ. — В те времена, князем становился самый могучий человек северной земли, убив перед этим своего предшественника. Князья отличались беспощадностью и жестокостью к тем, кто слабее, они забирали то, что им нравилось, и убивали неудобных. Это были темные, и мрачные времена для нашей земли...

Юноши, достигая возраста, покидали Эрланг, занимаясь пиратством и разбоем в других королевствах, набираясь воинского опыта. Северяне держали в страхе южные земли, где получили славу безжалостных дикарей.

Великий Рёрик родился в семье корабела, и возмужав, тоже провел юность, занимаясь разбоем. Вернувшись, он обнаружил, что его семью вырезали, а дом сожгли, лишь потому, что корабел из рода Орн, позволил себе резко высказаться о князе.

Вне себя от горя и гнева, великий предок вызвал князя на бой, и убил его, ударив о землю. Тем самым забрав княжеский венец. Однако, он не стал упиваться своей властью, а взялся искоренять дурные обычаи родной земли. В первые годы, ему часто бросали вызов, и каждый раз он побеждал, при этом оставляя противников в живых, что было немислимо для того времени.

Рёрик оставил традицию, по которой молодые люди отправлялись остудить горячую кровь в чужих землях, но предостерег от разбоя. По его приказу, юноши могли наниматься на службу, осваивать мастерство, но если до родной земли дойдут слухи о бесчинствах, то отступника ожидало суровое наказание.

Всеобщее недовольство вызвал запрет заключать браки с двенадцати лет. В тот год, князю пришлось отстаивать свое право повелевать, в десятках поединков. Рёрик считал, что союзы, в которых умирает половина жен, не сумев принести ребенка, губительны для народа, и поднял возраст брака до двадцати лет.

Тот, кто шел против этого указа, получал двадцать ударов палками, и ссылался на лесные работы, лишаясь права, когда — либо заводить семью.

К моменту появления на свет Ольгерда, на северном острове наступил просвет. Люди стали реже умирать, могли не бояться за близких и имущество, несколько лет подряд боги посылали хороший урожай, и когда Рёрик объявил, что передаст княжеский венец своему сыну, это вызвало всеобщую поддержку.

Великий князь издал законы, которые чтятся по сей день. Особое место в обществе стали занимать корабелы, воины, лекари, кузнецы, и целый ряд семей, принадлежавших к мастерам.

Ольгерд продолжил дело отца. Он озаботился тем, чтобы жители острова обучались грамоте, при нем возводились новые дома и дороги, а темные времена начали уходить в историю.

Теперь бремя власти ложилось на плечи Ингвара. Мужчина убедил перебраться на север, знаменитого лекаря из пустынь, чтобы тот не только лечил здесь людей, но и набирал учеников. Чтобы однажды в каждом селении жил хотя бы один лекарь.

Об этих планах мужа, Катрин было известно. Лекарь занимал в городе огромный деревянный дом, где каждый день собиралось с десятков подростков, которым предстояло освоить почетное мастерство. Неожиданностью только оказалось желание младшей дочери стать лекарем. Катрин отнеслась к решению Агаты скептически, но Ингвар

уговорил жену не запрещать девочке делать свой выбор. И теперь, Агата, вместе с другими ребятами постигала тайны врачевания.

Очередная прогулка подходила к концу. Катрин, в сопровождении Ингвара, шла по чистой улице, дома на которой принадлежали исключительно корабелам. Когда к ним приблизился местный мастер, женщина остановилась, терпеливо дожидаясь, пока мужчины обсудят насущные дела. К ее удивлению, корабелу требовался вовсе не князь.

— В моей семье сегодня великий день, в час рассвета родилась дочь! Раз уж княгиня оказалась рядом с моим домом, не окажет ли она честь, дать счастливое имя новорожденной?

Катрин бросила быстрый взгляд на мужа, тот незаметно кивнул.

Жена корабела лежала на широкой кровати, под тяжелым одеялом. Лицо ее было влажным от пота, однако она нашла в себе силы немного приподняться, чтобы поприветствовать почетных гостей.

Корабел взял на руки ребенка, завернутого в тонкое одеяльце, и поклонившись передал Катрин. Женщина смотрела на маленькое сморщенное личико, проникаясь внезапной нежностью. Вспомнилось, как она впервые взяла на руки Эйрику, и так казалась ей самым прекрасным созданием на свете. В наступившей тишине, женщина проговорила:

— Эйрика. Бесконечно отважная и храбрая девочка, но в то же время имеющая большое любящее сердце.

— Эльрика... — задумчиво повторил корабел, точно пробуя имя на вкус.

Катрин не стала его поправлять, пусть у ребенка будет своя судьба, и свое имя. Пусть малышка растет храброй, доброй, и окруженной заботой. Она передала ребенка Ингвару, и тот тоже произнес положенные пожелания.

Пора было уходить, но не удержавшись, женщина снова взяла малышку на руки. Такая крошка... В душе потеплело, и Катрин почувствовала, что и дальше судьба этой девочки будет ей особенно близка. Неожиданно, живот скрутило тянущей болью. Она едва успела вернуть ребенка отцу, и перевести дух. Ингвар встревожился, но женщина покачала головой. Все в порядке...

Однако, ближе к дому, приступ повторился снова.

С первыми лучами солнца, дом огласился криком маленького человечка. Лекарь только покачал головой. Рано... Поторопился мальчишка прийти в этот мир. А может и к лучшему, вон он какой крепкий, дождался бы срока, пришлось бы труднее. Хотя, княгиня сильная женщина, все равно бы справилась.

Ингвар сидел на краю кровати, сжимая ладони Катрин. Бессонная ночь, полная переживаний и тревог осталась позади. Маленький сверток мирно спал на подушке.

— Его имя будет Рёрик. Пусть наш сын вырастет, и станет таким же великим, как и отец моего отца.

Катрин улыбнулась, чувствуя жжение в потрескавшихся губах.

— Пусть будет Рёрик...

Дорогие мои читатели! Эта история подошла к своему завершению, можно было бы посвятить еще много глав счастливой семейной жизни Катрин, и детству ее сына, но писатель всегда должен уметь вовремя остановиться.

Многие из вас спросят, а как же Эйрика? Ведь ее судьба, после того как девочка вышла за рамки этой истории, осталась открытой и неопределенной. Странствиям и приключениям Эйрики я планирую посвятить отдельную книгу, которая скорее всего выйдет весной (возможно ближе к лету). Подписывайтесь, чтобы оставаться в курсе событий)

Еще, я решила вынести в послесловие некоторые любопытные факты, которые остались за рамками книги, но тем не менее тоже являются частью этой истории.

1. Многие заметили, что в начале книги Катрин носит девичью фамилию, а вот после гибели Теодория, остается с фамилией второго мужа.

Дело в том, что племяннику первого мужа Катрин, претила мысль, что дочь посудомойки продолжит носить фамилию его родовитого дядюшки, он предложил женщине сделку. Та возвращает фамилию своего отца, а взамен, молодой человек кроме содержания, покупает ей небольшой дом, в ближайшем городке. Катрин пришлось пойти на это, так как иначе, она с дочками оказалась бы просто на улице.

2. Катрин хорошо знает язык Эрланга, хотя его в Аквилане не принято изучать.

Тетка — паучиха всегда стремилась подчеркнуть, что Катрин слишком глупа, так как ее мать посудомойка. И поэтому выбрала ей для изучения самый сложный (и по ее мнению бесполезный) язык, чтобы можно было постоянно упрекать девочку, что та не старается. Катрин же сумела освоить непростой язык, вызвав этим только раздражение старшей родственницы.

3. Эйрика свободно добралась до Торда, хотя велись активные поиски.

Все искали юную леди, путешествующую в одиночестве, а вот скромный паренек не привлек к себе лишнего внимания.

4. В истории Рёрика, некоторые события остались скрытыми от потомков.

В юности, великий князь был таким же диким разбойником, как и многие его соотечественники. Однажды, они разграбили прибрежное селение Аквилана, где Рёрик захватил себе жену. Девушка неоднократно пыталась убить дикаря, но ее попытки не увенчались успехом.

Когда мужчина вернулся на родной остров, и обнаружил пепелище на месте дома, он был одержим мстостью. После победы над князем, жена Рёрика заявила ему, что он ничуть не лучше своего предшественника. Девушка сумела найти такие слова, что задела князя за живое, и он задался целью, доказать, что гораздо лучше тех, кто носил княжеский венец до этого.

Она всегда оставалась на втором плане, но при этом являлась ближайшим советником, и настоящим автором многих законов. Рёрик всю жизнь жалел о том, как провел молодость, и испытывал вину перед супругой. Тем более, что с возрастом уже не мыслил своей жизни без нее.

5. Катрин действительно с вниманием отнеслась к судьбе Эльрики. Девочку часто приглашали в детинец, и брали на княжеские выезды. Не удивительно, что в будущем именно она станет избранницей Рёрика, с которым они, по сути, будут вместе расти.

На этом, пожалуй, все. Спасибо тем, кто следил за этой историей до конца. Искренне буду рада, если и другие мои книги придутся вам по душе!

Всегда ваша, Василиса У.